

«**ЧЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ**»

АФРИКАНЦЫ И ИХ ПОТОМКИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ США

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Москва
ИАФр РАН
2024

**BLACK HERITAGE:
AFRICANS AND THEIR DESCENDANTS
IN HISTORICAL MEMORY OF THE USA**

Edited by

Dmitri M. Bondarenko

**«ЧЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ»
АФРИКАНЦЫ И ИХ ПОТОМКИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ США**

Под общей редакцией

Д.М. Бондаренко

УДК 94(73)+316.733
ББК 63.3(7Сое)
Ч49

Ответственный редактор
и руководитель авторского коллектива

Д.М. Бондаренко, чл.-корр. РАН, д.и.н., проф., гл.н.с.,
зам. директора Института Африки РАН

Рецензенты:

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., зав. кафедрой
американских исследований РГГУ

И.В. Следзевский, д.и.н., зав. Центром цивилизационных
и региональных исследований Института Африки РАН

Ч49 **«Черное наследие»: африканцы и их потомки в исторической памяти США.** Коллективная монография / Отв. ред. Д.М. Бондаренко. – М.: Институт Африки РАН, 2024. – 256 с. с илл. – ISBN 978-5-91298-301-6

«Черное наследие» (*Black heritage*) – понятие, в последние десятилетия активно внедряемое в Соединенных Штатах Америки усилиями как государства, так и общественных организаций. Оно предполагает признание фундаментального вклада уроженцев Африки и их потомков в историю страны, ее экономику и культуру, утверждение отношения к ним как к законным и полноправным наследникам культурного и исторического величия Африканского континента. Данная работа посвящена выявлению факторов формирования и трансформации исторической памяти американцев различного этнорасового происхождения о роли африканцев и их потомков в истории страны, и, в частности, ее связь с репрезентациями «черного наследия» в государственном и общественном дискурсах США в контексте обострения расовой проблемы и появления новых радикальных форм борьбы с белым расизмом в стране в середине 2010-х – начале 2020-х годов.

На первой странице обложки: Няня-рабыня с ребенком хозяев, 1858 г. Фотография в экспозиции Музея истории штата Миссури (*Missouri History Museum*), г. Сент-Луис, США.

УДК 94(73)+316.733
ББК 63.3(7Сое)

ISBN 978-5-91298-301-6

© Институт Африки РАН, 2024

© Коллектив авторов, 2024

© Абишева Г.М., оформление, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Бондаренко Д.М.)	7
Глава 1. <i>Black History vs. American History</i> : «черное наследие» и конфликт памяти в современных США (Александров Г.В.)	12
Глава 2. Память о Гражданской войне, отмене рабства и борьба с расизмом в США в конце 2010-х – начале 2020-х годов (Бондаренко Д.М.)	72
Глава 3. «Борьба с памятниками»: «черное наследие» и историческая политика США (Усачева В.В.)	120
Глава 4. «Черное наследие» в восприятии африкано-американцев: социокультурные контексты, символы и коммеморативные практики (Хохолькова Н.Е.)	177
Заключение (Усачева В.В.)	208
Список литературы	213
Abstracts	238
Сведения об авторах	242

CONTENTS

Preface (<i>Dmitri M. Bondarenko</i>)	7
Chapter 1. Black History vs. American History: Black Heritage and Memory Conflict in Contemporary USA (<i>Gleb V. Aleksandrov</i>).....	12
Chapter 2. Memory of the Civil War, Emancipation, and Struggle against Racism in the USA in the Late 2010s – Early 2020s (<i>Dmitri M. Bondarenko</i>)	72
Chapter 3. “War with Monuments”: Black Heritage and Historical Politics in the USA (<i>Veronica V. Usacheva</i>).....	120
Chapter 4. Black Heritage in African Americans’ Perception: Sociocultural Contexts, Symbols, and Commemorative Practices. (<i>Nadezhda E. Khokholkova</i>)	177
Conclusion (<i>Veronica V. Usacheva</i>)	208
References	213
Abstracts	238
Contributors	242

*...великая сила истории состоит в том,
что мы несем ее внутри себя.*

Джеймс Болдуин,
африкано-американский писатель¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основу источниковой базы при написании этой книги составили материалы, собранные в 2021–2022 гг. в ходе полевых исследований исторической роли африканцев и их потомков – африкано-американцев – в культурной памяти США. Они явились продолжением многолетних историко-антропологических исследований ее авторами африкано-американского сообщества и в связи с ним, сквозь призму связанных с ним проблем – всего американского социума с точки зрения того, как прошлое влияет на его настоящее и может повлиять на будущее. Сведения, собранные ранее, с середины 1990-х годов и особенно в ходе специальных полевых исследований в 2010-е годы, также активно использовались при написании данной коллективной монографии. Таким образом, она базируется на весьма обширном материале, что называется, из первых рук, собиравшемся на протяжении достаточно длительного времени в различных историко-культурных регионах Соединенных Штатов Америки.

Основными методами сбора материала во время полевых исследований являлись продолжительные (в среднем около полутора часов) структурированные интервью, полуструктурированные более или менее краткие интервью-беседы и наблюдение, по возможности включенное. Интервью и беседы проводились с представителями самых разных этнорасовых групп населения страны (не только с чер-

ными и белыми американцами, но и с уроженцами и родившимися уже в США потомками уроженцев государств Африки, Латинской Америки, Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока...). Очень важно и то, что среди наших собеседников были представители практически всех социальных слоев американского социума – от нищих, бездомных и безработных до профессоров, чиновников и бизнесменов. В ходе полевых исследований 2021–2022 гг. состоялись 31 структурированное интервью и 53 беседы, а их общее количество за все годы изучения черных американцев авторами книги составило около трехсот. Метод наблюдения также использовался чрезвычайно широко. В частности, авторы монографии многократно посещали так называемые черные районы многих городов США, провели немало времени в «черных» церквях, офисах принадлежащих африкано-американцам и ориентированных на удовлетворение их потребностей «бизнесов» и т.д. Особое значение имел тщательный анализ организации экспозиций и содержания коллекций большого количества разнообразных музеев – краеведческих, исторических, художественных, музеев-усадб...

Едва ли имеет смысл подробно обосновывать актуальность тематики этой книги: события последних лет в США, связанные с расизмом и борьбой с ним, наверняка памятли всем. Очевидно, что, несмотря на пройденный американским обществом долгий путь к расовому равенству, начиная с борьбы с рабством, и ныне «трудно согласовать идею расового примирения с реальностью»². Отметим только, что научное исследование освещенных в книге проблем ее авторы начали еще до того, как по всему миру прогремела аббревиатура *BLM*. Отталкиваясь от актуальных событий, анализируя их, они пытаются вскрыть фундаментальные, сущностные аспекты расовой проблемы в США, обусловленные исторически сформировавшимися особенностями американского общества и культуры. При этом авторы монографии, безусловно, согласны и учитывают в своем исследовании, что «протесты *BLM* достигли подобного масштаба не только вследствие полицейской жестокости или расовой дискриминации, но и под влиянием возросших социальных противоречий, которые начали оформляться задолго до 2020 г. и еще более обострились под влиянием экономической депрессии, вызванной пандемией *COVID-19*»³.

Анализируя связь прошлого с настоящим в США, авторы книги исходят из того, что прошлое не просто влияет на современность, а

становится ее основой, включается в нее, как сказал бы Гегель, «в снятом виде», во многом определяя ее характер и суть. Одним же из важнейших каналов проникновения прошлого в современность является коллективная историческая (иначе – культурная, или социальная) память. И в Соединенных Штатах Америки историческая память неизбежно наталкивается на вопросы о месте людей африканского происхождения в истории страны и их роли в ее преуспевании. Память о рабстве – тяжелейший камень преткновения на пути утверждения в общественном сознании американцев образа своей страны как цитадели свободы, в том числе имеющей моральное право выступать в качестве главного защитника прав человека во всем мире.

В последние десятилетия усилиями как американского государства, так и различных общественных организаций внедряется понятие «черное наследие» (*Black heritage*), предполагающее признание фундаментального вклада уроженцев Африки и их потомков во все сферы общественной жизни страны с момента их первого появления на земле будущих Соединенных Штатов в 1619 г. и утверждение отношения к ним как к законным и полноправным наследникам культурного и исторического величия народов Африканского континента. Внедрение этого понятия в общественное сознание происходит в самых разных формах – от включения связанных с африканцами и их потомками в Америке исторических и культурных памятников в список объектов, находящихся под защитой Министерства внутренних дел, до выпуска посвященной «черному наследию» серии почтовых марок, не говоря уже о праздновании на национальном уровне дня рождения Мартина Лютера Кинга (15 января) и «месяца африканской истории» (на протяжении всего февраля), о проведении практически по всей стране фестивалей и выставок, о выпуске множества книг, фильмов, создании специальных сайтов, посвященных «черному наследию», и т.д. и т.п. Но одинаково ли воспринимается понятие «черное наследие», стоящий за ним концепт представителями различных сообществ – этнорасовых, региональных, социальных и т.д., в своей совокупности образующих необыкновенно сложное явление, именуемое американской нацией?

Оценка «черного наследия» представителями разных частей американского социума естественным образом связана с историческим опытом каждой из них и всего народа США. Коллективная историческая память является важным фактором сложения и поддержания

групповой идентичности и – сквозь ее призму – определения отношения к другим сообществам, с которыми данной группе довелось столкнуться на перекрестках истории. Коллективная память разных сообществ об одних и тех же явлениях и событиях прошлого может иметь существенные различия, в том числе прямо влияющие на взаимоотношения между ними в наши дни. То есть необходимо сознавать, что историческая память – то, каким обществу или составляющим его группам видится прошлое и что оно говорит им об их современном положении, не «дословная цитата», не «слепок» и не «фотография» подлинной истории. Конструируемое и реконструируемое разнообразными идеологами, с одной стороны, и с каждым поколением вновь и вновь пропускаемое через фильтр народного, общественного сознания, с другой стороны, прошлое в итоге причудливо преломляется и даже нередко искажается в нем. Однако в то же время результат функционирования исторической памяти – совсем не обязательно неправда, выдумка. Историческая память способна не быть правдивой в отношении фактов, но порождаемые ею образы прошлого, культурные мифы о нем могут оказываться достоверными в смысле отражения общей сути явлений, атмосферы эпохи и представляться убедительными ее носителям, а следовательно, влиять на их мировоззрение и социальное поведение.

Для исторической памяти как составляющей массового сознания важны не столько детали и даже суть событий и явлений прошлого, сколько их самые общие очертания, которые можно прояснить, придавая им разные, в том числе далекие от современных самим событиям и явлениям, смыслы. Поэтому история, продуцируемая, модифицируемая и сохраняемая исторической памятью, требует отношения к себе, прежде всего, не с точки зрения «правдивости» или «ложности» передачи минувших событий, а как к дюркгеймовскому «социальному факту» сегодняшнего дня. Неслучайно идеи Э. Дюркгейма о «коллективных представлениях» стали отправной точкой для социолога М. Хальбвакса – основоположника концепции коллективной исторической памяти, в свою очередь послужившей общим истоком для ее вариаций в других науках, в том числе в исторической и антропологической.

Тому, какой вклад историческая память о «черном наследии» вносит в формирование характерных черт современного американского общества, в том числе в положение в нем граждан африканского про-

исхождения, как она проявляется в событиях нашего времени, и посвящена эта книга. Ее авторы сделали упор на те аспекты ее многогранной проблематики, которые наиболее полно раскрываются в их основном источнике – собственных полевых материалах. Очевидно, более широкое привлечение статистических данных, результатов социологических опросов, произведений художественной и массовой культуры и т.д. – источников, в которых так или иначе нашла отражение проблема «черного наследия», – могло бы придать описаниям авторов большую подробность, а их выводам – еще большую аргументированность. Однако авторы не ставили перед собой задачу представить полную картину восприятия «черного наследия» в различных группах американского общества. Да и вряд ли создание исчерпывающей картины возможно, прежде всего ввиду его колоссальной внутренней неоднородности. Таким образом, подчеркнем еще раз, авторы стремились внести вклад в изучение места «черного наследия» в исторической памяти США в первую очередь благодаря использованию свежих, собранных ими же в ходе полевых исследований данных (при этом, разумеется, также обращаясь к опубликованным материалам и научной литературе).

Монография подготовлена авторским коллективом в составе: Александров Г.В. (глава 1), Бондаренко Д.М. (предисловие, глава 2), Усачева В.В. (глава 3, заключение), Хохолькова Н.Е. (глава 4).

Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в организации и проведении исследования коллегам и друзьям: М. Алео, Д. Баллард, К. Баскину, М. Бейкер, М. Белл, Э. Блэйкли, И. Вайлу, А. Валке, К. Гилламу, А.Е. Жукову, У. Каткарту, С. Ковалевски, З. Лемхаузу, К. Линчу, о. С. Макгрегору-младшему, М. Парсон-Уиллинс, Р. Сандерсу, Б. Сорбо, К. Сорбо, К. Тилли, А. Токовину, Х. Уиверу, А. Уткину, Р. Чакону, Я. Чакон, Э. Эванс.

---

¹ Baldwin J. *White Man's Guilt // Baldwin J. Collected Essays*. New York: Literary Classics, 1998. P. 722.

² Galaty M.L. *Memory and Nation Building: From Ancient Times to the Islamic State*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. P. 163.

³ Жданов А.И. Факторы возникновения и развития движения BLM в США на примере протестов 2020 г. // *История и современность*. 2022, № 4. С. 31.

Глава 1

BLACK HISTORY VS. AMERICAN HISTORY:* «ЧЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ» И КОНФЛИКТ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННЫХ США

Конфликт памяти и кризис американизма

Понятие «черное наследие» подразумевает среди прочего большой вклад африкано-американцев в историческое развитие американских колоний и, позже, США, важную роль и место черного сообщества в американской истории. Именно так определяли для себя «черное наследие» большинство респондентов, опрошенных в ходе нашего полевого исследования в 2021–2022 гг. Осмысление же исторического опыта черных американцев неизбежно связано с восприятием положения этого сообщества в современном американском социуме и, шире, проблемы межрасовых отношений в целом. Африкано-американцы – не единственная и уже давно не самая многочисленная группа небелого населения США, исторически другие этнические и расовые меньшинства (за очевидным исключением коренных американцев) появились на территории Америки позже, и некоторые общие паттерны взаимодействия с ними белого большинства во многом основывались на опыте отношений с черным сообществом. Кроме того, из всех вариантов межрасовых и межэтнических связей в США именно отношения белого большинства с африкано-американцами привлекают наибольшее общественное внимание в силу их долгой и непростой истории, включающей и рабство, и сегрегацию, и движение за гражданские права, и современные протестные движения, и множество трагических эпизодов – от судов Линча до гибели черных граждан от рук белых полицейских. В результате осмысление «черного наследия» как составляющей американской истории становится для современных США процессом весьма непростым и часто болезненным. Данная глава будет посвящена месту «черного

---

* Отдельные части данной главы включались в более ранние и краткие публикации автора.

наследия» в исторической памяти современных американцев и сложностям, возникающим из-за различий в его восприятии разными группами населения. Сложности эти, существовавшие на протяжении десятилетий, приводят к все более обостряющимся социальным и политическим противоречиям, с которыми сталкивается американское общество сегодня и в основе которых, как мы надеемся показать, лежит именно конфликт памяти, конфликт между различными «версиями» истории, причем различное понимание «черного наследия» оказывается значимой, часто определяющей, составляющей этого конфликта.

Проблема межрасовых отношений на протяжении веков являлась и до сих пор является фундаментальной для США. На уровне государства поколения американских политиков вынуждены были считаться со сложными отношениями между разными расовыми группами и, соответственно, находить идеологическое оправдание сложившейся модели межрасовых отношений. При всей разности политических воззрений и ценностных установок представителей ведущих партий, определявших общее направление внешней и внутренней политики США на протяжении их истории, на уровне идеологии всех их (по крайней мере тех, которые пользовались достаточно широкой поддержкой, чтобы оказывать значимое влияние на политику) объединял целый ряд «общих мест». Сводились они к набору представлений в первую очередь о прошлом страны – к тому комплексу образов, идей и идеологем, который ряд исследователей, в том числе один из виднейших специалистов по американской политической истории Луис Харц¹, обозначали как «американизм». Сам Харц вслед за многими предшественниками определял его как менее рациональную, более стихийную составляющую идеологии американских вигов, превращающую «в сознательную идеологию сами условия своего успеха: отрицание торизма, специфический язык прогрессизма и изоляцию Маркса»². Американизм объединил в себе сложившиеся к XIX в. представления об особенностях американского общества, возникших в силу специфики его исторического развития, в первую очередь отсутствия феодализма, характерного для Европы. Из этой предпосылки вырастал достаточно размытый, но более или менее признанный всеми образ идеальной Америки, квинтэссенцией и окончательным выражением которого стало, по Харцу, творчество Горацио Эджера, хотя при желании те же «эдджеровские» мотивы

можно обнаружить во множестве американских художественных произведений любых видов и жанров. Сам Харц не обращался к проблематике памяти как таковой, но нетрудно заметить, что основы и происхождение «американизма» и для него связаны в первую очередь с восприятием истории, тех аспектов американского исторического опыта, которые определили формирование специфических «условий успеха», превращающихся со временем в «сознательную идеологию». Восприятие же «черного наследия» в его историческом аспекте является неотъемлемой частью представлений об истории в целом, в том числе оправдывающей существующее в рамках «американизма» фундаментальное неравенство представителей разных рас.

Американизм оказался общей идеологической составляющей для всех значимых политических течений, действовавших в США со времен Гражданской войны (а на Севере – со времен Войны за независимость). И американские виги, и самые упорные консерваторы, и самые рьяные прогрессисты в равной степени опирались на один и тот же набор представлений о происхождении американского общества, стремились к реализации одного идеала; различались лишь средства. Прогрессисты во главе с Вудро Вильсоном были столь же очарованы романтическими образами Элджера, как и противостоявшие им консерваторы. Значение американизма как идеологической основы политики не уменьшалось на протяжении многих десятилетий: те же образы, тот же идеал, то же представление об истории ясно читаются в выступлениях и самой политике Франклина Рузвельта, Джона Кеннеди, Рональда Рейгана.

Несложно было бы связать американизм с идеей американской исключительности и особой исторической миссии США, их специфической роли в мировой политике и вообще в развитии человечества (*American exceptionalism*)³. Но это было бы, на наш взгляд, не вполне корректно. Во-первых, «американизм» представляет собой не законченную политическую и идеологическую концепцию, а именно набор идей и образов, постоянно сохраняющих актуальность, но не сведенных в некую единую систему. Во-вторых, концепция исключительности возникла или, по крайней мере, окончательно оформилась уже в середине XX в. (хотя основы ее и были заложены Алексисом де Токвиллем еще до Гражданской войны); американизм же – явление, менее привязанное к конкретному контексту и гораздо более масштабное: ценности, образы и установки американизма были акту-

альны, когда ни о какой особой роли США в международном сообществе речи еще не шло. В-третьих, хотя оба идеологических конструкта опираются на сходные исторические предпосылки, их направленность совершенно различна. Идея американской исключительности ориентирована вовне, на взаимодействие с другими странами. Это скорее политическая концепция, оправдывающая и объясняющая конкретный курс международной политики. Американизм же – идея прежде всего культурная и мировоззренческая, он направлен в первую очередь внутрь, на сами США, на обоснование того, каким было и должно быть американское общество. Исключительность – политическая концепция, американизм же – форма осмысления прошлого. Он служит не обоснованием конкретных политических решений, а общим фоном, на котором развивается американская политическая и общественная мысль.

Для американских политиков и идеологов американизм как комплекс исторических в первую очередь представлений стал настоящей находкой, позволившей обосновать и оправдать и само выступление против власти Британской короны (ретроспективно, во время самой Войны за независимость исторические аргументы практически не использовались), и дальнейшее построение нового общества. Но базовый нарратив американизма с самого начала отличался некоторой неполнотой, причем не «по недосмотру», а в силу необходимости. По большому счету он сводится к тому, что США и предшествовавшие им британские колонии были основаны людьми, бегущими от религиозных и политических преследований, в поисках свободы, и им удалось избавиться если не от культурных связей с Европой, то по крайней мере от политических пережитков старого мира, в первую очередь феодализма. Позже к этому комплексу добавилось и представление о полной чуждости Америке социализма, настолько выраженное, что тот же Харц считал, что социализма как успешного политического течения в США не может быть в принципе именно потому, что он по умолчанию воспринимается как неамериканский. Представление это оказалось настолько устойчивым, что Харцу пришлось значительно преуменьшить влияние социалистической партии на американское общество и политику в 1920-е – 1930-е годы и предсказать американскому социализму окончательный крах, которого не произошло: партия существует по сей день, успешно, насколько это вообще возможно для «третьих» партий в современной Америке, а

влияние социализма на профсоюзное движение и даже на Демократическую партию сложно игнорировать. Следует, однако, признать, что в мейнстриме американской политики на федеральном уровне обвинение в социализме по-прежнему остается весьма действенным средством политической борьбы.

Так или иначе, нетрудно заметить, что нарратив американизма строится вокруг первых, преимущественно англо-саксонских поселенцев, их идейного и идеологического противостояния с феодальной Европой. Именно они воспринимаются как первооснова американской общности, и именно их история определила все те особенности, которые Харц сводит в единый термин «американизм». Образ этот с научной точки зрения крайне неубедителен по множеству причин (начиная с того, что мотивация большинства первых переселенцев может оцениваться по-разному, влияние новоанглийских колоний, в которых речь может действительно идти о попытках избежать религиозных притеснений, часто преувеличивается и т.д.), но сохранял актуальность на протяжении долгого времени.

Из числа основателей Америки, из сообщества, которое позже превратится в США, исключаются даже европейцы неанглийского происхождения (в том числе, например, ирландцы, не говоря уж о голландцах), а тем более люди неевропейского происхождения, в том числе коренные американцы и выходцы из Африки. Как отмечалось выше, одной из функций американизма как идеологического фундамента американской политики было в том числе оправдание расового неравенства. Политики-южане, защищавшие рабовладение, были не меньшими американистами, чем их оппоненты-северяне (в большинстве своем поддерживавшие сегрегацию и уверенные в природном превосходстве белых над черными). Это «белое пятно» американизма было, таким образом, не случайным дефектом идеологической эволюции, а фундаментальным его свойством: образы, призванные показать и объяснить, какой должна быть американская нация и почему, изначально подразумевали существование расовой иерархии. Это и стало в итоге ключевой причиной кризиса американизма, продолжающегося по сей день.

Кризис этот наметился уже несколько десятилетий назад. Определить точно момент его зарождения затруднительно, но, бесспорно, харцевский американизм, огромную важность которого этот автор подчеркивал в работах начала 1950-х годов, столкнулся с целым ря-

дом новых вызовов и, по сути, перестал выполнять свою объединительную функцию, перестал быть общей основой понимания и оценки собственной истории даже для белых американцев.

Первой и, возможно, наиболее очевидной причиной кризиса американизма стало растущее несоответствие между реальным местом африкано-американцев в истории и современной жизни страны и глубоко вторичной ролью, отведенной им в историческом нарративе, транслируемом в первую очередь через систему образования. Хотя полностью игнорировать черных американцев было невозможно, их влияние на развитие страны преуменьшалось. В лучшем случае признавалось экономическое значение рабства, но даже в таком контексте подчеркивался не вклад черных работников в становление национальной экономики, а деловые качества, предприимчивость и организационные способности их белых хозяев. О признании самостоятельной значимости черной культуры как неотъемлемого элемента культуры американской речи тем более не шло. Черные американцы присутствовали в этом прочтении национальной истории, но не влияли на нее, представлялись пассивными участниками исторического процесса, направляемого белыми.

По мере роста политической активности черных американцев призывы к пересмотру устоявшейся картины прошлого раздавались все чаще, особенно с началом развития Движения за гражданские права. К середине XX в. все меньше черных американцев готовы были смириться со своей исключенностью из истории страны, гражданами которой они являлись. С каждым успехом Движения за гражданские права стремление к включению в историю становилось все более выраженным: обретая всю полноту гражданских прав, черные американцы, соответственно, начинали и воспринимать себя как полноправных граждан, как членов той же национальной общности, что и белые, а для принадлежности к гражданской нации идея общей истории, безусловно, – важный элемент национальной идентичности. Нарратив, предлагаемый системой образования, массовой культурой и государственной политикой памяти, сводящий вклад черных американцев в национальную историю к роли пассивных исполнителей воли белых, стоящих в стороне от белого общества и имеющих к нему лишь опосредованное отношение, лишал их, соответственно, и принадлежности к нации, статуса гражданина в глазах как самих черных, так и их белых соотечественников не менее эффективно, чем

узаконенная сегрегация. Ощущение «чуждости», ощущение того, что, несмотря на все формальные достижения в борьбе за гражданские права, черные не принадлежат к американскому народу, пронизывает, в частности, наиболее популярные и успешные выступления Малькольма Икса, благодаря которым он приобрел широкую популярность, сохраняющуюся среди многих черных американцев по сей день⁴.

Исключенность из истории страны как ее важных субъектов была приемлема для очевидно-не-граждан эпохи рабства и сегрегации, но именно после достижения официального равноправия стала восприниматься особенно болезненно. Для черных американцев вопрос включенности в историю США, признания их роли и места в ней – вопрос не признания заслуг и даже не исторической справедливости, а в первую очередь принадлежности к единой американской нации. Американизм же в том виде, в котором он сложился к началу XX в., именно в этой принадлежности им отказывал, а скорректировать национальный нарратив в соответствии с потребностями меняющегося современного общества до сих пор не получилось.

Но недостаточная репрезентация черных американцев и их истории как неотъемлемой части истории общенациональной – не единственная проблема, с которой столкнулся американизм. Вторым камнем преткновения стали региональные различия. Исторически первым кризисом идентичности, с которым столкнулись США, стала Гражданская война. И северяне, и южане претендовали на то, что именно они истинные наследники подлинно американских ценностей времен Войны за независимость. В какой-то момент стало очевидным, что совместить эти две позиции не представляется возможным.

После Гражданской войны ключевой задачей государства стало восстановление национального единства, в том числе идеологического. Ради этого единства Север свернул Реконструкцию, фактически отказавшись от программы переустройства Юга, в том числе заморозив межрасовые отношения в регионе на десятилетия. Американизм в его новой, послевоенной версии подчеркивал всеми силами общность исторического пути Юга и Севера, общую «родословную», восходящую к отцам-основателям, общность ключевых для всей страны ценностей демократии.

Но преодолеть разрыв между Севером и Югом таким образом не удалось: различия между регионами сохраняются по сей день – раз-

личия, связанные зачастую с взаимным неприятием и непониманием. Для северян южане до совсем недавнего времени оставались *dreadful southern segregationists* («ужасными южными сегрегационистами»), а на Юге до сих пор сохраняет популярность идеология *the lost cause* – «проигранного дела», строящаяся на противопоставлении Северу. Кроме того, помимо основного водораздела между Севером и Югом, существуют и ясно осознаваемые различия между менее крупными регионами, которые зачастую оказываются важнее, чем национальная общность.

Американизм как представление о единстве фундаментальных ценностей также в последние десятилетия становится все менее актуальным. Выражается это в первую очередь в поляризации американской политики. Если в середине прошлого века демократы и республиканцы исходили из того, что при всей разности взглядов на конкретные политические вопросы и те и другие ориентируются все же на одни и те же идеалы свободы и демократии, то сегодня они выступают как непримиримые противники, стоящие на фундаментально разных позициях. Если Франклин Рузвельт мог сказать, что противостоит не республиканцам, а лишь немногочисленной верхушке республиканской партии, потерявшей связь не только с народом, но и с собственной партией⁵, то сегодня такого рода высказывания практически непредставимы, особенно со стороны республиканцев.

Крайний консерватизм, бывший до середины прошлого века сугубо маргинальным политическим течением, начал постепенно сближаться с политическим мейнстримом во время президентства Рональда Рейгана, во многом усилиями самого президента, ставшего новым «лицом» американского консерватизма и активно апеллировавшего к в том числе и наиболее радикальным консервативным группам. Отчасти это было связано со взглядами самого Рейгана, отчасти – с политической конъюнктурой и стремлением заручиться поддержкой электората. Улыбчивый, «солнечный», оптимистичный рейгановский ультраконсерватизм открыл дорогу в политический мейнстрим все более и более радикальным политикам, таким как Дональд Трамп, Рон ДеСантис или Сара Пэлин, наиболее активная (хотя, возможно, и не самая многочисленная) часть электората которых представляет как раз крайне правую сторону политического спектра.

Важность памяти в современных политических противостояниях демонстрирует, помимо прочего, и ключевая роль образов Граждан-

ской войны в политическом лексиконе американских правых, а боевой флаг Конфедерации уже давно стал одним из важных символов определенной политической идентичности, распространенным далеко за пределами бывших штатов Конфедерации. В последние же годы речь все чаще заходит о второй гражданской войне, которой угрожают сторонники Трампа в случае его поражения на выборах или ареста. Ранее такого рода угрозы были ограничены узким кругом маргинальных крайне правых, преимущественно обсуждающих свои планы в Интернете, но после штурма Капитолия сторонниками Трампа на существование идеи новой гражданской войны, на сей раз не между Севером и Югом, а между «либералами» и «консерваторами» обратили внимание и СМИ, хотя пока речь идет именно о распространении определенной риторики среди радикальных консерваторов, а не о реальной перспективе конфликта.

При этом об общности фундаментальных ценностей речи уже не идет: для новых консерваторов их оппоненты – социалисты, стремящиеся погубить «настоящую» Америку, какой она была раньше и должна быть. Для демократов же как раз радикальные республиканцы и их сторонники – дремучий анахронизм, противостоящий основополагающим принципам свободы и демократии. Вместо объединения, которое предполагал американизм, возникли две радикально разные его версии, причем каждая строится вокруг своего представления о, среди прочего, американской истории.

На фоне всех этих изменений базовый исторический нарратив оставался на протяжении многих десятилетий удивительно стабильным и неизменным. Его американизм почти не подвергся изменениям как минимум за век с небольшим. Несоответствие предлагаемой им картины реалиям американского общества становилось со временем все более очевидным, что приводило к росту социальной напряженности. При этом пересмотр, переосмысление этого нарратива явно сопряжено с некоторыми сложностями, часть из которых мы подробно рассмотрим ниже. В результате, несмотря на все усилия властей в последние десятилетия, скорректировать национальный исторический нарратив им так и не удалось, что само по себе препятствует налаживанию продуктивного диалога в обществе и решению накопившихся проблем.

Конфликт различных форм низовой, народной и в целом неофициальной памяти, будь то «черная» история или различные версии

идеологии «потерянного дела», с официальным нарративом вылился в итоге в ряд открытых конфронтаций между разными «версиями» исторической памяти, от «войны памятников» на Юге до движения *BLM*, штурма Капитолия сторонниками Трампа и других громких эпизодов последних лет. Все эти события стали, на наш взгляд, проявлением одного и того же фундаментального конфликта памяти. В последующих разделах они будут рассмотрены с точки зрения роли в них восприятия истории, в том числе истории межрасовых отношений, и его влияния на события сегодняшнего дня.

Региональная память: Юг, «проигранное дело Конфедерации» и Реконструкция

Как было отмечено выше, главный региональный водораздел в США по сей день пролегает между Севером и Югом. Ключевым событием, осмысление которого во многом определяет взаимное восприятие этих регионов, оказывается, как нетрудно догадаться, Гражданская война. Различия между Севером и Югом в восприятии Гражданской войны подробно изучены, в том числе авторами этой книги^{*6}, поэтому мы ограничимся кратким обобщением. На Юге Гражданская война воспринимается как в первую очередь защита прав штатов от посягательств со стороны федерального правительства. Кроме того, значительную роль в формировании южной идентичности играет идеализация армии конфедератов, солдатам и офицерам которой якобы было свойственно рыцарское благородство, отличавшее их от грубых и жадных северян. Важно при этом, что о единстве американской нации и преодолении различий речи не идет в принципе, Юг воспринимается как самостоятельный регион со своей историей и идентичностью, сохранение которой как минимум столь же важно, как поддержание политического единства Союза (т.е. собственно США). Весь этот комплекс идей обычно обозначается как идеология «проигранного дела Конфедерации» (*the lost cause of the Confederacy*), по названию вышедшей в 1866 г. книги Э. Полларда «Проигранное дело: новая южная история войны конфедератов»⁷.

Ставшая одной из основ южной идентичности, эта идеология сохраняет актуальность и сегодня. «Образы проигранного дела редко

---

* Также см. гл. 2. (*прим. отв. ред.*).

появляются в заслуживающих доверия исторических публикациях или в музеях, но они продолжают всплывать в популярных выражениях политики белой расовой идентичности, где негодование по поводу африкано-американской истории и чувство находящейся в осаде белости продолжают пронизывать дискуссии»⁸. Как сказала наша собеседница, ученый и университетский преподаватель: «На Юге идеология проигранного дела жива: утратив свое название, она трансформировалась в идеологию праворадикальных республиканцев, консерваторов в целом». Одним из наиболее ярких проявлений живучести идеологии «проигранного дела» в последние годы стала т.н. «война памятников», которой также посвящено значительное число научных исследований⁹.

Хотя основой идеологии «проигранного дела» стало осмысление Гражданской войны, значимым для формирования как для нее, так и для Южной идентичности в целом оказался и послевоенный период Реконструкции.

После окончания войны, несмотря на формальную отмену рабства, экономический уклад и образ жизни, характерные для довоенного Юга, практически не изменились. Получившие свободу рабы, подавляющее большинство которых не имели никакой собственности, оставались экономически зависимыми от бывших хозяев, на которых вынуждены были работать по найму в условиях, немногим отличавшихся от рабства. Участие черных южан в политической жизни, официально запрещенное, также ограничивалось: практически сразу после войны началось запугивание черных избирателей, которых под страхом избиения или убийства вынуждали либо отказаться от участия в выборах полностью, либо голосовать за демократов. Поначалу стихийные, такие выступления белых южан вскоре стали организованными: именно для запугивания потенциального электората республиканцев-северян изначально создавался Ку-клукс-клан*.

Эта кампания устрашения достигла таких масштабов, что федеральное правительство вынуждено было расквартировать во многих городах Юга войска, обеспечить организацию местного ополчения (в котором участвовали преимущественно бывшие рабы; белых же было немного, а отряды были, разумеется, сегрегированы). В результате черные избиратели смогли несколько раз поучаствовать в выборах, и

---

* Группировка запрещена на территории РФ.

на Юге появились первые черные члены парламентов штатов, а в некоторых городах черные заняли административные должности. Весь этот процесс, получивший название «Реконструкция», вызвал вполне ожидаемое агрессивное неприятие белых южан. По красочному, но в целом точному выражению Уильяма Дюбуа: «Когда Конгресс попытался с помощью мер Реконструкции победить реакционную программу Юга, разразилась невероятной ярости буря преступлений. Беззаконие и насилие царили повсюду, террор открыто проявлял себя днем, а по ночам убивал и разрушал»¹⁰. К середине 1870-х годов речь фактически шла о возможности нового восстания и возобновления Гражданской войны.

Допустить нового раскола страны федеральное правительство не могло, и в итоге южным политикам удалось в 1877 г. достигнуть с ним компромисса: федеральные войска с Юга выводятся, ополчения распускаются, выборы остаются сугубо местным делом (фактически это означало, что черные в них участвовать не будут, особенно в качестве кандидатов), а в обмен на это Юг не поднимает нового восстания и остается частью США. В результате на Юге сформировалась система расовой сегрегации, просуществовавшая более полувека. Федеральному правительству удалось сохранить национальное единство, но лишь ценой тяжелого политического поражения – окончание Реконструкции стало безусловным триумфом для Юга и поражением для Севера. При этом проблема прав штатов для риторики противников Реконструкции была вторичной, в первую очередь их целью было восстановление и поддержание расовой иерархии в обществе, или, как прямо указывалось в платформе демократов штата Алабама, господствующего положения «великой правящей расы, белых людей». Равенство рас было для них, по выражению избранного в 1874 г. губернатора Виргинии и бывшего генерала армии Конфедерации Джеймса Кемпера, априори невозможно: «Вопрос политического равенства рас решен, социальное же равенство между ними решительно невозможно»¹¹.

Сам же период Реконструкции, относительно недолгий, остался в коллективной памяти белых южан примером чудовищной несправедливости, жестокого угнетения, попрания их гражданских прав и совершенно несовместимого с американскими идеалами вмешательства федерального правительства в дела штатов, не оправданного ничем, кроме жадности северян и варварского стремления к разруше-

нию цивилизованного южного образа жизни. Впоследствии присутствие федеральных войск в южных городах не называлось иначе как оккупацией, а места, так или иначе связанные с Реконструкцией, стали объектами коммеморации. Так, одной из достопримечательностей города Йорк в Южной Каролине по сей день остается здание бывшей гостиницы, в которой были расквартированы федеральные войска. В текстах на памятных табличках, обычно прикрепленных в таких местах, практически никогда не встречается слово «Реконструкция» – речь идет исключительно об оккупации. Противостояние этой «оккупации» стало одним из идеологических оправданий Ку-клукс-клана и других подобных организаций – они позиционировали себя как защитников Юга от вторжения. Образы, связанные с «оккупацией», стали для коллективной памяти Юга почти так же важны, как образы самой Гражданской войны. Отчасти, вероятно, потому что Гражданская война все же завершилась поражением Юга, в то время как противостояние Реконструкции завершилось триумфом. Кроме того, борьба с Реконструкцией стала примером успешного противостояния федеральному правительству (воспринимаемому в контексте отношений Севера и Юга как северное) в мирное время, в рамках политического процесса – образцом, которому Юг мог следовать и в дальнейшем. И следовал, как показала история следующих десятилетий, на протяжении которых южные политики раз за разом находили способы обойти вводимые федеральным правительством меры, призванные обеспечить равный доступ к голосованию всем гражданам независимо от цвета кожи.

Идея противостояния федеральному правительству, воспринимаемому как едва ли не авторитарное, всегда была одной из ключевых тем американской политики, особенно актуальной для Юга (прекрасной иллюстрацией здесь может быть, в частности, заявление генерального прокурора Алабамы 2022 г., в котором он прямо упоминает «постоянные попытки действующей администрации превратить Америку в социалистическую антиутопию»¹²). Разрыв между Югом и Севером так и не был окончательно преодолен, и коллективная память Юга, безусловно, способствовала его сохранению. Гражданская война дала Югу образ героического поражения, а Реконструкция – образец успешного политического противоборства, сохранения и поддержания культурной автономии и самостоятельной идентичности Юга в продолжающемся противостоянии с Севером.

Различия между Югом и Севером являются важной особенностью исторической памяти США, рассматривать которую как единое целое не всегда оправданно. Но такого рода региональные нарративы и связанные с ними символы давно вышли за границы регионов, где когда-то зародились. Сегодня региональные исторические нарративы становятся зачастую основой политической идентичности.

Трепетное отношение к боевому флагу Конфедерации было всегда характерно для Юга. В сельских районах, вне крупных городов флаги Конфедерации по-прежнему встречаются часто, практически наравне с национальным флагом США, в чем мы имели возможность убедиться, в частности, в сельских районах Южной Каролины и Джорджии. И это касается не только флагов, которые многие американцы вешают над крыльцом; в виде всевозможных сувениров, бейсболок, магнитов, наклеек на машинах и т.п. флаг Конфедерации встречается повсеместно. В том, что на Юге популярен один из самых узнаваемых символов идеологии «проигранного дела» и вообще южной идентичности, нет ничего удивительного.

Но сегодня флаги Конфедерации можно встретить практически повсюду. Те же наклейки на машины, бейсболки и прочая атрибутика с ним встречались автору и в северных Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии. Причем демонстрируют их обычно не южане, перебравшиеся на Север, а северяне, но придерживающиеся определенных политических взглядов – консервативных, зачастую даже ультраконсервативных. При этом символ приобретает новые оттенки смысла. Отчасти речь действительно идет о симпатии к Югу времен Гражданской войны. В том, что жители Севера могут относиться к южанам с симпатией, ничего удивительного нет. После окончания войны и вплоть до 1960-х годов, до эпохи Движения за гражданские права, белые северяне часто выражали и практически, и символически сочувствие и даже поддержку белым же южанам (в противовес черным южанам и черным мигрантам, массово переселявшимся после войны на Север). Движение за гражданские права во многом дискредитировало символы, характерные для Юга, в том числе флаг Конфедерации. Популярность его вновь возросла лишь в последние годы в связи с общей поляризацией американской политики и все более активным включением ранее маргинального крайнего консерватизма в политический мейнстрим.

И сегодня значение флага Конфедерации уже не сводится к выражению симпатии к южанам времен Гражданской войны. Он стал символом скорее консерватизма в целом, приверженности «старым добрым» американским ценностям. При этом символ остается по сути своей глубоко историчным – и потому, что положительная оценка довоенного Юга в целом характерна для современных консерваторов независимо от региона проживания, элемент этого отношения никуда не исчез, и потому, что основной посыл консервативной идеологии сводится к возвращению к традиционным ценностям, исторически характерным для США (по крайней мере, характерным с точки зрения самих консерваторов). В результате полностью разделить приверженность идеям консерватизма как политического движения и поддержку определенного подхода к восприятию прошлого оказывается невозможно, настолько тесно переплетены здесь политика и история. Набор идеологем и символов, сформировавшийся в конкретном регионе, на Юге, в процессе осмысления прошлого травматического опыта Гражданской войны вышел на национальный уровень и стал значимой составляющей современной консервативной политической идентичности. Как мы покажем ниже, память в целом оказывает колоссальное влияние на политическую жизнь современных США. Важен в данном случае не сам факт такого влияния, а то, как память именно региональная, причем противоречащая федеральному историческому нарративу, может оказывать влияние на политику далеко за пределами своего региона.

Интересно, что именно флаг Конфедерации, как один из самых узнаваемых американских символов в целом, давно приобрел целый спектр значений в самых разных контекстах, в том числе за пределами США. Так, он стал широко распространенным символом в международной субкультуре байкеров, в рамках которой он воспринимается (вполне в духе идеологии «проигранного дела») как символ независимости и борьбы за свободу, а также чести, благородства и других безусловно положительных качеств, которыми наделяются в этом контексте конфедераты. Использование его именно в таком «прочтении» автору приходилось неоднократно лично наблюдать среди отечественных представителей данной субкультуры, при этом некоторые из них упорно отрицали какой-либо расистский подтекст, либо не желая признавать его публично, либо действительно воспринимая флаг исключительно как символ свободолюбия. Популярен он

также среди европейских, в том числе российских, правых вообще, причем в этом случае расистские коннотации не просто не отрицаются, а иногда даже специально подчеркиваются, чего в самих США уже как минимум несколько десятилетий стараются избегать, по крайней мере, в публичной сфере.

Региональная память: Север как «бастион свободы»

Гражданская война как ключевая точка памяти для Севера не менее важна, чем для Юга, и, как было указано выше, на Севере связь Гражданской войны с рабством никогда не ставилась под сомнение. Что, впрочем, не привело к более активному осмыслению «черного наследия» и повышению его значимости для коллективной памяти; во многом потому, что рассмотрение истории рабства требует обращения к «черному наследию» в целом. Практически же любое обращение к историческому опыту черных американцев неизбежно оказывается болезненным. Как отмечают историки Хортон и Карду, «для американцев, которые воспринимают свою историю как историю о свободе, а себя как защитников свободы, включение рабства в национальный нарратив сопряжено со стыдом, может вызывать чувство вины и разочарования. Оно может спровоцировать также стремление к защите [национального нарратива], гнев и конфликты»¹³. Белые американцы не всегда готовы к публичному обсуждению рабства из-за опасения быть обвиненными в расизме. Кроме того, многие не считают себя вправе говорить об истории черных сограждан, поскольку осознают отличие собственного исторического опыта. Для черных американцев наследие рабства – коллективная травма, источник стыда, не в последнюю очередь потому, что на протяжении долгого времени популярный нарратив представлял рабов исключительно как жертв, лишенных возможности хоть как-то повлиять на свое тяжелое положение¹⁴. Все это осложняет любое публичное обсуждение рабства и его последствий. Проблема усугубляется еще и тем, что, как отмечала Барби Зелизер, способность к избирательному забыванию, исключению из коллективной памяти тех или иных проблемных эпизодов, присущая любой культуре, особенно выражена в США¹⁵.

Возможно, именно из-за этих сложностей музеи и другие публичные учреждения, так или иначе имеющие отношение к коллективной

памяти, долго обходили тему рабства стороной. На Севере упоминаний о рабстве избегали не настолько активно, как на Юге, но и здесь и в экспозициях музеев, и в публичных монументах рабство если и фигурировало, то только в связи с аболиционизмом. Первые музеи, посвященные специфически черной истории, появились в 1960-х – 1970-х годах, на волне успехов Движения за гражданские права. Но в последующие десятилетия они не получали особой поддержки со стороны властей и не привлекали особого внимания публики. Обращение к черной истории было по-прежнему сопряжено с рядом практических трудностей, некоторые из которых, впрочем, существуют и сегодня, в том числе речь может идти о сопротивлении со стороны как муниципальных органов власти, так и общественности, принимающей на Юге более открытые и зачастую агрессивные формы¹⁶, но в целом характерном для всех США.

С началом 1990-х годов ситуация начала меняться. Многие исследователи, в том числе, например, А. Ассман, отмечали все более активное в последние десятилетия обращение к образам жертв и тематике жертвенности как в массовой культуре, так и в деятельности музеев¹⁷. Коллективная память позволяет коллективу найти в прошлом ответы на вопросы, возникающие в настоящем¹⁸. В США же в последние годы и десятилетия вопрос межрасовых отношений встал чрезвычайно остро. Межрасовые отношения, вопреки оптимистическим ожиданиям 1960-х годов, становились все более напряженными, так что обращение и общества в целом, и властей США к «черной истории» не вызывает удивления, особенно с учетом изменения восприятия фигуры жертвы в западной культуре в целом. На Юге, в силу укорененности идеологии «проигранного дела» в массовом сознании и тяжелого наследия эпохи сегрегации, активное обращение к «черной истории» произошло с некоторой задержкой. На Севере оно началось чуть раньше, но характер его также обусловлен региональной спецификой. Прекрасным примером того, как она влияет на восприятие и репрезентацию черного наследия на Севере, служит Бостон. Отметим также, что в случае Бостона речь идет не просто о Севере в целом, а о Новой Англии. Как мы надеемся показать, в случае представления «черной истории» Бостона ключевым фактором оказывается влияние именно локального образа истории, сложившихся у местных жителей представлений об особенностях даже не Севера в целом, а именно Новой Англии.

Большая часть экспозиции Музея африкано-американской истории Бостона посвящена истории черного сообщества в районе Бикон-Хилл (*илл. 1*). В XVII в. этот район пользовался дурной славой, здесь располагались увеселительные заведения для моряков. Береговая линия в Бостоне была скорректирована во второй половине XIX в., раньше Бикон-Хилл располагался прямо на берегу океана. Ряд общественных зданий (например, церковь на Чарлз-стрит) выходили фасадами непосредственно на набережную. После строительства нового здания правительства штата началась застройка Бикон-Хилла новыми домами, предназначенными для верхушки бостонского общества, в том числе поместьями, стоящими на нынешних Маунт-Вернон и Кембридж-Стрит.

В начале XIX в. район был уже достаточно густо заселен. Южный склон Бикон-Хилла стал оплотом верхов бостонского общества – здесь жила, по выражению Оливера Уэнделла Холмса, «безобидная, безвредная лишенная титулов аристократия», те самые представители старейших семей Новой Англии, социальной, экономической и культурной элиты, ведущей свое происхождение с времен основания первых колоний, которых тот же Холмс назвал «бостонскими браминами»¹⁹. Позже предложенное Холмсом полушутливое обозначение вошло в обиход и иногда используется до сих пор. Среди жителей южной части Бикон-Хилла было несколько выдающихся литераторов (в том числе Генри Дэвид Торо и Уэнделл Филлипс), и в целом к середине XIX в. бывшая «Распутная Гора»²⁰ превратилась в спокойный, богатый район, каким и остается до сих пор. Северный же склон оказался заселен бедными моряками, иммигрантами из Южной и Восточной Европы, а также черными.

Бостон был одним из главных центров аболиционизма, и большинство белого населения поддерживало отмену рабства, но о равноправии черных и белых речи не шло. Хотя рабство было запрещено в Массачусетсе в 1783 г., сегрегация, формальная и неформальная, сохранялась. Черные жители Бикон-Хилла считались прихожанами местных церквей, но не имели права голоса в решении внутрицерковных вопросов, а сами помещения церквей строго делились на «черную» и «белую» части. Общественный транспорт, в том числе железнодорожный, оставался сегрегированным до 1842 г., браки между черными и белыми были запрещены до 1840-х годов. Эти законодательные ограничения действовали на уровне штата, и властями

штата были отменены, но неформальная сегрегация и предрассудки законодательному запрету поддаются гораздо хуже. Об образовании для черных городские власти не помышляли, экономическая пропасть между черными и белыми была весьма значительна, не исчезали и бытовые предрассудки.

Проблему невозможности повлиять на жизнь церковной общины растущее черное сообщество Бикон-Хилла решило еще в начале XIX в., добившись разрешения на постройку в 1806 г. Африканского молитвенного дома (*African Meeting House*) – первой самостоятельной черной церкви в Бостоне. Здесь же выступали видные аболиционисты, как местные жители, так и приезжие, как черные, так и белые, здесь проходили занятия созданной силами черного сообщества школы. Правда, условия в новой школе, в которую были зачислены все черные дети в Бостоне, были не слишком подходящими для обучения такого количества учеников. В 1855 г. школы в Бостоне были официально десегрегированы в результате шумного судебного процесса²¹.

Во время Гражданской войны многие черные бостонцы завербовались добровольцами в армию северян. Из них был сформирован 54-й Массачусетский пехотный полк, второй «черный» полк в армии северян, который возглавил Роберт Шоу, представитель известной семьи белых аболиционистов.

После Гражданской войны начался «исход» черных из центрального Бостона в тогда пригородные районы Саус-Энд и Роксбери. Относительно бедные районы в центре города активно заселялись иммигрантами из Южной и Восточной Европы, отношения которых с черными соседями были зачастую непростыми. Кроме того, Гражданская война не изменила экономического положения черных жителей Бостона, а стоимость жизни в городе росла. Десегрегация школ была встречена белым населением города без энтузиазма и сопровождалась многочисленными конфликтами. В результате большинство черных бостонцев предпочли перебраться в пригороды (сегодня давно поглощенные разрастающимся городом). Если в начале XIX в. черные составляли порядка 8% населения Бостона, то к концу века в самом городе их осталось менее 2%. Со временем черные пригороды были поглощены городом, а белое население начало переселяться в пригороды. Такая компартиментализация, наличие относительно замкнутых этнических районов – обычное явление в большинстве американских городов²². Так или иначе, история черного Бикон-Хилла

фактически закончилась, район стал почти исключительно белым, каковым остается по сей день (черные в настоящее время составляют порядка 1% населения района).

Экспозиция Музея африкано-американской истории посвящена в первую очередь именно Бикон-Хиллу и практически не затрагивает другие аспекты черной истории Бостона. Причины такой ограниченности мы обсудим ниже, пока же отметим, что история эта гораздо продолжительнее, богаче и противоречивее.

Существует, например, устойчивое представление, что на Севере не было рабства в отличие от «рабовладельческого» и даже «отсталого» Юга. На Севере действительно не было распространено плантационное хозяйство и юридическое положение рабов отличалось от существовавшего на Юге, но самого факта существования рабства это не отменяет. Кроме того, купцы Новой Англии сыграли немалую роль в становлении рабовладельческой системы²³. Часто именно торговцы и моряки Бостона обеспечивали доставку порабощенных африканцев в британские колонии, составляя значительную часть «инфраструктуры» работорговли и рабства.

Несмотря на традиционное представление о свойственном Новой Англии либерализме, история межрасовых отношений в Бостоне и после отмены рабства была непростой. Наиболее яркими ее эпизодами стали борьба за официальную десегрегацию школьного образования в 1850-х годах и сложности, связанные с т.н. басингом в 1960-х–1970-х годах. В 1965 году власти штата обратили внимание на сегрегированность школ в Бостоне (формально сегрегация, как упоминалось выше, была запрещена уже давно, но на практике существовала), а через несколько лет ввели программу басинга (*busing*, от слова *bis* – автобус) – перевозки учащихся между школами в разных районах города с тем, чтобы в принудительном порядке обеспечить равномерное распределение по школам и районам учеников разных рас. Это вызвало возмущение значительной части белого населения Бостона, басинг сопровождался массовыми протестами и многочисленными конфликтами между черными и белыми жителями города, особенно интенсивными в 1974–1976 гг.²⁴

Неформальная сегрегация была и остается проблемой во многих американских городах, в том числе в Бостоне²⁵ с его четко выделенными «черными» районами (Роксбери, Дорчестер, Маттапан) и крайне незначительным процентом черного населения в других частях го-

рода. Особенно это касается рынка жилья. Никто не запрещал и не запрещает черным селиться где угодно, но на практике администрации жилых комплексов, ассоциации домовладельцев и т.п. либо могут отказывать черным съемщикам в найме жилья под различными предложениями, либо создавать для них такие условия, что жизнь в «белых» районах становилась невозможной – от заоблачной платы за жилье (мотивированной надуманными предложениями) до прямых угроз и агрессии. В массовом восприятии Бостон, конечно, «белый» город, хотя в реальности черного населения в нем не так уж мало – более 20%, но за пределами отдельных районов это не слишком заметно.

В последние годы местные власти прикладывают значительные усилия к борьбе с неформальной сегрегацией. Усилия эти включают в себя и элементы политики памяти, в том числе многочисленные отсылки к черному наследию в публичном пространстве. Успешность этих мер, впрочем, довольно сомнительна. Проблема неформальной сегрегации до сих пор не решена, ощутимых сдвигов в неравномерном распределении населения не наблюдается. Практики сегрегации в жилищном секторе, безусловно, осуждаются, но в реальности нигде не исчезли. Трудность состоит в том, что такие практики реализуются на уровне личного общения, через контакты с недовольными соседями, мягкие намеки агентов по поиску недвижимости и т.п.²⁶ Соответственно, и бороться с ними административными методами практически невозможно. В этих неформализованных практиках проявляется «структурный расизм» (или «системный расизм»), борьба с которым позиционируется как одна из главных целей современного протестного движения. Объектом критики становится общественный механизм, запущенный еще в эпоху рабства, воспроизводящий расовое неравенство, включающий элементы исторически сложившейся экономической системы, юридические и политические практики и неформальную сегрегацию. Но даже признать ее существование готовы далеко не все, в том числе в силу распространенных представлений о сегрегации как атрибуте «консервативного» или даже «расистского» Юга, а вовсе не «либеральной» Новой Англии.

Луиза Дэй-Хикс, один из главных идеологов протестов против басинга, использовала в своей политической риторике аргументы, к которым прибегали и прибегают радикально правые политики. При этом она утверждала, что ей чужды расовые предрассудки, потому что они характерны для «ужасных сторонников сегрегации на

Юге»²⁷. Представление об исторически сложившейся либеральности Новой Англии в значительной мере повлияло даже на политика, выступающего за, как минимум, сохранение неформальной сегрегации.

Новая Англия воспринимается как бастион либерализма, антитеза консервативному Югу и «Библейскому поясу». Образ «колыбели американской свободы» сложился в массовом сознании еще в XIX в. и сохраняет актуальность по сей день²⁸, маскируя до некоторой степени по-прежнему существующие проблемы в межрасовых отношениях. О полном решении расового вопроса в Бостоне речи, естественно, не идет, как показали, например, протесты под лозунгом «Жизни черных имеют значение» (*Black Lives Matter*), в Бостоне не менее активные, чем в других крупных американских городах. Видимо, реальный прогресс в преодолении расовых предрассудков в интеграции публичных учреждений не успел пока отразиться на массовом восприятии межрасовых отношений в городе и значимо изменить устоявшийся образ как прошлого, так и настоящего положения черных жителей Бостона. Интересно поэтому обратить внимание на то, какие именно аспекты этой истории оказываются в центре внимания публичных учреждений, а какие, напротив, оказываются вычеркнуты из коллективной памяти.

Одним из важнейших средств формирования «официальной» составляющей коллективной памяти, трансляции официального исторического нарратива становятся музеи, одновременно и отражающие, и формирующие массовые представления о прошлом²⁹. Экспозиция музея формируется в результате сложного процесса отбора, в котором одни аспекты коллективной памяти обесцениваются или вовсе из нее удаляются, а другие ревитализуются. При этом ключевое решение, осознанное или нет, касается наиболее сложных и проблемных явлений – поражений или преступлений. Обращение к ним, напротив, нарушает или даже разрушает групповую идентичность, но может быть необходимо, если последствия таких проблемных моментов продолжают сказываться на современном обществе³⁰, и тут трудно найти пример более яркий, чем история рабства в США.

Сохранением и распространением информации об истории черно-го сообщества Бостона занимается ряд организаций, главная из которых – Музей африкано-американской истории. Основанный в 1968 г.

музей приобрел современный облик в 1972 г., когда его администрация выкупила у местной еврейской общины здание Африканского молитвенного дома, с конца XIX в. бывшее синагогой. В 1980 г. здание музея и ряд других достопримечательностей Бикон-Хилла, о которых будет сказано ниже, были включены федеральным правительством в список «Африкано-американские исторические места Бостона национального значения» (*Boston African American National Historic Sites*).

Экспозиция музея состоит из постоянной выставки «Избранное из коллекции» (*Selections from the Collection*) и временных выставок, занимающих третий этаж музея. До 2020 г. выставки обновлялись примерно раз в год, но во время пандемии *COVID-19* это было невозможно, и новая временная выставка открылась лишь в июне 2023 г. Постоянная же экспозиция остается почти неизменной уже более десяти лет.

Логично предположить, что определенное влияние на содержание экспозиции могут иметь организации, финансирующие его деятельность. Музей африкано-американской истории является независимой некоммерческой организацией, возглавляемой советом директоров, председатель которого избирается ежегодно. Хотя федеральное правительство спонсирует отдельные выставки, основные средства музея получает от спонсоров, индивидуальных и корпоративных. Спонсоры, очевидно, оказывают определенное влияние на политику музея – и в силу финансовой зависимости, и через участие в выборах совета директоров. Характерно, что среди 35 ключевых спонсоров музея практически нет организаций национального и тем более международного масштаба. Круг спонсоров достаточно широк и разнообразен, среди них и центральная больница штата, и газета *The Boston Globe*, несколько благотворительных организаций, ряд местных колледжей, инвестиционная фирма и т.д. Но все это организации локальные, основное поле деятельности которых – штат Массачусетс и непосредственно Бостон.

Оценить конкретный вклад отдельных спонсоров в формирование экспозиции сложно. Странно было бы предполагать, что, например, руководство больницы активно занимается анализом музейных экспонатов и составом постоянной экспозиции. С другой стороны, если бы в экспозиции музея появились какие-то проблемные, спорные моменты, привлекающие широкое и неоднозначное общественное вни-

мание, вмешательство спонсоров было бы вполне вероятно. Именно в силу того, что это местные организации, которые в своей нормальной деятельности к памяти в какой-либо форме отношения не имеют или почти не имеют, их позиция будет отражать, скорее, устоявшиеся взгляды большинства жителей региона. Музей с этой точки зрения становится проводником не государственной политики памяти, и даже не муниципальной, а лишь отражает память «низовую», уже устоявшуюся и не подверженную изменениям без сильного внешнего воздействия. Естественно, нельзя исключать инициативы отдельных сотрудников музея или отдельных частных спонсоров, которые могли бы, наверное, переориентировать его деятельность для целенаправленного изменения сложившегося образа истории, но на данный момент она направлена, скорее, на поддержание и укрепление сложившегося регионального образа истории.

Кроме собственно экспозиции, музей поддерживает «Тропу черного наследия» (*Black Heritage Trail*) – туристический маршрут по достопримечательностям Бикон-Хилла, связанным с историей афро-американского сообщества. «Тропа...» длиной 2,5 км начинается у памятника 54-му Массачусетскому полку. Памятник – единственная достопримечательность «Тропы...», находящаяся за пределами Бикон-Хилла, у входа в парк Бостон-Коммон, прямо напротив здания правительства штата. Кроме того, это единственный монумент в составе «Тропы...», остальные достопримечательности представляют собой здания.

К сожалению, не все входящие в маршрут здания снабжены хотя бы табличками. «Тропа...» и относящиеся к ней достопримечательности подробно описаны на сайте музея, маршрут обозначен на туристических картах, но в собственно городском пространстве она отмечена только небольшими указателями.

Содержание имеющихся табличек подчеркивает роль представителей черного сообщества Бикон-Хилла в аболиционистском движении, в политической жизни США, а также в черном масонстве. Особый интерес представляет, пожалуй, табличка на доме, в котором жил Дэвид Уокер, автор «Призыва к цветным гражданам мира». Примечательны последние строки текста таблички: «Владение “Призывом” считалось на Юге преступлением. Рабовладельцы из Джорджии назначили награду за его (Уокера. – Г.А.) голову». Здесь, очевидно, подчеркивается угнетение, характерное именно для южных штатов в

противоположность северным, элемент регионального нарратива, для которого контраст «расистского» Юга и «свободного» Севера чрезвычайно важен.

Главная проблема «Тропы...» заключается в том, что входящие в нее здания-достопримечательности – частные жилые дома. С этим, вероятно, и связано отсутствие хотя бы табличек, не говоря уж об информационных стендах, у большинства зданий. Туристы, не готовые потратиться на экскурсию, скорее всего, пройдут мимо большинства пунктов маршрута, даже не заметив их. Церковь на Чарлз-стрит (*илл. 2*), бывшая когда-то центром черного сообщества Бикон-Хилла, сегодня является торгово-офисным центром, и большая ее часть закрыта для публики. Интерьеры, вероятно, полностью заменены новыми, как и в других зданиях, входящих в «Тропу...». При том, что в целом музей оснащен по последнему слову техники, средств на выкуп недвижимости в фешенебельном Бикон-Хилле у администрации, видимо, не хватает.

Последний пункт маршрута – собственно Музей африкано-американской истории, занимающий два расположенных по соседству здания: Школы Абиеля Смита, вышеупомянутой первой в Бостоне школы для чернокожих детей, основанной силами черного сообщества Бикон-Хилла, и Африканского молитвенного дома. В трехэтажном кирпичном здании школы расположена экспозиция музея как таковая. Отреставрированный интерьер Молитвенного дома воспроизводит оригинальную обстановку старейшей сохранившейся черной церкви в США.

В экспозиции музея можно выделить несколько доминирующих тем. Значительная часть экспонатов посвящена повседневной жизни Бикон-Хилла. Центральное место здесь занимают картины местных художников, изображающие сцены из жизни черного сообщества, а также обширная коллекция фотографий Гамильтона Саттона Смита, работавшего в конце XIX – начале XX в.

Вторая главная тема – аболиционизм. Дворик перед входом в музей украшает стела с цитатами выдающихся аболиционистов. Особенно показательна приведенная фраза известного аболициониста XIX в. Уильяма Купера Нелла: «Независимо от его истории как церкви и школы, это здание заслужило славу благодаря собраниям, проводившимися в его стенах цветными и их друзьями с целью распространения дела общечеловеческого братства»³¹. Важность темы аболиционизма

лиционизма становится очевидной еще до того, как посетитель попадает в здание музея.

Деятельности аболиционистов посвящено множество экспонатов, от внушительного бюста Фредерика Дугласа до портретов, писем (в том числе переписки того же Дугласа) и переписанных от руки или напечатанных текстов выступлений и речей. Почетное место в экспозиции, напротив входа в выставочный зал на третьем этаже, занимает стол для закладки форм, который Уильям Ллойд Гаррисон использовал для набора аболиционистской газеты «Освободитель» (*The Liberator*).

Третья ключевая тема – Гражданская война. Ей посвящена большая часть экспозиции на первом этаже музея. Интересно, что основной фигурой тут становится Роберт Гулд Шоу, командир 54-го полка. Первая большая витрина в первом зале музея посвящена как раз Гражданской войне, и наиболее примечательный экспонат в ней – лейтенантские нашивки, которые Шоу носил в начале своей военной карьеры. Рядом стоит гипсовый бюст полковника. Сопроводительный текст подчеркивает, что Шоу происходил из видной аболиционистской семьи. Он многое сделал для аболиционистского движения, добившись равной платы для белых и черных солдат, так что темы Гражданской войны и аболиционизма тесно переплетаются. Впрочем, помимо Шоу, другим солдатам 54-го полка также посвящен ряд экспонатов – гравюры, картины, письма и документы, немногие сохранившиеся фотографии времен Гражданской войны.

Отдельного упоминания заслуживает небольшой пояснительный текст, сопровождающий часть экспозиции, посвященную Гражданской войне. Озаглавлен он «Гражданская война: победит свобода или рабство?» (*Civil War: Shall freedom or slavery triumph?*). Показательна здесь однозначность постановки вопроса, контраст с трактовкой Гражданской войны, характерной для публичного дискурса Юга. Бостонский музей полностью отражает нарратив, характерный для Севера: причиной Гражданской войны стало рабство, другие факторы если и играли какую-то роль, то сугубо вторичную.

Таким образом, в экспозиции музея четко прослеживаются три основные темы: локальная история Бикон-Хилла, аболиционизм, Гражданская война и участие в ней черных бостонцев. Локальная история черного сообщества вписана в более широкий исторический контекст, подчеркивает ряд элементов исторического нарратива, важно-

го для Севера в целом, – представления о северных штатах как оплоте свободы, прогресса и равноправия, о победе над дремучим и полным предрассудков Югом.

Но «черная история» Бостона все-таки неизмеримо шире и богаче. Трудно не задуматься о том, почему администрация музея, работающая в тесном сотрудничестве с городскими властями, так акцентирует внимание именно на сообществе Бикон-Хилла и что остается «за скобками», к чему не привлекают внимания туристов, учеников местных школ и горожан в целом. Почему в качестве основы экспозиции музея была выбрана именно история Бикон-Хилла? Отчасти это связано, вероятно, с чисто практическими соображениями. Именно в этом районе расположены сами здания музея, и связь экспозиции с локальной историей кажется до некоторой степени логичной. В отличие от современных «черных» районов, Бикон-Хилл располагается в историческом центре города, его наиболее «туристической» части.

С другой стороны, черное сообщество Бикон-Хилла сформировалось в начале XIX в. Но начало «черной истории» Бостона – это все-таки история атлантической работорговли. Хотя купцы Бостона в основном лишь осуществляли доставку рабов в другие колонии, некоторое количество порабощенных африканцев оказывалось и в Новой Англии, и спрос на живой товар не вызывал сомнений – настолько, что работорговец из Род-Айленда, например, напоминал своему брату и деловому партнеру, что «если продать всех рабов (на Карибах. – Г.А.) не получится, привози их сюда, уверен, что покупатели найдутся»³². В музее представлена широко известная иллюстрация из «Европейского журнала» (*The European Magazine*) с изображением корабля с похищенными из Африки рабами, демонстрирующая ужасы работорговли, и один документ о покупке раба, некоего Кокера, датированный 1749 г. Сопровождающий экспонаты небольшой текст говорит о начале ввоза рабов на территорию Новой Англии в 1638 г. и легализации рабства в Массачусетсе, а также о его запрете в 1783 г., но об участии торговцев Бостона в работорговле не упоминается.

Также за скобками остается и период «исхода» черного населения из Бикон-Хилла в южные районы города, и даже сами причины этого «исхода», непосредственно связанные со сложностями во взаимоотношениях черных и белых жителей города, упоминаются лишь мельком. При том, что деятельность аболиционистов XIX в. рассмотрена достаточно подробно, период движения за гражданские права прак-

тически не упоминается. Обойден вниманием и кризис, связанный с десегрегацией школ, хотя в конце 1970-х годов он прогремел на всю страну.

Складывается впечатление, что, сконцентрировавшись на истории Бикон-Хилла, авторы экспозиции намеренно обошли вниманием проблемные периоды «черной истории», особенно те, в которых власти Бостона и белое население города проявили себя не с лучшей стороны.

Выбранный руководством музея период кажется на первый взгляд довольно «выгодным». Во-первых, он тесно связан с историей Гражданской войны. Участие жителей Бостона в Гражданской войне вообще одна из ключевых тем публичной истории города, важность которой сравнима разве что с Войной за независимость. Во-вторых, в целом это период относительно гармоничного сосуществования черного и белого сообществ. Он практически лишен масштабных межрасовых конфликтов. Черные и белые активисты часто и успешно действовали сообща, а белые аболиционисты и филантропы сделали немало для черного сообщества Бикон-Хилла.

В этот период был достигнут ряд важных вех в истории борьбы за равноправие, по крайней мере, в масштабах города и штата: создание первой «черной церкви», «черных» масонских лож, «черной» школы и последующая десегрегация школьного образования. Конечно, на практике конфликты случались. Десегрегация школ оказалась весьма спорным вопросом: прежде чем отменить сегрегацию в 1855 г., суд штата сначала, напротив, подтвердил ее конституционность в 1847 г., а десегрегация была встречена волной недовольства. Место белых аболиционистов в борьбе за права черных в последние годы подвергается некоторой переоценке: не ставя под сомнение значимость их деятельности, отдельные исследователи обращаются к проблемам устойчивых предрассудков, характерных для белых аболиционистов, а также стремятся отойти от существовавшей долгое время тенденции к преувеличению роли ведущих белых аболиционистов в противовес не только отдельным выдающимся черным представителям этого движения, но и более широким массам свободных черных активистов, чья «локальная» деятельность часто остается забытой или недооцененной³³ (илл. 3). Тем не менее в целом период существования черного сообщества Бикон-Хилла можно считать относительно благополучным, а власти Бостона в это время приняли несколько реше-

ний, способствовавших улучшению положения черных жителей города. Характерно, впрочем, что об отношении значительной части белого населения города к этим нововведениям, о политической борьбе, потребовавшейся для принятия этих законов, сведений в экспозиции музея крайне мало.

Проблемы, существующие в отношениях черных и белых в США до сих пор во многом порождены уже упомянутой неформальной сегрегацией. Проявления ее в Бикон-Хилле упоминаются среди представленных в музее документов редко, причины «исхода» черных из района практически не обсуждаются. Без рассмотрения этого аспекта отношений черных бостонцев и их белых соседей картина, создаваемая экспозицией музея, выглядит неполной и оторванной от современной реальности. На фоне очередного кризиса межрасовых отношений в США такое акцентирование наиболее, пожалуй, благополучного периода истории черного Бостона выглядит как стремление обойти болевые точки, которые в первую очередь будут волновать значительную часть целевой аудитории музея.

Прекрасно представляя жизнь черных бостонцев в XIX в. благодаря ряду интереснейших экспонатов, включая, например, номера «черных» газет, содержащие как программные аболиционистские статьи, так и новости, объявления и т.п., экспозиция музея не связывает ее с современностью, не дает понимания истоков существующих проблем. При этом остается неизменным, но вполне ясно читается и своеобразное продолжение: в XIX в. предрассудки, возможно, и встречались, но сегодня, тем более в Бостоне, о каких предрассудках может идти речь, ведь уже в 1855 г. Массачусетс десегрегировал школы, а рабство запретил и того раньше. Учитывая дальнейшую непростую историю борьбы за гражданские права в США и непосредственно в Бостоне, где скандал с десегрегацией школ случился уже после периода активной и официально победоносной борьбы за равноправие, такое представление кажется чересчур оптимистичным. Возможно, как предполагают некоторые исследователи, мотивация участников протестов против басинга не ограничивалась расовыми предрассудками, но экономические факторы, классовый конфликт также сыграли свою роль³⁴. Однако игнорировать эти предрассудки, проявившиеся в том числе в риторике протестующих, невозможно, а роль самого эпизода в истории межрасовых отношений в Бостоне трудно переоценить.

В экспозиции практически полностью обойдена вниманием деятельность главы первой «черной» масонской ложи Принса Холла и вообще черных масонских лож, хотя они сыграли огромную роль в развитии аболиционистского движения и борьбе за гражданские права в XIX в.³⁵ Но практически ни одного экспоната, связанного с «черными» ложами, в музее нет, а могила Принса Холла, расположенная недалеко от Бикон-Хилла и здания музея, не входит в «Тропу...». Трудно избавиться от ощущения, что хотя бы отчасти причиной тому – «проблемная» история «черного» масонства, его откровенное неприятие со стороны белых масонов-американцев в период зарождения и, соответственно, необходимость при любом обращении к этой истории привлекать внимание к явным, ясно видимым расовым предрассудкам.

Образ «черной истории» Бостона, предлагаемый музеем и «Тропой...», прекрасно вписывается в массовые представления об истории Новой Англии. Подчеркивается либерализм местных властей и роль Бостона как «колыбели Американской революции», вклад его жителей в победу Севера в Гражданской войне. «Черная история» вписывается в общую картину как некоторое дополнение к ней, но ни в коем случае не как формирующий ее фактор, она оказывается важна как еще один способ подчеркнуть те особенности Новой Англии в целом и Бостона в частности, с которыми публика и так знакома. Тому, что плохо вписывается в этот устоявшийся региональный нарратив и может угрожать его целостности, внимания не уделяется.

Проблема в том, что в сегодняшней обстановке именно эти щекотливые моменты вызывают наибольший интерес у широкой общественности, именно они оказываются узловыми точками коллективной памяти. Обходя их вниманием, экспозиция Музея африкано-американской истории неизбежно оказывается менее актуальной для значительной части аудитории, чем могла бы быть. Кажется резонным предположить, что причина этого – в устойчивости уже сформировавшейся региональной исторической памяти. Существующий в популярном восприятии образ Бостона оказался столь устойчивым, так прочно вошел в массовое сознание, что отступить от него не готовы даже учреждения, имеющие дело с «черной историей».

Отдельного внимания заслуживает интерпретация понятия «черное наследие». Как мы уже отмечали, под «черным наследием» понимается обычно вклад африкано-американцев в историю США. Куль-

турный вклад в экспозиции музея, безусловно, отражен достаточно ярко. Сложнее обстоит дело с представлением роли африкано-американцев в политике и экономике США. В связи с этим невозможно не упомянуть скандал, связанный с памятником 54-му Массачусетскому полку (илл. 4). Памятник должен, казалось бы, демонстрировать максимально наглядно уважение властей Бостона к черному наследию города и его истории. На практике памятник, установленный в 1897 г. и отреставрированный в 2021 г., вызывает сегодня неоднозначную реакцию. Центральной фигурой на нем стал полковник Роберт Шоу. Образ героического Шоу, верхом и с саблей наголо ведущего за собой пеших черных солдат, расположенных на заднем плане, явно не лучшим образом отражает их роль. Нетрудно понять, почему памятник вызвал такое возмущение у многих черных – вплоть до того, что неоднократно становился объектом вандализма, в том числе во время протестов 2020 г. История черных добровольцев оказывается незначительным эпизодом в давно знакомой истории о войне Севера и Юга.

То же касается и экспозиции музея. Хотя артефакты времен Гражданской войны занимают почетное место в экспозиции, мало внимания уделено мотивации черных добровольцев, вступавших в армию северян (часто стремившихся добиться таким путем большего равенства, преодолеть социальную пропасть между черными и белыми американцами). Практически нет материалов, посвященных сложностям отношений черных и белых в самой армии. В целом подчеркивается не столько самостоятельный исторический путь черного сообщества, сколько героизм отдельных солдат и участие черных бостонцев в общем для всего Севера деле, история которого широкой публике известна. «Черная история» лишь дополняет эту картину, не обогащая ее принципиально, не раскрывая не известных никому из бостонским школьникам аспектов истории Гражданской войны.

В целом именно таким и предстает здесь «черное наследие»: черные американцы присутствовали или участвовали в той или иной форме в ключевых событиях американской истории. Сама констатация этого факта, конечно, важна. Но такая трактовка «черного наследия», тесно связывающая его с доминирующим образом истории США в целом, неизбежно лишает это понятие специфичности, не подчеркивает самостоятельность африкано-американской культуры и исторического опыта, а, напротив, сглаживает их отличия от истори-

ческого опыта белых американцев. В этом нам видится отчасти попытка, скорее всего неосознанная, защитить знакомый образ себя и своей истории, своего города и региона – образ, противопоставленный в рамках американской истории Югу и существующий за счет этого противопоставления. Обращение к памяти может служить как средством изменения массовых представлений о прошлом, коррекции коллективной памяти в соответствии с интересами тех или иных политических акторов, так и средством защиты и поддержания этих представлений. Характерно, что, как отмечено выше, заинтересованные лица, способные влиять при необходимости на содержание музейной экспозиции, не являются политическими акторами, не заинтересованы в реализации активной, трансформирующей политики памяти, что усложняет процесс переживания коллективной травмы и вины. Это процесс по необходимости долгий, часто болезненный, требующий значительных усилий и часто невозможный без внешнего влияния. Как справедливо отмечает Алейда Ассман, «пока для социального и политического сообщества главными ценностями являются честь, репутация и имидж (а именно имидж, образ особенно важен в нашем случае. – Г.А.), у нее нет возможности разобраться с собственной виной... Насколько просто помнить чужую вину, настолько же трудно вспоминать о собственной вине. Обычно для этого необходимо сильное внешнее давление»³⁶.

Память и политика

Вопрос об интерпретации «черного наследия» оказывается, таким образом, центральным для американской коллективной памяти в целом. Противоречия между разными «версиями» коллективной памяти зачастую сводятся именно к оценке положения и роли представителей разных рас в истории страны, а также к расхождению в осмыслении рабства. В последние годы эти противоречия все чаще проявляются не только в общественной жизни, но и в политике. Весьма показателен в этом смысле пример обсуждающихся последние три года, особенно активно в 2021–2022 гг., законопроектов и ряда уже принятых законов в сфере образования. В отличие от «войны памятников», в которой участие властей ограничивалось отдельными управленческими решениями, обсуждение критической теории расы (*Critical Race Theory, CRT*) особенно активизировалось после публи-

кации ряда законопроектов, призванных, согласно заявлениям их авторов, ограничить влияние этой теории на образовательный процесс. Мы постараемся показать, что эта дискуссия, уже оказавшая вполне ощутимое влияние на политическую жизнь США, тесно связана с проблемой восприятия и представления истории, в первую очередь «черной истории» и «черного наследия». В случае *CRT* конфликт памяти, конфликт разных моделей восприятия истории США проявился в политической сфере вполне открыто, в законченной форме.

Как теоретический подход *CRT* оформилась в 1970-х годах одновременно с рядом других «критических» подходов в социальных и гуманитарных науках. Основная идея *CRT* – рассмотрение того, как категория расы и ее восприятие влияют на политическую и юридическую практику. В академической среде подход этот распространен достаточно широко, впрочем, есть у него и критики, как у любого научного подхода³⁷.

Вышесказанное не имеет практически никакого отношения к дебатам, идущим в публичном пространстве. В этом контексте значение термина совершенно изменилось. Разработке законопроектов о запрете *CRT* предшествовал длившийся несколько месяцев подготовительный этап, во время которого консервативные журналисты, исследователи и другие общественные деятели активно добивались поддержки грядущих реформ образовательного законодательства. В качестве иллюстрации можно привести, например, ведущий консервативный телеканал *Fox News*, в эфире которого понятие *CRT* за четыре месяца – с марта по июнь 2021 г. – упоминалось более 1300 раз, при том, что общее количество упоминаний за весь предыдущий год ограничивалось несколькими десятками (большая часть при этом пришлась на январь и февраль, когда кампания против *CRT* набирала обороты)³⁸.

В отличие от «академической» *CRT*, точно определить, что именно подразумевает это понятие в «медийном» его варианте довольно сложно. Один из архитекторов кампании против *CRT*, консервативный журналист и общественный деятель Кристофер Руфо, открыто признал в марте 2021 г., что сознательно делал все возможное, чтобы добиться именно такого эффекта: «Мы успешно втянули их (либералов. – Г.А.) бренд в публичную сферу и усиливаем его негативные коннотации. Со временем мы сделаем его токсичным, привяжем к этому бренду все культурное безумие. Наша цель в том, чтобы чело-

век, прочитав в газете что-нибудь безумное, немедленно думал: *CRT*. Мы декодифицировали *CRT* и перекодифицируем ее, включив [в это понятие] весь спектр культурных конструкторов, которые не пользуются популярностью у американцев»³⁹. Как, справедливо, на наш взгляд, заметила журналистка *New York Magazine* Сара Джонс, Руфо «берет концепцию *CRT*, лишает ее всякого значения и превращает в универсальный термин для всего, что может вызывать недовольство белых американцев»⁴⁰.

Прекрасный пример представляет заметка Руфо, в которой утверждается, что Департамент образования штата Аризона подготовил некий набор материалов, из которого ученики должны усвоить, что расизм проявляется у белых американцев уже в младенческом возрасте⁴¹. Проблема в том, что текст статьи мало соответствует реальности. Да, так называемый *equity toolkit* («инструментарий») действительно был разработан⁴². Но, во-первых, это сборник методических материалов для учителей, призванный помочь им в работе с классами, включающими учеников разного расового и этнического происхождения, и для преподавания как такового материалы не предназначались. Во-вторых, вышеупомянутого утверждения они не содержат. В материалах приводится ссылка на исследования, проведенные в США, Великобритании и Китае, показывающие, что младенцы, независимо от происхождения, во многих случаях позитивно реагируют на лица представителей той этнической группы, к которой принадлежат они сами и их родители⁴³.

Сформированное таким образом отношение к *CRT* играет свою роль и в политике. Так, кандидат от Республиканской партии на пост губернатора Виргинии Глен Янгкин активно использовал в своей избирательной кампании критику *CRT*; обещание «в первый же день» запретить ее преподавание в школах стало краеугольным камнем его программы⁴⁴. На выборах 2021 г. Янгкин одержал победу, пусть и с небольшим перевесом. Конечно, утверждать, что обращение к критике *CRT* – единственное, что принесло Янгкину победу, было бы по меньшей мере неосторожно, но роль этого вопроса в активизации электората нельзя недооценивать⁴⁵. Предвыборное обещание Янгкин сдержал, исполнительный указ о запрете преподавания *CRT* стал его первым актом на посту губернатора⁴⁶.

За последние полтора-два года *CRT* превратилась в некий общий ярлык для условной «либеральной повестки»⁴⁷. Такой подход позво-

ляет критикам использовать в качестве примеров потенциальной вредоносности «подавляющей идеологии, насаждаемой против нашего желания»⁴⁸, практически что угодно.

Результатом кампании по «переопределению» *CRT* стал ряд законопроектов на уровне штатов. Всего с января 2021 г. в легислатуры штатов было внесено для обсуждения 182 таких законопроекта. Часть из них «погибла» (57 законопроектов), не дойдя до голосования, часть на момент написания этой работы еще находится на разных стадиях обсуждения, а несколько (16 законов) уже приняты и вступили в силу. На данный момент законы о «запрете *CRT*» действуют в штатах Айдахо, Айова, Аризона, Арканзас, Миссисипи, Нью-Гемпшир, Оклахома, Северная Дакота, Теннесси, Техас, Флорида, Южная Дакота и Южная Каролина. Заметим, что, хотя с точки зрения многих либерально настроенных американцев борьба с *CRT* – явление, характерное в первую очередь для Юга (что закономерно продолжает традиционное противопоставление «отсталого» Юга и «цивилизованного» Севера), на практике в списке штатов, первыми принявших подобные законы, оказались отнюдь не только южные, но и штаты Запада (Айдахо, Южная Дакота) и даже однозначно северный Нью-Гемпшир. Кроме законодательных мер консервативные политики, занимающие государственные должности, имеют и ряд других возможностей влиять на образовательный процесс – через исполнительные указы губернаторов, решения различных исполнительных комитетов и т.п. На данный момент меры такого рода действуют в штатах Алабама, Виргиния, Монтана, Флорида, Южная Дакота и Юта. Проекты законов о запрете *CRT* были представлены даже законодательным собраниям таких традиционно либеральных штатов, как Род-Айленд и Нью-Йорк⁴⁹.

Сходства между этими документами очевидны как в смысле предлагаемых ими ограничительных мер, так и в общих формулировках и ясно читающейся единой идеологической основе. Ниже мы постараемся рассмотреть наиболее значимые из таких общих мест. Для начала же обратимся к источнику, из которого пришли и сама идея использования *CRT* в качестве «козла отпущения», и формулировки, и конкретная аргументация.

Источником этим стала администрация президента Д. Трампа. Именно усилиями администрации Трампа понятие *CRT* оказалось впервые на слуху у широкой (не научной) общественности, и нача-

лось постепенное изменение его изначального, научного, значения в ее глазах, хотя настоящий размах обсуждения и осуждения *CRT* приняли уже после ухода Трампа с поста президента.

Ключевыми для будущей дискуссии вокруг *CRT* стали выступления Трампа в сентябре 2020 г., в разгар избирательной кампании⁵⁰, и исполнительный указ от 4 сентября 2020 г., запрещающий использование «антиамериканской пропаганды» при обучении сотрудников федеральных учреждений⁵¹. К теме школьного образования, одной из ключевых в вышеупомянутом выступлении, Трамп обращался неоднократно, в самих заявлениях в духе «школы и колледжи учат наших детей ненавидеть Америку» ничего нового не было (в частности, именно так он выразился в речи, произнесенной 4 июля 2020 г. у монуента на горе Рашмор)⁵². К моменту сентябрьского выступления особую значимость приобрели два обстоятельства. Первое – продолжающиеся протесты под лозунгом *Black Lives Matter*, адекватного ответа на которые администрация так и не нашла. Второе – публикация созданной журналистами *The New York Times* подборки эссе под общим названием «Проект 1619» (*The 1619 Project*). Задачей проекта является знакомство широкой публики с малоизвестными страницами истории «черной» Америки, с влиянием института рабства на американское общество и с ролью черных американцев в истории страны. Отсюда и название проекта: авторы предлагают читателям исходить из того, что история Америки, ключевых для нее институтов и форм общественных отношений началась в 1619 г., когда в английские колонии на континенте были привезены первые рабы из Африки.

Публикация вызвала острое неприятие со стороны консерваторов, для которых сама идея критики прошлого США, особенно фигур отцов-основателей и отцов-пилигримов, сродни святотатству⁵³. Основа исторического мышления консерваторов – негативные моменты в американской истории, возможно, и были, но исключительно как отступление от основ американской государственности, от идей свободы и равноправия, единичные «поломки» государственного и общественного механизма, а не фундаментальные проблемы.

В выступлении 17 сентября Трамп назвал протесты «прямым результатом десятилетий левой пропаганды в школах», а также заявил о создании правительственной комиссии, призванной разработать «проамериканскую учебную программу, которая правдиво осветит

великую историю нашей страны». Созданная Трампом комиссия была названа «Комиссия 1776» – очевидно, в пику *The New York Times* (1776 – год провозглашения независимости США). Конкретные функции и полномочия комиссии остались не вполне понятными⁵⁴. Кроме предполагаемой «реформы» образования, администрация Трампа также разработала ряд рекомендаций для федеральных учреждений, призвав их исключить из материалов, предназначенных для обучения сотрудников, любую критику американских государственных институтов.

Сходство обсуждающихся сегодня законопроектов с исполнительным указом Д. Трампа легко объяснимо. Первым этапом законодательной кампании против *CRT* стала разработка рядом консервативных общественных организаций т.н. *model legislation* – шаблонов, которые после небольшой доработки подойдут практически любому штату⁵⁵. Эти наработки, опубликованные вскоре после принятия исполнительного указа, заимствовали использованные администрацией президента выражения, дополнив их предложениями, касающимися школьного образования. Реальные же законопроекты зачастую копировали эти шаблоны практически дословно – так, законы, принятые в Айдахо и Теннесси, чрезвычайно близки к типовому законопроекту, разработанному консервативной общественной организацией «Граждане за обновление Америки» (*Citizens for Renewing America*), ставящей перед собой задачу «восстановить единство американской нации по воле Божьей»⁵⁶.

После поражения Трампа на выборах 2020 г. и вступления в должность президента Джо Байдена «Комиссия 1776» была расформирована. Важно отметить, что, несмотря на значительную роль, которую администрация Трампа сыграла в формировании идеологических основ борьбы с *CRT*, широкое обсуждение проблемы в СМИ и принятие новых законов, регулирующих школьное образование, происходили уже при его преемнике. Именно после поражения Трампа на выборах на уровне штатов активизируется критика школьного образования и разработка соответствующих законодательных мер. Одновременно с этим в СМИ и социальных сетях начинается кампания по «переопределению» *CRT*. Результатами деятельности самого Трампа в последний год его президентства в интересующем нас контексте стали, во-первых, привлечение внимания консервативного электората к школьному образованию, а во-вторых, разработка большей части

риторического «инструментария», использованного в дальнейшем на уровне штатов.

Администрация Байдена, представителя Демократической партии, обращала и обращает на дискуссию вокруг *CRT* гораздо меньше внимания, чем администрация консервативного республиканца Трампа. Созданная Трампом комиссия была расформирована в первые же дни президентства Байдена, исполнительные указы, запрещающие использование *CRT* в обучении федеральных служащих, были отменены (как и большинство исполнительных указов Трампа), но кроме этого каких-либо значимых изменений в ситуации с попытками запрета *CRT* занявшие Белый Дом демократы добиться не смогли. Отчасти это связано с упомянутой выше спецификой самой кампании против *CRT*. Она разворачивалась по большей части снизу, первые шаги для претворения в жизнь реформы образования делались консервативными активистами, привлекающими к проблеме внимание общественности и разрабатывающими «черновики» будущих законопроектов. Конкретные же меры, инспирированные ими, принимаются на уровне отдельных штатов. Администрация Байдена не имеет полномочий, позволяющих повлиять на них напрямую, например добиться принудительной отмены новых законов. Попытки запрета *CRT* на федеральном уровне провалились с приходом Байдена, но, апеллируя к властям штатов или даже к советам школьных попечителей отдельных графств, консервативным активистам удалось добиться важной политической победы – инициированная ими кампания увенчалась рядом успехов несмотря на то, что Белый дом заняли демократы.

Во время избирательной кампании Байден несколько раз подчеркивал, что считает системный расизм значимой для современных США проблемой (и, следовательно, с точки зрения консервативных активистов, он поддержал *CRT*)⁵⁷. На посту президента Байден предпринял ряд шагов, направленных против начавшейся в первые месяцы его президентства запретительной кампании. Например, в Департамент образования была назначена в качестве особого советника (*special assistant*) Прешес Маккессон, считающаяся горячей сторонницей *CRT*⁵⁸. Предполагалось также, что при распределении федеральных дотаций школьным округам предпочтение будет отдаваться тем, где в программу курсов истории будут включены понятие структурного расизма и материалы «Проекта 1619». Впрочем, это решение было вскоре отменено⁵⁹. Назначение Маккессон также вряд ли могло

серьезно повлиять на образовательную политику, тем более на уровне штатов. Во-первых, ее должность в Департаменте образования предполагала в первую очередь консультативные функции. Во-вторых, сама Маккессон является в первую очередь политической активисткой, а не педагогом или администратором в сфере образования. Посвятившая большую часть своей жизни политике, Маккессон была финансовым директором Демократической партии Небраски и политическим директором избирательной кампании Байдена в своем округе, она же стала первой африкано-американкой в коллегии выборщиков в истории Небраски, но при всех этих выдающихся достижениях она едва ли может считаться крупным специалистом в критической теории расы.

Еще один проект, связанный со стремлением администрации Байдена расширить присутствие *CRT* в школах, – создание т.н. общественных школ (*community schools*), средства на которые были заложены в бюджете 2023 г. Консервативные журналисты поспешили заявить, что эти учреждения станут новыми «центрами социалистической пропаганды» и рассадниками *CRT*⁶⁰. Впрочем, насколько *CRT* имеет отношение к идее общественных школ с точки зрения самой администрации, не вполне ясно. По крайней мере официально их задача – способствовать решению социальных проблем детей и молодежи в неблагополучных районах, а не корректировать содержание образовательных программ.

Таким образом, деятельность Байдена в сфере регулирования (или дерегулирования) *CRT* не привлекла такого общественного внимания, как громкие заявления его предшественника; ее практические результаты также довольно сомнительны. Но она демонстрирует, что при необходимости федеральное правительство может все же найти рычаги воздействия на правительства штатов, которые потенциально могли бы повлиять на ситуацию, сложившуюся в школах вокруг *CRT*, но на данный момент воспользоваться этими рычагами в полной мере администрация не смогла или не захотела.

При этом ни Байден, ни сотрудники его администрации не выступили, конечно, против более глубокого изучения «черной истории», против признания структурного расизма реально существующим фактором общественной жизни, в общем, против всего, что их консервативные оппоненты обозначают термином *CRT*. Во время избирательной кампании сам Байден, как было отмечено выше, уделял

этим проблемам определенное внимание, но, безусловно, меньше, чем его оппонент. Вероятно, причиной тому – стремление избежать раскола среди самих демократов. Проблема *CRT* и вообще оценки американской истории стала одной из причин нарастающего разрыва между умеренными и радикальными демократами, и, не привлекая лишнего внимания к проблемной теме, Байден стремится избежать дальнейшего углубления этого раскола.

Но рискнем предположить, что этим дело не ограничивается. Радикальные демократы, особенно представители молодого поколения, требуют пересмотра отношения к истории США. Радикальные республиканцы – тоже. Как будет показано ниже, для консерваторов речь также идет не о сохранении статус-кво, а о создании нового образа истории, соответствующего запросам консервативного электората. Собственно, раскол существует и внутри Республиканской партии, многие умеренные республиканцы открыто противопоставляют себя радикалам, возглавляемым Трампом. В отличие от Байдена, Трамп не стремился преодолеть этот раскол, а наоборот, решил опереться на наиболее радикальных представителей своей партии и наиболее радикальные сегменты электората, привлекая их в том числе и тем, что разделял их отношение к истории страны. Умеренные же демократы, к которым относится Байден, своей версии истории не предлагают. Они готовы признать существование определенных проблем в, например, организации полиции, но не фундаментальный характер этих проблем, готовы признавать значимость черных американцев для истории страны, но не готовы подвергать переоценке фигуры отцов-основателей и т.д. В разворачивающемся конфликте памяти они оказываются между двух огней и, кажется, не вполне отдают себе отчет в значимости этой проблемы – для Трампа и других консерваторов проблема оценки истории, проблема памяти, стала одной из основ политической платформы, как и для молодых радикальных демократов. Администрация Байдена же считает ее, судя по всему, вторичной и не уделяет ей достаточного внимания, действительно предотвращая возможный раскол в рядах демократов, но одновременно углубляя раскол в обществе в целом – в обществе, которое путь сохранения статус-кво при минимальных изменениях уже не устраивает.

Таким образом, законы против *CRT*, пусть и вдохновленные риторикой Трампа, были разработаны и приняты во многих штатах имен-

но при Байдене без какого-либо противодействия со стороны федеральных властей. Ключевым для всех таких законопроектов является понятие «разделяющая концепция» – *divisive concept*. Практически все они открываются списком дефиниций, первая из которых – «что такое разделяющая концепция в контексте данного документа»⁶¹. В некоторых документах речь идет о *CRT*, другие не называют прямо конкретной теории, но общий набор вызывающих тревогу законодательств идей и концепций оказывается одним и тем же, причем сами определения чрезвычайно близки к тем, которые использовал Трамп.

Под «разделяющими концепциями» в рамках законопроектов понимается ряд идей и представлений, таких как врожденное превосходство одной расы над другими, коллективная ответственность всех людей одной расы или одного пола за преступления их отдельных представителей, в том числе совершенные в далеком прошлом, допустимость дискриминации по признаку расы или пола⁶². На первый взгляд запрет преподавания подобных идей в школе покажется вполне оправданным любому разумному человеку.

Проблема заключается в интерпретации. Например, один из таких концептов – «США основаны на расизме и сексизме». Да, в чистом виде это заявление кажется, мягко говоря, преувеличением. Но оно открывает широкий простор для интерпретаций. Например, само упоминание того факта, что большинство авторов конституции США были рабовладельцами – что неоспоримо – вполне можно счесть как раз попыткой описать США как фундаментально расистскую страну. Так, собственно, и произошло в ряде случаев, когда учителя столкнулись именно с такими обвинениями⁶³. В принципе, любое обращение к истории рабства в США почти неизбежно столкнется с той же проблемой – не признавать основополагающего значения рабства для экономики как минимум южных колоний нельзя, а признавать – значит подставляться под обвинения в соответствии с новыми законами.

Впрочем, так же широко при некотором желании можно интерпретировать и более, на первый взгляд, простые «разделяющие концепции». Например, новые законы запрещают учить школьников, что одна раса фундаментально лучше или хуже другой. Само предположение, что в современной школе могут преподавать подобные идеи, вызывает некоторую оторопь. С другой стороны, именно к этому пункту недавно принятого закона апеллировала группа родителей в одном из округов штата Теннесси. В школе их дети читали авто-

биографию Руби Бриджес, одной из первых чернокожих учениц, которые в 1960 г. пошли в традиционно «белую» школу. Сама Бриджес и ее семья столкнулись с активным неприятием белых учеников и их родителей, и в целом десегрегация школ сопровождалась конфликтами, которые и описаны в книге Бриджес. Борьба с десегрегацией школ на Юге хорошо изучена, ей посвящено колоссальное количество научных и научно-популярных работ, и сами по себе факты не вызывают сомнения: десегрегация школ действительно встретила сопротивление, зачастую агрессивным, со стороны белых южан. Тем не менее, согласно жалобе теннессийских родителей, автобиография Бриджес нарушает недавно принятый закон, потому что может показать белых в негативном свете, а следовательно, создает у учеников представление, что они фундаментально хуже черных⁶⁴. В результате книга была убрана из программы, и в целом тему сопротивления десегрегации на уроках больше не рассматривали. Закономерно встает вопрос, как в таком случае вообще обсуждать проблемные моменты американской истории – от истории рабства до истории интернирования американских граждан японского происхождения во время Второй мировой войны. На данный момент в тех штатах, где действуют законы «против CRT», единственным решением оказывается, видимо, отказ от такого обсуждения.

Большинство законов, независимо от того, используют ли они термин *CRT*, касаются не только обсуждения категорий расы и межрасовых отношений. В число «разделяющих концепций» попадают также концепции гендерной и сексуальной идентичности. Закон, принятый во Флориде, даже получил в прессе неформальное обозначение *Don't Say Gay Bill* (Закон «Не говори “гей”»⁶⁵). Это ироничное наименование указывает на еще одну фундаментальную проблему, с которой сталкиваются законы против *CRT*.

Заключается она в том, что законодателям довольно сложно определить, что именно они пытаются регулировать. Должны ли они полностью запретить всякое обсуждение «разделяющих концепций»? Так сформулированы законы, принятые в Аризоне, Оклахоме, Теннесси и Техасе, – согласно им, подобные концепции не могут быть «включены в курс» ни в каком виде⁶⁶. Соответственно, даже обсуждать само существование «разделяющих концепций» не представляется возможным. Это радикальное решение, создающее многочисленные проблемы для учителей, но, по крайней мере, делающее фор-

мулировку закона чуть более ясной. Однако большинство законов предлагают запретить учителям «поддерживать» сомнительные идеи или требовать, чтобы их поддерживали ученики. При этом, что имеется в виду под поддержкой, не разъясняется. Резонно предположить, что в большинстве случаев учителя и школьная администрация будут точно так же избегать всякого обсуждения «проблемных» вопросов просто из осторожности – как уже показал опыт Теннесси, что именно родители сочтут нарушением новых норм и поводом подать жалобу на учителя, предсказать не всегда возможно.

Сходные сложности вызывает и содержащийся в некоторых законопроектах* запрет на проявление учителями каких-либо политических или партийных предпочтений. От учителей требуется некая идеализированная абсолютная объективность, в реальности вряд ли достижимая. Кроме того, без ответа остается ключевой вопрос: что считать проявлением политической предвзятости учителя? По каким признакам можно определить, что норма нового законодательства нарушена? Если, например, учитель истории утверждает, что политика такого-то президента и его партии оказалась провальной, значит ли это, что он автоматически показывает свою предвзятость в пользу другой партии? На данный момент решение этого вопроса остается на усмотрение родителей учеников.

Еще один вопрос, ответ на который, кажется, не вполне понятен самим законодателям, – кто и как должен следить за соблюдением предлагаемых ими норм. В большинстве случаев речь идет о том, что жалобы могут подавать граждане. Что при этом грозит школе или учителю, кто конкретно будет принимать решение и применять те или иные карательные меры, зависит от штата. В характерную для американских консерваторов концепцию ограничения государственного вмешательства в жизнь граждан такое решение вполне вписывается.

И, наконец, последняя составляющая многих законов против *CRT*, хотя и не столь обязательная, как обращение к «разделяющим концепциям», касается т.н. гражданского права действия (*action civics*) и вообще всего, что связано с гражданским активизмом. Здесь явно

---

* Например, в Миссури и Нью-Джерси. Впрочем, в обоих штатах эти проекты прошли обсуждение только в одной из палат законодательного собрания и на данный момент считаются «мертвыми».

проявляются корни нынешней законодательной кампании на уровне штатов – предпринимавшиеся администрацией бывшего тогда президентом Д. Трампа попытки справиться с волной протестов. Предполагается, что, во-первых, ученики не должны получать дополнительных «кредитов» (зачетных единиц) за участие в общественной деятельности, особенно носящей протестный характер. Кроме того, учителя, обсуждая текущие политические события, не должны выражать симпатий ни к одной из «сторон» (здесь особенно красноречива сама по себе трактовка внутренней жизни страны как конфликта с четко определенными сторонами). Как и в случае с «разделяющими концепциями», эти меры на первый взгляд кажутся разумными, но, по сути, они труднореализуемы, а последствия их применения плохо предсказуемы.

Во-первых, немедленно встает вопрос: кто должен определять, какая внеклассная деятельность за «кредиты» разрешена, а какая – нет? Законы этого не оговаривают. Во-вторых, не вполне ясно, что именно запрещается и насколько о текущих событиях вообще можно говорить. Например, если речь идет о протестах *BLM*, допустимо ли говорить о том, что стало для них отправной точкой? Если да, то как отвечать на вопросы о жестокости полиции в отношении черных американцев, стоит ли приводить статистику? Опять-таки, как и в случае преподавания истории, единственным «безопасным» выходом для учителей оказывается уход от обсуждения текущих событий в принципе. Но именно этими событиями ученики, особенно старшеклассники, интересуются больше всего, и вопросы, которые они задают учителям, никуда не исчезнут.

Общая расплывчатость законов стала неизбежным следствием прямого переноса идеологических конструкций, которым определенность не нужна и даже чужда, в правовую сферу. Консервативный электорат в целом поддерживает эти меры, но некоторые консервативные политические деятели и комментаторы относятся к ним с большей осторожностью, подчеркивая именно их непроработанность и неэффективность. Как минимум одна из ведущих консервативных общественных организаций, *Koch Group*, официально выступила против запрета *CRT* на том основании, что законодательный запрет такого рода является формой государственной цензуры, противостояние которой – один из ключевых элементов идеологии американских консерваторов⁶⁷.

Законы, «корректирующие» преподавание в школах, несомненно, стали в последние два года важной частью «политики памяти» – тех мер, с помощью которых государственные и негосударственные акторы пытаются повлиять на массовое восприятие прошлого. Причем основными проводниками этой политики стали не федеральные власти, а власти штатов и общественные организации. Хотя формально эти законы касаются не только истории, очевидно, что для преподавания истории они наиболее значимы. Любое обсуждение проблем межрасовых отношений требует обращения к истории, ее осмысления и переосмысления. Показательно, что отправной точкой для роста критики *CRT* стала реакция администрации Д. Трампа на публикацию «Проекта 1619», вообще не имеющего прямого отношения к образованию. Речь с самого начала шла именно о создании и продвижении определенной концепции истории, школьные же программы как таковые являются лишь наиболее активно используемым и массовым способом распространения этой концепции.

Общественное обсуждение *CRT* и подготовка типовых законопроектов – пример реализации политики памяти консервативными общественными организациями и объединениями граждан. Кроме того, результатом этого процесса стало расширение поля возможностей «низовой» политики памяти. Если раньше для продвижения своей концепции истории консервативным акторам приходилось прибегать к протестам, выступлениям, дорогостоящим кампаниям в СМИ и т.п., то теперь у них – причем именно у «низовых», локальных организаций и активистов – есть для этого юридически обоснованные механизмы. Нельзя исключать, что консерваторы будут и в дальнейшем не столько пытаться навязывать определенную модель памяти «сверху», сколько открывать возможности для ее формирования и поддержания «снизу».

Говоря о проблемах современности, американские политики часто апеллируют к образам прошлого, обвиняя при этом своих идеологических противников в ревизионизме. Понятия ревизионизма и искажения истории вообще часто фигурируют в законах, связанных с исторической памятью. Правда, как справедливо отмечает в опубликованном на страницах *The New York Times* эссе историк Тимоти Снайдер, под ревизионизмом в таких случаях понимается обычно обращение к тем историческим сюжетам и темам, которые так или иначе ставят под сомнение образ истории, существующий в сознании поли-

тической верхушки, или способны вызвать дискомфорт у поддерживающего эту верхушку электората⁶⁸. Признать наличие фундаментальных, структурных недостатков психологически тяжело, не говоря уже о том, что такое признание потребовало бы каких-то активных мер по преодолению этих недостатков, к чему администрация Д. Трампа была совершенно не готова. Естественной реакцией стала политика, нашедшая чуть позже выражение в законах против преподавания *CRT*. Достаточно объявить любые проблемы, современные или прошлые, результатом «отдельных недочетов» или «отступлением от ключевых принципов, на которых строится Америка», и любая попытка значимой переоценки истории становится ревизионизмом, искажением истины. Естественно, в условиях кризиса межрасовых отношений, с которым США столкнулись в последние годы, психологическая потребность в такой «защите» особенно высока: идеализированный образ истории позволяет справиться с неуверенностью сегодняшнего дня.

Основные аргументы в пользу принятия законов против *CRT*, приводящиеся в самих текстах законопроектов, касаются именно эмоций и чувств. Ключевым аргументом при публичном обсуждении этих мер стала апелляция к чувствам учеников: «представьте, как будут себя чувствовать белые школьники, если сказать им, что их предки были расистами». В самих текстах прямо указывается мотивация законодателей – «запретить включение в учебный процесс материалов, которые могут вызвать дискомфорт, чувство вины или горя»⁶⁹. Основанием для жалоб по новым законам становятся именно чувства, а учителя, разрабатывая учебные планы, вынуждены исходить из того, какую эмоциональную реакцию может вызвать у учеников или их родителей тот или иной сюжет.

Показательна в этом смысле ситуация в Оклахоме. Один из тяжелейших эпизодов в истории этого штата – резня в Талсе, во время которой от рук белых жителей города погибло множество их черных сограждан, а «черный» район города был едва ли не уничтожен. Новый закон о школьном образовании вступил в силу буквально за несколько дней до сотой годовщины этого трагического события. При этом губернатор заявил, что знакомить учеников с этим сюжетом по-прежнему можно, но ряд общественных организаций и деятелей образования выразили вполне обоснованные сомнения⁷⁰. Как можно обсуждать с учениками события такого рода, не вызы-

вая «дискомфорта, чувства вины и горя», действительно не вполне понятно.

На первый взгляд попытки «запрета» *CRT* могут выглядеть как стремление сохранить статус-кво в образовании, в политике и в целом в межрасовых отношениях. В том, что касается образования, интервью, проведенные нами в Южной Каролине осенью 2021 г. (35 полуструктурированных интервью с черными и белыми американцами, в основном работниками сферы образования), показали, что именно проблемные точки истории, в том числе проблема рабства, – чуть ли не единственная тема, касающаяся африкано-американской истории, которой уделялось время в школе. Более того, авторы запретительных законов в случае рабства предлагают описывать его как случайное отклонение от демократических принципов, в то время как традиционные образовательные программы признавали его закономерность – либо, как бывало на юге, пытаясь оправдать его в той или иной степени, либо как минимум подчеркивая его экономическое значение.

Утверждать, что США и их история в школьной программе предстают в негативном свете, – мягко говоря, преувеличение. Даже признавая недостатки американской общественной системы, школа все равно позиционирует Америку как пусть не идеальное, но лучшее из реально существующих обществ, светоч демократии и прогресса и т.д. и т.п. В новых законах речь идет не о возвращении к статус-кво, а о его пересмотре и переоценке. Не случайно Д. Трамп в своих наиболее громких публичных выступлениях подчеркивал, что «промывка мозгов» в школах идет уже «многие десятилетия»; школьная система требует все же именно перестройки, а не защиты от внешнего влияния. Новые законы подразумевают, что основная задача преподавания истории и общественных наук в школе – поддержание психологического комфорта учеников и родителей за счет отказа от рассмотрения проблемных событий и периодов американской истории.

Последствия такой политики могут оказаться разрушительными во многих отношениях. История не форма групповой терапии, и «дискомфорт», который неизбежно вызывают ее «мрачные» страницы – нормальная часть ее изучения. Без этого дискомфорта не может сформироваться здоровое и сбалансированное чувство исторической памяти. Если на протяжении всего школьного курса ученика убеждают, что страна, где он живет, всегда представляла собой едва ли не

идеально гармоничное общество, в котором разве что изредка случались отдельные печальные эпизоды (по чистой случайности), то реакцией на любую критику современного ему общества будет в лучшем случае полное неприятие и отказ от всякой дискуссии, а в худшем – прямая агрессия в отношении «вредителей», которые разрушают заботливо сформированный идеал. Политика памяти всегда апеллирует в первую очередь к эмоциям, но замена нормального процесса переживания этих эмоций идеалом, не требующим осмысления и критики, вряд ли может быть продуктивна в долгосрочной перспективе.

«Черное наследие», нарративы коллективной памяти и общественно-политический кризис в США в наши дни

Осмысление «черного наследия» как вклада афроамериканцев в историю и культуру США является одним из ключевых компонентов американской коллективной памяти, принимая при этом самые разные формы. Существующий исторический нарратив сформировался после Гражданской войны и на протяжении века активно утверждался государством. При этом главной его задачей было примирение белых южан и северян, восстановление разрушенного войной национального единства. Однако этому нарративу с самого начала противостояли другие формы коллективной памяти, прежде всего региональный нарратив «проигранного дела», развившийся на Юге в первые послевоенные годы и создающий совершенно другое отношение к основополагающим событиям и явлениям американской истории, к «основополагающей травме» самой Гражданской войны и к истории рабства. Несмотря на все усилия федеральных властей, подавить эту альтернативную версию истории на Юге так и не удалось. Идеология «проигранного дела» на протяжении долго времени была и одной из основ специфической южной идентичности, и идеологическим обоснованием образа жизни Юга, в том числе системы расовой сегрегации. При этом вопрос о рабстве и его истории фактически исключался из рассмотрения, основной идеей «проигранного дела» было противостояние Севера и Юга по вопросу прав штатов и федерального правительства, значение же проблемы рабства игнорировалось. Существовали и другие региональные версии истории, не столь отличные от официального нарратива и спокойно сосуществующие с

ним, но все же не лишены своих особенностей и не способствующие преодолению межрегиональных противоречий. Так, региональный нарратив Новой Англии, как и южный, подчеркивал различия между регионами, противопоставляя свободный и лишенный пред-рассудков Север варварскому рабовладельческому Югу. При этом Север представлялся носителем истинных американских ценностей, которые на Юге были в какой-то момент утрачены, и восстанавливать их Северу пришлось силой. Характерно, что ни северный, ни южный нарративы не отрицают значимости самого регионального деления. Южные штаты в северном нарративе обособлены от остальной национальной общности не в меньшей степени, чем для сторонников идеи «проигранного дела», хотя оценка этой обособленности, разумеется, диаметрально противоположна. Юг предстает здесь варварской окраиной с устаревшими, дикими обычаями, которую надлежит цивилизовать. Так или иначе, сам факт наличия фундаментальных различий между регионами, различий достаточно глубоких, чтобы поставить под сомнение саму возможность их объединения в рамках одной национальной общности, становится ключевым элементом региональных нарративов как на Юге, так и на Севере. Еще одна общая черта всех этих вариаций коллективной памяти – «черное наследие» исключалось из них практически полностью, исторический опыт черных американцев не воспринимался как часть общей национальной истории.

Параллельно с этим развивалась «низовая», народная память, носителями специфических версий которой были в том числе представители маргинализованных групп населения. На протяжении большей части XX в. значение ее было невелико. Но «крупные события и перемены в условиях жизни сообщества, накопление и осмысление нового опыта стимулируют переоценку прошлого»⁷¹, что и происходит в США в последние десятилетия, со времен победы Движения за гражданские права, и все активней – в последние несколько лет. Государство, формирующее объединяющий исторический нарратив, не смогло приспособиться к меняющимся социальным условиям, к расширению роли в обществе прежде маргинализованных групп. В результате положение «официальной» картины американской истории еще более пошатнулось. Уже с шестидесятых годов наметился в общих чертах «конфликт памяти», в последние годы перешедший в открытую фазу, попутно смешиваясь с другими формами социально-

го и политического противостояния между разными группами населения, питая их и в свою очередь питаясь ими.

При этом проблема «черного наследия» и «черной истории» остается практически во всех случаях центральной. Коллективная память обычно строится вокруг оценки тех или иных ключевых событий и фигур истории, особенно связанных так или иначе с социальными проблемами сегодняшнего дня. Для США такой ключевой точкой закономерно стала Гражданская война и представления о рабстве, по необходимости тесно связанные с трактовками этого конфликта. Сегодня, когда взаимоотношения между различными расовыми и этническими группами в стране в очередной раз обострились, эти проблемные точки актуализировались еще сильнее.

Приверженность определенной трактовке национальной истории становится сегодня одним из маркеров политической идентичности. «Классические» американские исторические нарративы, в том числе региональные, строятся на идеализации американской истории. В рамках таких концепций сложившаяся в США система политических и общественных институтов представляется основанной на универсальных принципах демократии и справедливости, любое же отступление от них (каковых в истории США, как и любой другой страны, было множество) считается лишь случайным временным отклонением от фундаментальных принципов устройства общества, трагическим недоразумением, после разрешения которого общество возвращается к изначальному состоянию без каких-либо долгосрочных последствий. Проблемы, существующие сегодня, не могут, следовательно, быть закономерным результатом исторического развития, а представляют собой те же случайные aberrации. На этой фундаментальной предпосылке строился основной официальный исторический нарратив как минимум со времен Гражданской войны, такой же концепции придерживаются современные американские консерваторы.

Альтернативная трактовка предполагает признание того факта, что некоторые из недостатков современного американского общества, в первую очередь сохраняющиеся расовые предрассудки и т.н. «структурный расизм» – расистские практики, интегрированные в политическую, экономическую и правовую систему США, представляют собой не случайный дефект, не временное отступление от основополагающих принципов и ценностей, а фундаментальное свойство

самого американского общества, закономерный итог его истории. Устранение же этих недостатков требует не в последнюю очередь именно пересмотра отношения к истории.

Естественно, сосуществовать эти прямо противоположные концепции не могут, что, на наш взгляд, отличает «конфликт памяти» последних лет от внутренних противоречий коллективной памяти, существовавших всегда. Региональные нарративы, противоречащие национальному, существовали давно. Но они, даже будучи содержательно несовместимыми с основной версией, и не претендовали на всеохватность – «проигранное дело» было делом исключительно южным, объясняло особенности Юга, причины его поражения и современное положение вещей. Другие региональные нарративы также ограничивались историей своих регионов*, оставляя осмысление и объяснение вопросов государственного устройства и отличий Америки от Старого Света на откуп общенациональному нарративу. Противоречия, безусловно, существовали, и весьма значимые – южная история «проигранного дела» с национальным нарративом несовместима в принципе, но не привлекали внимания, к ним обращались в разных контекстах и ситуациях. Говоря упрощенно, южанин вспоминал о «проигранном деле», читая в газете о введении федеральным правительством нового регулирующего законодательства, и об Америке, изначально лишенной предрассудков Старого Света, читая о, например, избрании социалистического правительства в одной из европейских стран.

Альтернативное понимание истории, вышедшее на авансцену общественных и политических дискуссий сегодня, претендует на всеохватность, на переосмысление именно фундаментальных основ понимания американской истории и, соответственно, американского общества. Это и стало причиной обострения «конфликта памяти» в последние годы – прежде альтернативные прочтения истории, существовавшие ранее, не угрожали общему господству национального нарратива и, соответственно, не вызывали столь активной ответной реакции.

«Война памятников» могла бы остаться чисто южным феноменом, если бы речь шла только о переосмыслении истории Юга и роли

---

* Помимо Новой Англии, крайне специфическое восприятие региональной истории характерно, например, для Техаса.

Конфедерации. Но общественный запрос, сформировавшийся за последние десятилетия, этим уже не ограничивается. Речь идет об изменении понимания истории в масштабах всей страны, и сегодняшние сторонники сноса памятников уже, очевидно, не воспринимают «выдающееся положение белости» (*the prominence of whiteness*), выражаемое памятниками Конфедерации, как исключительно южную проблему, хотя в начале 1960-х годов именно такой взгляд был доминирующим – считалось, что «...весь расовый вопрос, конечно, чисто южная проблема»⁷². Новое понимание истории противостоит в отдельных случаях и региональным нарративам, и одним из «спорных» памятников оказывается мемориал 54-го Массачусетского полка в самом сердце северного «бастиона свободы» – Бостона. Идеология «потерянного дела», ключевой элемент южного исторического нарратива, не исчезает, но трансформируется, сближаясь с идеологией консервативного движения в целом.

Влияние коллективной памяти не ограничивается, естественно, только оценкой тех или иных эпизодов истории или исторических личностей. История постоянно присутствует в современной общественной жизни и непосредственно на нее влияет. Изменения в понимании и оценке прошлого приводят к изменениям в восприятии настоящего и представлениях о будущем, конфликт памяти усиливает или даже порождает конфликты социальные и политические. Именно это и происходит в последние годы в США. Наиболее очевидно влияние кризиса коллективной памяти проявилось в политическом поле в ситуации с попытками запрета преподавания критической теории расы.

Как и предыдущие «культурные войны», публичное обсуждение *CRT* и разработка законов против нее неразрывно связаны с восприятием истории. Процесс формирования законов против *CRT* – от кампании в СМИ и социальных сетях до разработки консервативными активистами типовых законов, позже взятых на вооружение политиками на уровне штатов, – представляет собой пример осуществления политики памяти негосударственными акторами. Новое законодательство призвано сформировать и закрепить идеализированный образ истории страны. При этом существующие сложности межрасовых отношений попадают в один ряд с другими «отступлениями от фундаментальных основ» и преподносятся как случайные эпизоды. Характерно, что и весь этот подход в целом, и конкретные законы

апеллируют к эмоциональному восприятию истории, к чувствам, они предельно субъективны и в их основе лежат не политические и даже не идеологические, а скорее психологические факторы. Призванные, по утверждениям их авторов, преодолеть очевидный раскол американского общества, эти законы, скорее всего, лишь усугубят его: непродуманные попытки трансформации исторической памяти приведут к ее дальнейшему искажению и неспособности выполнять важнейшую ее функцию – функцию решения насущных, современных мировоззренческих проблем.

Важность конфликта памяти, разные грани которого были рассмотрены в данной работе, сложно поставить под сомнение – большинство вызовов, с которыми сталкивается сегодня американское общество, представляют собой разные его проявления. Предсказать же его исход, к сожалению, весьма трудно. С одной стороны, сам по себе процесс постепенной трансформации коллективной памяти – явление совершенно нормальное и не обязательно приводящее к какому-либо значимым негативными последствиями. С другой стороны, базовый исторический нарратив в США не менялся на протяжении очень долгого времени, многочисленные несовместимые между собой региональные исторические нарративы весьма развиты (не говоря уж о других возможных вариациях коллективной исторической памяти, например, связанных с теми или иными этническими группами, от латиноамериканцев до выходцев из Восточной Азии), а современные социальные проблемы, тесно связанные с памятью, в первую очередь касающиеся устойчивых расовых предрассудков в той или иной форме, стоят чрезвычайно остро. Устоит ли существовавший на протяжении полутора столетий национальный нарратив, сводящий историю США к истории белых американцев, в первую очередь англо-саксонского происхождения? Это представляется маловероятным, он слишком очевидно не соответствует структуре современного американского общества. С другой стороны, принятие новой версии коллективной памяти требует признания фундаментальных недостатков самой американской политической системы, в которую с момента ее зарождения интегрировались представления о расовой иерархии, и, соответственно, устранения этих недостатков.

Насколько такая трансформация вообще возможна на практике и какими социальными потрясениями она может сопровождаться, пока неясно. Удастся ли на основе нынешнего запроса на пересмотр роли

ранее маргинализированных групп населения в истории сформировать новый объединяющий национальный нарратив? Не выльется ли продолжающийся конфликт памяти в еще более активное политическое противостояние в сегодняшних условиях все более острой поляризации политического спектра? Ответить на эти вопросы пока не представляется возможным, хотя попытки такие, безусловно, предпринимаются, причем ответ обычно обусловлен политическими взглядами отвечающего, видящего в новом понимании американской истории либо надежду на создание более справедливого общества в будущем, либо приметы коллапса цивилизации Запада. Со своей стороны, не претендуя на объективность, рискуем предположить, что апокалипсиса все же удастся избежать, и коллективная память в США придет в соответствие с реальным состоянием общества и его потребностями без катастрофических потрясений, что позволит постепенно решить многие из существующих на сегодняшний день в американском обществе проблем. Так или иначе, важность коллективной исторической памяти, в том числе «черного наследия», как коллективного восприятия роли и места черных американцев в истории страны, сложно переоценить, а ее влияние на политическую жизнь США будет, скорее всего, только возрастать, что делает изучение «черного наследия» особенно важным не только с чисто научных, но и с практических позиций. Возможно, проводя американское государство более продуманную политику памяти на протяжении последних десятилетий, и нынешнего кризиса удалось бы избежать. Успешное же его разрешение, какую бы форму оно ни приняло, также будет зависеть именно от взвешенности политики памяти как на федеральном уровне, так и на уровне штатов и негосударственных акторов, способных в значительной мере формировать коллективные представления о прошлом.

---

¹ Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс-Академия, 1993.

² Там же. С. 188.

³ Подробнее см., к примеру: *Bender T. A Nation among Nations: America's Place in World History*. New York: Hill & Wang, 2006; *Tyrrell I. American Exceptionalism in an Age of International History* // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96, No. 4. Pp. 1031–1055.

⁴ См. в особенности выступления, озаглавленные *Message to the Grass Roots* и *The Ballot or the Bullet*: *Breitman G. (ed.). Malcolm X Speaks: Selected Speeches and Statements*. New York: Grove Press, 1994.

---

⁵ *Roosevelt F.D.* Address Accepting the Presidential Nomination at the Democratic National Convention in Chicago, 1932 // The American Presidency Project. <https://presidency.ucsb.edu/documents/address-accepting-the-presidential-nomination-the-democratic-national-convention-chicago-1> (дата обращения 10.08.2023).

⁶ См., например: *Бондаренко Д.М.* Конфликт исторических дискурсов Севера и Юга США и музейно-мемориальная репрезентация рабства и Гражданской войны 1861–1865 годов // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, Д.Н. Маслюженко. М.: б.и., 2020. С. 478–488; *его же.* Репрезентации рабства и Гражданской войны 1861–1865 гг. на Севере и Юге США: расхождение исторических дискурсов // Диалог со временем. 2021, № 75. С. 143–157; *его же.* Борьба с расизмом и память о Гражданской войне и об отмене рабства в США в конце 2010-х – начале 2020-х гг. // Современный расизм: идеология и практика. Сборник статей / отв. ред. В.А. Шнирельман. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2022. С. 273–309; *Bondarenko D.M.* Cultural Anthropology in the USA. Representations of the Civil War and the Abolition of Slavery in the North and the South // *Anthropos*. 2022. Vol. 117, Iss. 2. Pp. 411–422.

⁷ *Pollard E.A.* The Lost Cause: A New Southern History of War of the Confederates. New York: E.V. Treat & Co, 1866.

⁸ *Graham D.A.* The New Lost Cause // The Atlantic. October 19, 2021. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/10/donald-trumps-new-lost-cause-centers-january-6/620407/> (дата обращения 10.08.2023).

⁹ Подробнее см.: *Кирчанов М.В.* Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 12. С. 63–75; *Травкина Н.М.* Ожившая история США: гражданская война памятников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 2. С. 12–29; *McChesney L.S.* (ed.). Mobilizing Museum Anthropology: Responses to Public Discourse around Heritage, Monuments, Education, and Racism // *Museum Anthropology*. 2018. Vol. 41, Iss. 2. Special Issue. Pp. 113–141; *Deming M.E., Boone K.* Symbolic Conversations in Public Landscapes of the American South: Revisiting the Confederate Legacy // *Landschaftskonflikte*. Wiesbaden: Springer VS, 2019. Pp. 535–555; *Benjamin A., Block Jr. R., Clemons J., Laird C., Wamble J.* Set in Stone? Predicting Confederate Monument Removal // *Political Science and Politics*. 2020. Vol. 53, Iss. 2. Pp. 237–242. Также см. гл. 3 (*прим. отв. ред.*).

¹⁰ *Du Bois W.E.B.* Black Reconstruction in America, 1860–1880. Cleveland: Meridian Books, 1962. P. 602.

¹¹ Reconstruction in America: Racial Violence after the Civil War, 1865–1876 // Equal Justice Initiative. P. 89. <https://eji.org/report/reconstruction-in-america/> (дата обращения 10.08.2023).

¹² Attorney General Steve Marshall: Biden Administration Drops Critical Race Theory from Education Program // Attorney General of Alabama. July 20, 2021. <https://alabama-ag.gov/attorney-general-steve-marshall-biden-administration-drops-critical-race-theory-from-education-program/> (дата обращения 10.08.2023).

¹³ *Horton J.O., Kardux J.C.* Slavery and the Contest for National Heritage in the United States and the Netherlands // *American Studies International*. 2004, Iss. 42. Pp. 51–74.

---

¹⁴ *Faden R.* Museum and the Story of Slavery: The Challenge of Language // Politics of Memory: Making Slavery Visible in the Public Space / Ed. A.L. Araujo. New York – London: Routledge, 2012. Pp. 252–266.

¹⁵ *Kammen M.* Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture. New York: Alfred A. Knopf, 1991; *Zelizer B.* Reading the Past Against the Grain: The Shape of Memory Studies // Critical Studies in Mass Communication. 1995. Vol. 2, Iss. 12. Pp. 214–239.

¹⁶ *Ater R.* The Challenge of Memorializing Slavery in North Carolina: The Unsung Founders Memorial and the North Carolina Freedom Monument Project // Politics of Memory... Pp. 141–158.

¹⁷ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 82, 122, 165, 181; *Huyssen A.* Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia. New York – London: Routledge, 1995. P. 6.

¹⁸ *Halbwachs M.* Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. P. 159; *Ассман А.* Указ. соч. С. 58.

¹⁹ *Holmes O.W.* The Professor's Story: Chapter I: The Brahmin Caste of New England // The Atlantic Monthly. 1860. Vol. 5, Iss. 27. Pp. 13–19.

²⁰ Довольно условный перевод встречающегося иногда непечатного наименования *Mount Whoredome* (см., например: MHC Reconnaissance Survey Town Report. Boston. Boston: Massachusetts Historical Commission, 1981. P. 7).

²¹ Подробнее см.: *Kendrick P., Kendrick S.* Sarah's Long Walk: The Free Blacks of Boston and how Their Struggle for Equality Changed America. Boston: Beacon Press, 2004.

²² *Iceland J., Wilkes R.* Does Socioeconomic Status Matter? Race, Class, and Residential Segregation // Social Problems. 2006. Vol. 53, Iss. 2. Pp. 248–273; *Lichter D.T., Parisi D., Taquino M.C.* The Geography of Exclusion: Race, Segregation, and Concentrated Poverty // Social Problems. 2012. Vol. 59, Iss. 3. Pp. 364–388; *Bloome D.* Racial Inequality Trends and the Intergenerational Persistence of Income and Family Structure // American Sociological Review. 2014. Vol. 79, Iss. 6. Pp. 1196–1225.

²³ *Newell M.E.* Brethren by Nature: New England Indians, Colonists and the Origins of American Slavery. Ithaca: Cornell University Press, 2015.

²⁴ *Formisano R.* Boston Against Busing: Race, Class and Ethnicity in the 1960s and 1970s. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012.

²⁵ *Elton C.* How Has Boston Gotten Away with Being Segregated for So Long // Boston Magazine, December 8, 2020. <https://www.bostonmagazine.com/news/2020/12/08/boston-segregation/> (дата обращения 10.08.2023); *Stuart G.* Segregation in the Boston Metropolitan Area at the End of the 20th Century. Cambridge, MA: The Civil Rights Project, Harvard University, 2020.

²⁶ *Yinger J.* Evidence on Discrimination in Consumer Markets // Journal of Economic Perspectives. 1998, Iss. 2. Pp. 23–40; *Meyer S.G.* As Long as They Don't Move Next Door: Segregation and Racial Conflict in American Neighborhoods. Lanham: Rowland and Littlefield, 2000; *Ross S.L., Turner M.A.* Housing Discrimination in Metropolitan America: Explaining Changes between 1989 and 2000 // Social Problems. 2005. Vol. 52. Pp. 152–180; *Williams R., Nesiba R., McConnell D.E.* The Changing Face of Inequality in Home Mortgage Lending // Social Problems. 2005. Vol. 52. Pp. 181–208.

---

²⁷ I know I'm not bigoted. To me the word means all the dreadful southern segregationist, Jim Crow business that's always shocked and revolted me. Цит. по: *Sandbrook D. Mad As Hell: The Crisis of the 1970s and the Rise of the Populist Right*. New York: Alfred A. Knopf, 2011. P. 115.

²⁸ *Araujo A.L.* (ed.). *Politics of Memory: Making Slavery Visible in the Public Space*. New York – London: Routledge, 2012. Pp. 4, 9, 169; *Kendrick P., Kendrick S.* Op. cit. Pp. 236, 254.

²⁹ *Ассман А.* Указ. соч. С. 56.

³⁰ Там же. С. 69–70.

³¹ Independent of its history as a church and a school-house this building has won for itself celebrity by the various meetings held within its walls by the colored citizens and the friends for promoting the cause of human brotherhood.

³² *O'Malley G.E.* *Beyond the Middle Passage: Slave Migration from the Caribbean to North America, 1619–1807* // *The William and Mary Quarterly*. 2009. Vol. 66, Iss. 1. P. 162.

³³ *Stauffer J.* *In the Shadow of a Dream: White Abolitionists and Race* // *Collective Degradation: Slavery and the Construction of Race*. Proceedings of the Fifth Annual Gilder Lehrman Center International Conference. New Haven: Yale University, 2003. Pp. 1–44; *Sinha M.* *The Slave's Cause: A History of Abolition*. New Haven: Yale University Press, 2017.

³⁴ См.: *Formisano R.* Op. cit.

³⁵ *Sidbury J.* *Becoming African in America: Race and Nation in the Early Black Atlantic*. Oxford: Oxford University Press, 2007; *Hinks P., Kantrowitz S.* (eds.). *All Men Free and Brethren: Essays on the History of African American Freemasonry*. Ithaca: Cornell University Press, 2013.

³⁶ *Ассман А.* Указ. соч. С. 120.

³⁷ Об «академической» CRT см., к примеру: *Crenshaw K., Gotanda N., Peller G., Thomas K.* (eds). *Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement*. New York: The New Press, 1995; *Delgado R., Stefancic J.* *Critical Race Theory: An Introduction*. New York: New York University Press, 2017; *Gillborn D., Dixon A.D., Ladson-Billings G., Parker L., Rollock N., Warmington P.* (eds.). *Critical Race Theory in Education*. Vol. 1–4. London: Routledge, 2018.

³⁸ *Power L., Savillo R.* Fox News' obsession with critical race theory, by the numbers. *Media Matters*, June 15, 2021. <https://www.mediamatters.org/fox-news/fox-news-obsession-critical-race-theory-numbers> (дата обращения 10.08.2023).

³⁹ *Sykes C.* Scenes from the Culture War // *The Bulwark*. May 24, 2021. <https://plus.thebulwark.com/p/scenes-from-the-culture-war> (дата обращения 10.08.2023).

⁴⁰ *Jones S.* How to Manufacture a Moral Panic // *New York Magazine*. July 11, 2021. <https://nymag.com/intelligencer/2021/07/christopher-rufo-and-the-critical-race-theory-moral-panic.html> (дата обращения 10.08.2023).

⁴¹ *Rufo C.* Racism in the Cradle // *Christopher Rufo*. March 2, 2021. <https://christopherufo.com/racism-in-the-cradle/> (дата обращения 10.08.2023).

⁴² *Equity Toolkit* // *Arizona Department of Education*. 2020. <https://www.azed.gov/file/36762> (дата обращения 10.08.2023).

⁴³ *Kelly D.J.* et al. Three-month-olds, but not newborns, prefer own-race faces // *Developmental Science*. 2005. Vol. 8, Iss. 6. Pp. F31–F36.

---

⁴⁴ *Schneider G., Vozella L.* Va. Gov. Youngkin stirred the GOP base on critical race theory – but not the General Assembly // The Washington Post. February 26, 2022. <https://www.washingtonpost.com/dc-md-va/2022/02/26/virginia-youngkin-critical-race-theory-general-assembly/> (дата обращения 10.08.2023).

⁴⁵ *Beauchamp Z.* Did critical race theory really swing the Virginia election? // Vox. November 4, 2021. <https://vox.com/policy-and-politics/2021/11/4/22761168/virginia-governor-glenn-youngkin-critical-race-theory> (дата обращения 10.08.2023).

⁴⁶ Ending the use of inherently divisive concepts, including critical race theory, and restoring excellence in k–12 public education in the Commonwealth // Government of Virginia, January 15, 2022. https://www.wsj.com/public/resources/documents/Virginia_Executive_Order_1.pdf (дата обращения 10.08.2023).

⁴⁷ *Omokha R.* “I See My Work as Talking Back”: How Critical Race Theory Mastermind Kimberlé Crenshaw Is Weathering the Culture Wars // Vanity Fair. July 29, 2021. <https://vanityfair.com/news/2021/07/how-critical-race-theory-mastermind-kimberle-crenshaw-is-weathering-the-culture-wars> (дата обращения 10.08.2023).

⁴⁸ *Papaycik M., Saunders F.* Florida’s governor signs controversial bill banning critical race theory in schools // WPTV.com. April 22, 2022. <https://www.wptv.com/news/education/floridas-governor-to-sign-critical-race-theory-education-bill-into-law> (дата обращения 10.08.2023).

⁴⁹ Общий список см.: PEN America. PEN America Index of Educational Gag Orders, 2022. https://docs.google.com/spreadsheets/d/1Tj5WQVBmB6SQg-zP_M8uZsQQGH09TxmBY73v23zpyr0/edit#gid=1505554870 (дата обращения 10.08.2023).

⁵⁰ Remarks by President Trump at the White House Conference on American History // Trump White House. September 17, 2020. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-white-house-conference-american-history/> (дата обращения 10.08.2023).

⁵¹ Training in the Federal Government // US Government. September 4, 2020. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/09/M-20-34.pdf> (дата обращения 10.08.2023). См. также: *Schwartz S.* Who’s Really Driving Critical Race Theory Legislation? An Investigation. Education Weekly, July 19, 2021. <https://www.edweek.org/policy-politics/whos-really-driving-critical-race-theory-legislation-an-investigation/2021/07> (дата обращения 10.08.2023).

⁵² Remarks by President Trump at South Dakota’s 2020 Mount Rushmore Fireworks Celebration. Keystone, South Dakota // Trump White House. July 4, 2020. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-south-dakotas-2020-mount-rushmore-fireworks-celebration-keystone-south-dakota/> (дата обращения 10.08.2023). Монумент находится в штате Южная Дакота и представляет собой высеченные в горе портреты четырех президентов США: Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, А. Линкольна и Т. Рузвельта.

⁵³ *Foran C.* GOP Sen. Tom Cotton pitches bill to prohibit use of federal funds to teach 1619 Project // CNN. July 24, 2020. <https://edition.cnn.com/2020/07/24/politics/tom-cotton-1619-project-bill/index.html> (дата обращения 10.08.2023).

⁵⁴ Executive Order on Establishing the President’s Advisory 1776 Commission // Trump White House. November 2, 2020. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-establishing-presidents-advisory-1776-commission/> (дата обращения 10.08.2023).

---

⁵⁵ *Copland J.R.* How to Regulate Critical Race Theory in Schools: A Primer and Model Legislation // The Manhattan Institute. August 26, 2021. <https://manhattan.institute/article/how-to-regulate-critical-race-theory-in-schools-a-primer-and-model-legislation> (дата обращения 10.08.2023).

⁵⁶ Model School Board Language To Prohibit Critical Race Theory // Citizens For Renewing America. June 4, 2021. <https://citizensrenewingamerica.com/issues/model-school-board-language-to-prohibit-critical-race-theory-2/> (дата обращения 10.08.2023).

⁵⁷ *Jacobs E.* Joe Biden “Absolutely” Believes Systemic Racism Exists in Law Enforcement // New York Post. June 10, 2020. <https://nypost.com/2020/06/10/joe-biden-absolutely-believes-systemic-racism-exists-in-policing/> (дата обращения 10.08.2023).

⁵⁸ *Severi M.* Biden Administration Appoints Critical Race Theory Activist to Education Department // Yahoo News. October 5, 2021. <https://news.yahoo.com/biden-administration-appoints-critical-race-202400364.html> (дата обращения 10.08.2023).

⁵⁹ Attorney General Steve Marshall: Biden Administration Drops Critical Race Theory from Education Program // Attorney General of Alabama. July 20, 2021. <https://alabama-ag.gov/attorney-general-steve-marshall-biden-administration-drops-critical-race-theory-from-education-program/> (дата обращения 10.08.2023).

⁶⁰ *Kurtz S.* Stealth CRT in Biden’s Budget // National Review. October 24, 2022. <https://nationalreview.com/corner/stealth-crt-in-bidens-budget/> (дата обращения 10.08.2023).

⁶¹ *Schwartz S.* Op. cit.

⁶² К примеру: An Act Providing for Restrictions on Racist and Sexist Concepts, for Contracts, for Penalty and for Private Cause of Action // State of Pennsylvania. <https://www.legis.state.pa.us/CFDOCS/Legis/PN/Public/btCheck.cfm?txtType=PDF&sessYr=2021&sessInd=0&billBody=N&billTyp=B&billNbr=1532&pn=1679> (дата обращения 10.08.2023).

⁶³ *Natanson H.* White teacher taught White students about White privilege. It cost him his job // The Washington Post. December 6, 2021. <https://washingtonpost.com/education/2021/12/06/tennessee-teacher-fired-critical-race-theory/> (дата обращения 10.08.2023); *Natanson H.* Loudoun school board cuts short public comment during unruly meeting; one arrested // The Washington Post. June 22, 2021. https://www.washingtonpost.com/local/education/loudoun-school-board-closes-meeting/2021/06/22/30493128-d3ad-11eb-9f29-e9ebc9e843c6_story.html (дата обращения 10.08.2023).

⁶⁴ Parents criticize Ruby Bridges book in debate over CRT, Tenn. Curriculum // Yahoo News. July 9, 2021. <https://news.yahoo.com/parents-criticize-ruby-bridges-book-212700985.html> (дата обращения 10.08.2023); Tennessee Republicans deem Ruby Bridges’ story critical race theory in effort to ban it in schools // Daily Kos. July 8, 2021. <https://dailykos.com/stories/2021/7/8/2038862/-Tennessee-Republicans-deem-Ruby-Bridges-story-critical-race-theory-in-effort-to-ban-it-in-schools> (дата обращения 10.08.2023); Ruby Bridges Children’s Book Now Labeled ‘Critical Race Theory’ by Parent Groups in Tenn. // Black America Web. July 8, 2021. <https://blackamericaweb.com/2021/07/08/ruby-bridges-childrens-book-critical-race-theory-tennessee/> (дата обращения 10.08.2023); Tennessee parents say some books make students ‘feel discomfort’ because they’re White. They say a new law backs them up // Madison365.com. September 9, 2021. <https://madison365.com/tennessee-parents-say-some-books-make-students-feel-discomfort-because-theyre-white-they-say-a-new-law-backs-them-up/> (дата обращения 10.08.2023); “Moms For

---

Liberty” says book about MLK violates new law banning CRT in Tennessee // US Congress. December 1, 2021. <https://www.congress.gov/117/meeting/house/114616/documents/HHRG-117-GO02-20220407-SD014.pdf> (дата обращения 10.08.2023).

⁶⁵ Florida’s governor signs controversial law opponents dubbed ‘Don’t Say Gay’ // NPR.org. March 28, 2022. <https://npr.org/2022/03/28/1089221657/dont-say-gay-florida-desantis> (дата обращения 10.08.2023).

⁶⁶ An Act to amend Tennessee Code Annotated, Title 49, Chapter 7, relative to higher education // Legiscan.com. <https://legiscan.com/TN/text/HB2670/id/2502636> (дата обращения 10.08.2023); An Act relating to education; prohibiting certain students within certain institutions from being required to engage in certain training or counseling // State of Oklahoma. July 1, 2021. <https://legiscan.com/OK/text/HB1775/id/2387002> (дата обращения 10.08.2023); An Act Amending Sections 5–568, 15–119, 15–181 and 15–185, Arizona Revised Statutes // State of Arizona. June 30, 2021. <https://www.azleg.gov/leg-text/55leg/1R/laws/0404.pdf> (дата обращения 10.08.2023); Relating to the social studies curriculum in public schools // Legiscan.com. <https://legiscan.com/TX/text/HB3979/id/2407870> (дата обращения 10.08.2023).

⁶⁷ *Whittington K.* Banning “critical race theory” would be bad for conservatives, too // The Washington Post. June 30, 2021. <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/06/30/racism-academic-discussions-pennsylvania-law/> (дата обращения 10.08.2023); *Moody T.* Anti-CRT bills defy conservative values. Let curriculum choices be local // The Courier. January 20, 2022. <https://www.courier-journal.com/story/opinion/2022/01/20/opinion-curriculum-choices-should-local-even-crt-no-laws-needed/6511365001/> (дата обращения 10.08.2023).

⁶⁸ *Snyder T.* The War on History Is a War on Democracy // The New York Times. June 29, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/06/29/magazine/memory-laws.html> (дата обращения 10.08.2023).

⁶⁹ Act providing for requirements related to racism or sexism trainings at, and diversity and inclusion efforts by, governmental agencies and entities, school districts, and public postsecondary educational institutions // State of Iowa. <https://www.legis.iowa.gov/legislation/BillBook?ba=HF%20802&ga=89> (дата обращения 10.08.2023); Relating to the establishment and duties of the Texas 1836 Project // Legiscan.com. <https://legiscan.com/TX/text/HB2497/id/2407888> (дата обращения 10.08.2023).

⁷⁰ *Hobbs T.D.* New Oklahoma Law Sparks Debate Over Teaching About Tulsa Massacre // The Wall Street Journal. May 29, 2021. <https://wsj.com/articles/new-law-threatens-lessons-about-tulsa-race-massacre-11622293201> (дата обращения 10.08.2023).

⁷¹ *Репина Л.П.* Историческая память и нарративы национальной идентичности. «Практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. М.: Аквилон, 2020. С. 17.

⁷² *Щербаков Н.Г.* Негры, афроамериканцы, советские, русские: черная Америка через призму журнала «Америка» // Под небом Африки моей: История, культура, языки народов Африки. Вып. 6. М.: Ключ-С, 2012. С. 34.

Глава 2

ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ, ОТМЕНЕ РАБСТВА И БОРЬБА С РАСИЗМОМ В США В КОНЦЕ 2010-х – НАЧАЛЕ 2020-х ГОДОВ*

В первые дни 2021 г. мир обошла фотография, запечатлевшая одного из прорвавшихся 6 января в здание Капитолия сторонников Дональда Трампа с боевым флагом Конфедеративных Штатов Америки в руке на фоне портретов исторических деятелей середины XIX в. – защитника рабства Дж.К. Кэлхуна и аболициониста Ч. Самнера (илл. 5). Эта фотография может служить символом того, как история прорывается в современность – как культурная память о Гражданской войне 1861–1865 гг. и отмене в ходе нее рабства влияет на сегодняшнее американское общество, на политические события в США, в последние годы теснейшим образом связанные с новым витком борьбы с расизмом, в свою очередь, породившим «культуру отмены» (*cancel culture*), в основу которой легли принципиальный отказ от рассмотрения истории страны вне нынешнего политического контекста и открытое требование привести оценку и коммеморацию прошлого в соответствии с утверждающейся сегодня идеологией.

С точки зрения темы данной работы, утверждение «культуры отмены» означает неудачу осуществлявшейся в США на протяжении более чем столетия попытки утвердить в обществе объединяющий исторический нарратив о Гражданской войне, потому что создававшее его государство не смогло вовремя и адекватно отреагировать на рост в наши дни общественной роли тех групп населения, которые этот нарратив, направленный в первую очередь на примирение белых северян и южан, не охватывал в должной мере, – прежде всего, африкано-американцев¹. А «крупные события и перемены в условиях жизни сообщества, накопление и осмысление нового опыта стимулируют переоценку прошлого»².

---

* Автор главы признателен Э. Блэйкли, С.А. Исаеву и И.И. Курилле за ценные комментарии к предварительному тексту главы. Отдельные части главы включались в более ранние и краткие публикации автора.

Гражданскую войну и антирасистское движение последних лет связывает и то, что эти события отражают главные социальные конфликты в США соответствующих эпох: конфликт между Севером и Югом в период от Войны за независимость до окончания Гражданской войны и этнорасовые конфликты в постиндустриальный период соответственно³. То, как память о Гражданской войне и отмене рабства вплетена в эту борьбу, свидетельствует, помимо прочего, о том, что глубокая культурная граница между Севером и Югом страны, начавшая формироваться одновременно с процессом расселения белого человека по североамериканскому континенту, затем – с образованием США⁴, которая после постепенного исчезновения рабства на Севере страны к концу XVIII в. воспринималась в немалой степени сквозь призму вопроса о рабстве черных, не исчезла по сей день, оставаясь культурным и социально-политическим фактором общественной жизни страны⁵. Более того, именно рабство сыграло огромную роль в том, что возник особый феномен Юга США, где среди переселенцев с Британских островов и их потомков уже в колониальный период сложился совершенно отличный от характерного в то время для метрополии социокультурный тип⁶. Через сто лет после войны в США было принято утверждать, что «...весь расовый вопрос, конечно, чисто южная проблема»⁷. Однако в 1965 г. Т. Парсонс подчеркивал, что со времени широкой миграции африкано-американцев с Юга в города Севера в 1910-е годы их неполная включенность в американскую гражданскую нацию стала проблемой и для Севера⁸, а Ф. Хсю четырем годами ранее писал: «В действительности он (расизм. – Д.Б.) имел место и на Севере, но Юг всегда более открыто и честно выражал свои расовые установки, а Север вел себя более скрытно и лицемерно. Конечно, эта точка зрения терпит неудачу при столкновении с тем, что законы некоторых южных штатов в основном все еще поддерживают расизм, тогда как законы северных штатов против него. Кроме того, практически все законодательные и судебные усовершенствования, касающиеся расовых установок, родились на Севере. Тем не менее эти правовые изменения не уничтожают широко распространенных социальных, экономических и других форм дискриминации, которые практиковались на Севере так же, как и на Юге. Более того, даже если мы скажем, что расовые установки характерны лишь для Юга, то неизбежно столкнемся с вопросом: как Юг примиряет свои расовые установки со своей верой в демокра-

тию? Являются ли Север и Юг двумя абсолютно отдельными культурами?»⁹ Несмотря на огромные изменения и на Севере, и на Юге, и в США в целом, произошедшие более чем за шесть десятилетий, прошедших после публикации статьи Ф. Хсю, поставленные им вопросы сохраняют актуальность.

Нерешенность расовой проблемы очевидна и на Севере, и на Юге США даже более чем полвека спустя после победы Движения за гражданские права 1954–1968 гг., приведшей к отмене законов, обеспечивавших расовую сегрегацию, и к признаваемому практически всеми, в том числе самими африкано-американцами, улучшению положения и расширению социальных возможностей черных граждан страны. О сохранении проблемы расизма и расового неравенства говорят не только научные исследования самого последнего времени¹⁰. О том же красноречивейшим образом свидетельствуют участвовавшие в последние годы и в северных, и в южных штатах акты расового насилия – убийства белыми полицейскими черных граждан, вооруженные нападения белых расистов на черных американцев. Но расизм проявляет себя не только в таких громких событиях, но и, например, в каждодневной, рутинной дискриминации «людей цвета» (*people of color*), в частности, той же полицией, сотрудники которой, как показывают исследования, склонны останавливать таких людей без реальных оснований гораздо чаще, чем белых, т.е. заведомо считают их более склонными к правонарушениям, в том числе в северном городе Нью-Йорке¹¹. В основе этого лежит «расовое профилирование» (*racial profiling*) – стремление защитить себя и окружающих от угрозы, якобы исходящей от человека другой расы (или этничности, религии и т.п.), безотчетная вера в реальность которой основана на расовых (этнических, религиозных и т.д.) стереотипах¹². На грани позапрошлого и прошлого веков – в 1900 г. – в составленном выдающимся африкано-американским общественным деятелем и ученым Уильямом Дюбуа и принятом Первым панафриканским конгрессом «Послании народам мира» содержалось утверждение: «Проблема двадцатого века – это проблема расовых границ»¹³. События последнего времени особенно наглядно показывают, что XX века для решения этой проблемы не хватило, и она перешла в век XXI. Колоссальные по неистовости и размаху антирасистские протесты 2020 г., следовавшие во многих странах за убийством белым полицейским африкано-американца Джорджа Флойда в Миннеаполисе 25 мая того

года, стали ярчайшим свидетельством нерешенности расового вопроса в мире.

В США же расовая проблема, очевидно, в принципе до конца неискоренима, поскольку с момента, когда первые черные рабы были привезены в Северную Америку в 1619 г., и по сей день американское общество основывается на расовой дихотомии, имеющей асимметричный характер. «...мы можем представить себе антагонистическое разграничение – между чернотой (*Blackness*) как социальной смертью вне гражданского общества и нечернотой (*non-blackness*) как гражданской жизнью внутри гражданского общества. ...Абсолютность этой границы также отражается в том, как она, как предполагается, выдержала любые попытки изменить ее положение или структуру со времени ее проведения как части трансатлантической работорговли»¹⁴. Декларация независимости США основывалась на презумпции, что «все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами...»¹⁵ Однако изначально само собой подразумевалось, что создание американской нации на основе принципа *e pluribus unum* («из многих – единое» – девиз США) возможно только при господстве и усилиями белых американцев как высшего воплощения зафиксированных в Декларации независимости и других официальных и неофициальных документах идеалов. Достаточно вспомнить, что рабство черных существовало в США еще почти девяносто лет после принятия Декларации независимости – до конца Гражданской войны. Американская нация долго виделась как нация белых, в своей основе – не просто белых, а белых протестантов. Они образовывали ее «центр», определяли системоценностные принципы ее существования. «Периферию» нации составляли другие белые – непротестанты. Черные американцы же попросту «выводились за скобки» – не воспринимались как члены нации, хотя и участвовали во всех важных событиях и процессах в ее истории, в том числе войнах¹⁶.

То есть превосходство белых (*white supremacy*) виделось условием успеха в построении американского общества, было заложено в его концепцию¹⁷. Оно и в наши дни продолжает держаться на асимметричной расовой дихотомии и вопреки антирасистским личным взглядам большей доли сегодняшних граждан страны, и несмотря на избрание и переизбрание в наше время черного президента, и на то, что уже много десятилетий этнокультурный состав населения США никак

не сводим к «черно-белой» дихотомии, и сегодня, в частности, африкано-американцы по своей численности уступают выходцам из Латинской Америки, и на то, что обществу через систему образования и просвещения (например, посредством соответствующей организации музейных экспозиций о населении США и всего мира) пытаются привить представление о том, что, как утверждал еще более семидесяти лет назад американский культурный антрополог К.К.М. Клакхон (а с середины 1970-х годов – влиятельная в американских науке и левых общественных кругах, особенно связанных с системой образования, критическая теория расы [*Critical Race Theory*])¹⁸, «раса – современный миф»¹⁹, и т.п. Расовое деление, «этот пережиток колониальности, который сохраняется во всех сферах общественной жизни»²⁰, составляет социокультурную основу американского общества, фундамент, на котором оно выросло и который едва ли можно изменить, не разрушив построенное на нем здание²¹. Именно в этом заключается природа явления, получившего название «системного», иначе – «структурного», «институционального», «социального» расизма, – явления далеко не только американского²², но, очевидно, не случайно описанного и концептуализированного в США еще в 1960-е годы на волне Движения за гражданские права²³ и ставшего особенно широко обсуждаемым в связи с событиями последнего времени в этой стране, в том числе на таком высоком международном политическом уровне, как Организация Объединенных Наций²⁴. Смысл антирасизма как общественного движения, в том числе столь ярко проявившийся в США в событиях, последовавших за убийством Джорджа Флойда, – в стремлении лишить белых «белизны (*whiteness*) как собственности», как «особо ценной собственности», «сокровища»²⁵. Обладание этой нематериальной собственностью, по убеждению активистов антирасистского движения, и позволяет белым неизменно занимать привилегированное положение в обществе, основанном, согласно их взглядам, на расовом делении, точно так же, как обладание материальной собственностью автоматически создает привилегии для господствующего класса в представлениях тех, для кого основа стратификации современного общества – его деление на классы. Обе точки зрения естественным для себя образом подразумевают, что только отъем собственности может позволить лишить привилегий тех, кто ею обладает, и незаконность обладания собственностью оправдывает возможность ее принудительного, насильственного отъе-

ма. Движение «Жизни черных имеют значение» (*Black Lives Matter*), конечно, было далеко не первым, заявившим об остроте проблемы расизма в Соединенных Штатах, и не первым, утверждавшим, что расизм в них невозможно полностью искоренить. Радикализм и революционность этого движения заключались в безусловной готовности, раз уничтожить расизм в американском государстве невозможно, уничтожить само американское государство: лучше пусть его не будет вообще, чем оно будет расистским.

Тем важнее для американского общества в ситуации нынешнего социокультурного кризиса, «...когда идентичность становится сомнительной» и вследствие этого «...повышается ценность памяти»²⁶, коллективная (культурная) память об одном из ключевых событий в истории страны, с которым принято связывать рождение американской нации, – о Гражданской войне 1861–1865 гг., иначе именуемой Войной Севера и Юга. «Хотя большинство американцев не могут назвать даты Гражданской войны, не говоря уже о ключевых фигурах или сражениях с какой-либо из сторон, многие ощущают эмоциональную связь с событием, ставшим самым кровопролитным конфликтом, когда-либо произошедшим на американской земле»²⁷. Д. ЛаКапра рассматривает Гражданскую войну в США как пример исторического события, приведшего к «...основывающей, или основополагающей, травме (*founding or foundational trauma*); травме, которая несет мощный аффективный заряд и может быть идеологически трансформирована или переоценена», которая и создает тот или иной народ, порождая его «миф о происхождении» и духовно скрепляя его воедино, и остается с ним навсегда, давая о себе знать периодическими обострениями. Д. ЛаКапра пишет о «...Гражданской войне в Соединенных Штатах и ее наследии разделенной лояльности и пылких обязательств, если не предположительном “столкновении цивилизаций”»²⁸.

Рождение американской нации в горниле Гражданской войны долгое время рутинно понималось как интеграция в единую нацию не всех американцев, включая черных, а только белых северян и белых же южан. Изменения в исторической памяти о Гражданской войне говорят и об изменении восприятия многими американцами своей нации. Утверждение нации – это процесс определения и сохранения ее границ не только в буквальном – географическом, международно-правовом, но и в переносном – ментальном, социокультурном смыслах

слова. Как и любая другая (родственная, этническая, региональная, религиозная и т.д.), национальная «коллективная идентичность производится социальным конструированием границ»²⁹. То есть нация не только объединяет людей в сообщество, но и отделяет их как членов этого сообщества от всего остального человечества. «Существование проблемы национальной идентичности, в свою очередь, означает существование политики отчуждения»³⁰. Необходимо подчеркнуть, что это конструирование не волонтаристично и не произвольно, а осуществляется в контексте истории той или иной общности, в том числе путем переосмысления ею своего прошлого со сменой исторических эпох.

Начало изменения восприятия американской нации как исключительно белой пришлось на время Движения за гражданские права³¹. Однако только в наши дни, в условиях нового колоссального подъема антирасистского движения, отмеченная выше неудача попытки внедрить в общественное сознание объединяющий исторический нарратив о Гражданской войне именно потому, что он предполагал конструирование нации как объединения лишь господствовавшей белой части американского социума – белых северян и белых южан, привела к глубокому социокультурному национальному кризису, заставляющему немало ученых, обозревателей, общественных и политических деятелей предекать стране в более или менее близком будущем новую гражданскую войну³². «Многое в последних событиях вокруг коммеморации Гражданской войны можно объяснить осознанием факта, что в период того конфликта афроамериканцы и другие меньшинства не были включены в американскую нацию, и теперь этот конфликт теряет свое значение в качестве создающего нацию события... Сосуществование в одной стране двух исторических мифов об одном и том же событии было платой за восстановление гражданского мира после кровопролитной войны... Однако у этого компромисса была своя цена: он исключал из общей истории войны черных американцев»³³. Не случайно некоторые белые респонденты, придерживающиеся либеральных взглядов, говорили, что для них со школьных лет «черное наследие» ассоциируется в первую очередь с Гражданской войной. В этом проявляет себя формирующийся новый исторический нарратив рождения американской нации как важнейшего итога Гражданской войны – нарратив, в котором на протяжении второй половины XX – первых десятилетий XXI в. находится все бо-

лее видное место для африкано-американцев и который призван изменить все еще сохраняющуюся ситуацию, когда, по словам белой сотрудницы одного из университетов, «в этой стране тебе всегда предлагается взгляд с позиции белых и не предлагается с позиции черных». Как рассказывали многие наши респонденты, «черному наследию» ныне уделяется больше внимания в школьных программах, чем несколько десятилетий назад, но и сегодня оно изучается недостаточно. Однако Гражданская война в связи с отменой рабства – одно из немногих исторических событий, связанных с черными американцами, которые проходят обязательно³⁴. Некоторые собеседники при этом специально подчеркивали, что сведение истории черных американцев к угнетению и борьбе с ним обедняет и искажает ее.

Таким образом, до второй половины XX в. африкано-американцы представляли скорее объектами, нежели субъектами истории Гражданской войны, которая виделась по обе стороны ныне незримой границы между Севером и Югом по-разному, но объединяло северный и южный взгляды восприятие ее как войны двух белых сообществ. Процесс изменения такого восприятия охватил период от середины XX в. до наших дней. Так через историческую память оказались взаимосвязанными три ключевых момента борьбы черных американцев, после каждого из которых их права расширялись, а место в обществе становилось более достойным и значимым: Гражданская война, Движение за гражданские права и движение «Жизни черных имеют значение». Первый из этих исторических моментов, Гражданская война, был теснейшим образом связан с проблемой рабства. По мнению некоторых исследователей, именно к ее времени восходит столь ярко проявлявшаяся в два последующих момента радикальная традиция борьбы африкано-американцев за свои права³⁵. С середины же 1990-х годов в США наблюдается очевидный взлет общественного интереса к истории работорговли и рабства в стране, в том числе среди белых американцев либеральных взглядов, выразившийся в открытии множества новых памятников, мемориалов и музеев, проведении выставок, появлении целого ряда радио- и телепередач, интернет-сайтов, художественных и научно-популярных книг и т.д.³⁶ Для африкано-американцев же память о рабстве предков – важнейший фактор идентичности, ведь само их появление на свет было прямо связано с неимоверными муками, и для многих из них «родовая травма» работорговли и рабства – веков унижения, страдания и борьбы –

по сей день в огромной степени определяет мироощущение, социальное поведение и отношение не только к белым соотечественникам, но и к африканцам, включая иммигрантов в США, поток которых постоянно нарастает с 1980-х – 1990-х годов³⁷.

В ходе Гражданской войны рабство было отменено законодательно (Прокламацией об освобождении рабов 1862–1863 гг. и Тринадцатой поправкой к Конституции США 1865 г.), а после завершения войны победой северян – также фактически в штатах Юга. Для южан рабовладение было не только основой плантационной экономики, но и краеугольным камнем их идентичности, фундаментом общественного и семейного быта³⁸ – вспомним роман «Унесенные ветром» уроженки неофициальной «столицы Юга» Атланты Маргарет Митчелл. Для северян же, среди которых аболиционистские взгляды всегда были распространены гораздо шире, чем среди южан (здесь вспомним вышедший еще до войны, в 1852 г., роман «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу из северного штата Коннектикут), борьба с рабством на Юге, пусть и не являясь единственной целью в войне, внесла важный вклад в формирование их самовосприятия как носителей идеи Свободы.

Одним из ее главных символов стал и по сей день остается президент Абрахам Линкольн, под чьим руководством северяне победили в войне и который пал от руки тайного агента врага. Среди множества памятников Линкольну, установленных в США, с точки зрения темы этой главы очень показателен вашингтонский, выполненный в классицистическом стиле в 1876 г. Томасом Боллом. На нем к ногам Линкольна припадает благодарный освобожденный черный раб. Собственно говоря, памятник, хотя и находится в увековечивающем имя Линкольна мемориальном парке (*Lincoln Park*), посвящен именно освобождению рабов, поскольку он так и называется – «Освобождение рабов» (*Emancipation*). Но это событие, естественно, неразрывно ассоциируется с личностью президента. В 1879 г. авторскую копию памятника установили в главной цитадели аболиционизма и родном городе скульптора Бостоне (*илл. 7*). В июне 2020 г. на волне антирасистских протестов под лозунгом «Жизни черных имеют значение» власти Бостона приняли, а Вашингтона – заявили, что инициируют принятие решения убрать эти памятники, поскольку на них черный человек изображен освобожденным из рабства, но все же коленапреклоненным перед белым президентом Линкольном, что сегодня вос-

принимается как проявление расовой иерархии. В конце декабря 2020 г. монумент в Бостоне был демонтирован, и городские власти обратились к бостонцам с просьбой присылать предложения о том, куда его можно было бы перенести, чтобы экспонировать «в общедоступном месте, где его история и контекст могут быть лучше объяснены»³⁹. Впрочем, надо отметить, что еще выдающийся черный abolitionист Фредерик Дуглас, выступавший на открытии памятника в Вашингтоне, выражал недовольство его концепцией⁴⁰.

Как отмечалось выше, для белых жителей предвоенного Юга рабовладение было основой идентичности, а сосуществование свободных белых и черных рабов – неотъемлемой и естественной частью образа жизни. Для северян же борьба с рабством на Юге способствовала формированию самовосприятия как носителей идеи Свободы. Поэтому после окончания войны и вплоть до наших дней историческая память о Гражданской войне, рабстве и его отмене по-разному формировалась и репрезентировалась на Севере и Юге США. Эти различия подтверждают высказанный в самом начале главы тезис о сохранении внешне незаметного, но глубокого культурного разлома, проходящего там, где когда-то пролегла зримая граница между штатами свободного Севера и рабовладельческого Юга. Более того, после победы Движения за гражданские права эта культурная граница стала еще значимее, чем прежде: «От “Рождения нации”⁴¹ до “Унесенных ветром”⁴² белые северяне выражали и практическими, и символическими способами свою симпатию белым южанам, которые окружили себя боевыми знаменами и скульптурами – памятниками благородству своих предков. Но ныне, когда символы белого превосходства дискредитированы Движением за гражданские права, белые южане не получают симпатии или уважения на важной территории национальной памяти; мемориализированному белому Югу было отказано в каком бы то ни было ощущении себя жертвой»⁴³. Черные американцы, прожившие и на Севере, и на Юге, в беседах с нами нередко отмечали, что на Юге им менее комфортно. О расизме на Юге рассказывал нам и латиноамериканец – уроженец Колумбии. Некоторые собеседники прямо говорили, что на Юге больше расизма, чем на Севере. Один из респондентов, выросших на Юге, а ныне живущих на Севере, сформулировал суть вопроса так: «На Севере и Юге одинаково много ненависти к черным, но на Севере они имеют больше свободы в выражении своих взглядов». А пожилая собеседница,

наоборот, родившаяся и проведшая значительную часть жизни на Севере, сказала, что, когда она переехала на Юг в 2006 г., ей показалось, что она попала в довоенный 1860 г., «потому что [на Юге] черные люди “знают свое место”. Это значит, что... черные люди все еще остаются в угнетенном положении... А на Севере все еще много сегрегации, но не настолько. На Севере у черных людей нет той робости, которая есть у них на Юге».

Конечно, сегодня и на Юге очень и очень многие, особенно среди молодежи и людей среднего возраста, выступают за подлинное расовое равноправие и не приемлют проявлений расизма. Предложение Джошуа Райта и его соавторов отличать южан-традиционалистов от южан-супрематистов, несомненно, имеет смысл⁴⁴. По нашим наблюдениям, например, большую часть посетителей мемориала виднейшего борца с расовой сегрегацией Мартина Лютера Кинга в Атланте составляют белые американцы. В Музее Нового Юга в Шарлотте, рассказывающем об истории Юга США от окончания Гражданской войны до наших дней, на выходе посетитель может ответить в письменном виде на вопрос, считает ли он, что «сегодня на Юге все имеют равные права». Ни в одной из просмотренных мной более чем двадцати записок я не увидел ответ «да» – только «нет». Старый африкано-американец, уроженец типичного южного городка Форт-Милл, рассказал нам, как его растрогала белая девушка лет шестнадцати или семнадцати, стоявшая с плакатом «Жизни черных имеют значение» на улице, на которой он рос в эпоху Джима Кроу, т.е. узаконенной расовой сегрегации⁴⁵.

В свою очередь, на Севере для многих история США до сих пор есть история, прежде всего, белых американцев, начинающаяся с прибытием отцов-пилигримов. Как сказал в беседе с нами черный житель «Города Братской Любви» – Филадельфии – в ответ на вопрос: «Какие исторические события и личности наиболее значимы для Америки?», «Для меня это черные люди, которых привезли сюда как рабов, – мы построили Америку. Однако все сводится к белым. Вы видите, все эти памятники – большинство из них – белым. Есть несколько и черным, но большинство – белым». Немало наших респондентов, как черных, так и белых, говорили, что без африкано-американцев страна не могла бы достичь того, чего достигла, ни в одной сфере начиная еще с колониального периода, и что их вклад недооценивается. Например, по словам пожилой африкано-американки:

«Черные люди сделали так много для этой страны... сделали много для того, чтобы помочь этой стране стать такой, какая она есть. Об этом не говорят часто, но это правда».

Кампания по ликвидации монументов, прославляющих Конфедерацию южных штатов, ее политических и военных деятелей, начавшаяся после того, как 17 июня 2015 г. белый молодой человек Дилан Руф убил девять африкано-американцев в церкви в г. Чарльстоне (штат Южная Каролина), а после убийства Джорджа Флойда 25 мая 2020 г. получившая колоссальный новый импульс и более широкий смысл, выразившийся в сносе и осквернении памятников по всей стране людям разных эпох, которых протестующие сочли расистами⁴⁶, тем не менее превратилась в настоящую «войну с памятниками», потому что у идеи их сноса нашлось много противников⁴⁷. Ведь, по совершенно справедливому утверждению Л.П. Репиной, «главная роль в конструировании коллективной идентичности принадлежит памяти о переломных событиях истории, выдающихся личностях, ее героях и антигероях, которые живут в исторической памяти, приобретая тем самым *символическое* значение» (выделено автором. – Д.Б.)⁴⁸. И выражением этого значения являются формы коммеморации прошлого, в том числе монументы и мемориалы.

Как сказала собеседница, живущая на Юге социолог, «символы [Конфедерации] повсюду вокруг нас – имена зданий и названия улиц, и эти памятники повсюду. Но мы в самом деле не думали об этом, мы не знали о них. И, я думаю, слышать о них действительно шокирующе. Но теперь я думаю: почему они (эти символы. – Д.Б.) не были уничтожены раньше?» «Очевидно, что борьба с памятниками не стихийный акт вандализма, а продолжение движения за гражданские права, попытка стереть из памяти рабское прошлое предков, расизм и несправедливость»⁴⁹. В событиях последних лет можно увидеть начало третьего этапа радикального расширения прав черных американцев после Гражданской войны и Движения за гражданские права. Таким образом, «война памятников» ярко свидетельствует и о неизбежности, помимо прочего, «фундаментально политического импульса, лежащего в основе [культурной] памяти»⁵⁰, и о силе воздействия на общественное сознание связанных с историей материальных объектов и мест памяти, и о сохранении дуализма типично северного и типично южного отражения в исторической памяти Гражданской войны и рабства на Юге США. Также весьма показательным, что, тогда

как памятники и мемориалы, возвеличивающие Конфедерацию и ее защитников, появлялись по всему Югу на протяжении долгого времени после окончания Гражданской войны, память о черных ветеранах так и не нашла там достойного выражения в камне и металле, несмотря на идущие по этому вопросу практически с момента ее завершения дебаты⁵¹. И в целом «памятники Конфедерации отдают предпочтение точке зрения и проблемам белых южан, игнорируя, а иногда и искажая реалии рабства и опыт черных американцев»⁵². Они несут посыл о «выдающемся положении белости» (*the prominence of whiteness*); через него эти монументы и сегодня оказывают подспудное, но ощутимое влияние на идентичность белых американцев⁵³. За десять лет до начала «войны памятников» Дж.Р. Нефф утверждал, что значение памяти о сражавшихся и погибших на Гражданской войне в значительной степени игнорировалось общественным сознанием, а в научной литературе отсутствовал анализ того, как различные формы коммеморации жертв войны Севера и Юга до сих пор служат средствами для выражения и сохранения давнего раскола в американском социуме⁵⁴. Сегодня же никто не будет отрицать важную роль памяти о Гражданской войне и форм ее сохранения в борьбе с расизмом и шире – в политической борьбе в США, однако значение далеко не столь явного, как в 1861 г., но все же, по нашему убеждению, сохраняющегося поныне социокультурного деления страны на Север и Юг, недооценивается.

Памятников Гражданской войны в равной степени очень много и на Севере, и на Юге⁵⁵. Разница – в их семантике, поскольку в ней проявляются типично северное и типично южное восприятие войны и отмены рабства. Суть различий между ними прекрасно передают два памятника – в Бостоне и городке Форт-Милл в Южной Каролине, подобных которым по вложенному в них смыслу очень много соответственно на Севере и Юге США.

На бостонском памятнике с тем же названием, что и монумент с Линкольном – «Освобождение рабов» (скульптор – африкано-американка Мета Во Уоррик Фуллер, прославившаяся отражением расовой тематики в своем творчестве⁵⁶), в героических позах запечатлены несколько черных людей (илл. 8). Памятник был создан в гипсе в 1913 г. в ознаменование 50-летия Прокламации об освобождении рабов, а в 1999 г. отлит в бронзе и установлен в мемориальном парке, носящем имя выдающейся черной аболиционистки Гарриет Табмэн.

В 2013 г., к 150-летию Прокламации, на постаменте появились торжественные слова, посвященные увековеченному монументом событию.

На памятнике же в Форт-Милле (1891 г.), также являющемся частью мемориала – Парка Конфедерации, запечатлен в спокойной, исполненной достоинства позе одинокий белый солдат, а надпись на постаменте гласит: «Защитникам суверенитета штата» (*илл. 9*). Как уже упоминалось, памятник солдату – часть мемориала. Он включает в себя две пушки времен войны и четыре монумента: к 1900 г. рядом с памятником солдату появились памятники женщинам Конфедерации и индейцам проживающего в этих местах племени катоба, сражавшимся за Конфедерацию, а также обелиск, как гласит надпись на постаменте, в память о «верных рабах», сохранивших преданность своим хозяевам в годы войны (1895 г.; не исключено, что единственный памятник им во всей стране) (*илл. 10*)⁵⁷. Земля под парк была выделена ветераном армии Конфедерации и одним из богатейших людей города капитаном Самюэлем Уайтом, по его же инициативе и отчасти на его средства приобретены монументы (автором памятника солдату и обелиска «верным рабам», возможно, является малоизвестный скульптор из соседнего города Честера Лисандер Д. Чайлдс; автора или авторов двух других монументов парка не удастся установить даже предположительно). На датируемой самым началом XX в. табличке написано, что мемориальный парк создан с целью «сохранения памяти о тех, кто пожертвовал столь многим в 1861–1865 гг.»⁵⁸. Примечательно, что произошедшая в 2020 г. активизация и радикализация движения под лозунгом «Жизни черных имеют значение» в Форт-Милле, в отличие от Бостона или Вашингтона, не привела к принятию или инициированию городскими властями принятия решения о демонтаже памятников – монументов в Парке Конфедерации, включая обелиск «верным рабам», а также о переименовании самого парка, хотя и вызвала оживленную общественную дискуссию и создание петиций с требованиями соответствующие решения принять: администрация города заявила, что не имеет для этого правовых оснований⁵⁹.

Как пишет Эрнест Блевинс, исследовавший множество памятников Гражданской войны, установленных на Севере и Юге в 1860-е – 1920-е годы, в них «Север и Юг разошлись по теме войны. Южане провозглашали конституционные права. Северные монументы под-

черкивали сохранение Союза и в некоторых случаях подавление мятежа»⁶⁰. То есть если на Севере формировалась и поддерживается, в т.ч. через монументальные репрезентации, историческая память о Гражданской войне как о войне, главный смысл которой заключался в восстановлении нарушенного «мятежниками» единства страны, а отмене рабства в ходе нее посвящались специальные памятники, то на Юге распространилось восприятие Гражданской войны как оборонительной – во имя сохранения законной независимости отколовшихся от Союза штатов и их права на свой жизненный уклад; войны, в которой вопрос о рабстве не играл первостепенной роли. (Несмотря на то, что этот жизненный уклад, отметим еще раз, подразумевал рабство как его само собой разумеющуюся, естественную часть: «...солдаты Конфедерации из рабовладельческих семей не испытывали чувства замешательства или противоречия, сражаясь за свою собственную свободу, держа других людей в рабстве. В самом деле, превосходство белых и право собственности на рабов лежали в основе идеологии, за которую сражались солдаты Конфедерации»⁶¹). Такая память о Гражданской войне начала складываться на Юге практически сразу после ее завершения и явилась продолжением понимания смысла войны противоборствующими сторонами в ее ходе: солдаты-южане «верили, что были жертвами решимости Севера вмешаться в их институты», а военнослужащие армии Союза видели себя «защищающими демократию в борьбе с частью страны, чья гражданская культура была чужда демократическим принципам Севера»⁶².

Характерно, что непосредственно в годы войны никто не только на Севере, но и на Юге не сомневался в том, что проблема рабства черных стала одной из ее главных причин⁶³. «Они знали, что именно должна была защитить их революция (т.е. сецессия. – Д.Б.), пусть некоторые из них позже отрицали это и утверждали, что они сражались за права штатов»⁶⁴. Однако естественный поиск южанами моральной и психологической компенсации за тяжелое поражение очень быстро привел к появлению мифологии и одновременно идеологии «проигранного дела Конфедерации» (*the lost cause of the Confederacy*), или просто «проигранного дела» (*the lost cause*)⁶⁵. Именно в ее основу легли представления о благородном и героическом характере трагически проигранного южанами «дела» и о том, что вопрос о рабстве якобы не был существенной причиной войны. При этом рабство на Юге признавалось оправданным, в том числе морально, ввиду его

экономической выгоды, а рабовладельцы представлялись людьми, не угнетавшими рабов, но, напротив, патерналистски заботившимися о них.

Идеология «проигранного дела Конфедерации» начала неофициально, но открыто и широко распространяться на Юге практически сразу после окончания Гражданской войны: уже в 1866 г. вышла книга журналиста из южного штата Виргиния Эдуарда Полларда «Проигранное дело: новая южная история войны конфедератов»⁶⁶, благодаря которой и вошло в обиход выражение «проигранное дело» и в которой уже в полной мере содержались идеализация образа жизни довоенного Юга и героизация его поражения в войне. В 1868 г. Поллард опубликовал еще одну книгу – «Вновь обретенное проигранное дело»⁶⁷. Вклад в формирование мифологии и идеологии «проигранного дела Конфедерации» внесли и некоторые другие интеллектуалы-южане. В частности, одним из главных архитекторов идеологии проигранного дела историки признают профессора математики и священника Американской епископальной церкви, ветерана армии Юга Альберта Бледсоу⁶⁸. Примечательно, что его же перу принадлежит изданная еще до войны книга «Эссе о свободе и рабстве»⁶⁹, которая явилась настоящей апологией рабства⁷⁰. Большую роль в формировании и распространении идеологии «проигранного дела» сыграли статьи адвоката и генерала армии Конфедерации Джубала Эрли⁷¹, публикации еще целого ряда авторов⁷².

Идеология «проигранного дела Конфедерации» доминировала в исторической памяти южан о войне в долгую – тянувшуюся три четверти века, с 1890 по 1964 г., – эпоху расовой сегрегации, или эпоху Джима Кроу⁷³. Южане ощущали себя жителями, по выражению Маргарет Митчелл, «завоеванной земли», и «это был лишь вопрос времени, когда войска Союза покинули “завоеванную землю”, и расовые различия превратились в законы Джима Кроу»⁷⁴. Исследовавшие надписи на 856 памятниках Конфедерации, возведенных на Юге между 1868 и 2016 гг., но в основном между 1890 и 1915 гг., Хизер О’Коннелл и Данеква Форрест подсчитали, что прямые отсылки к идеологии «проигранного дела» составляют основное содержание 59% из них⁷⁵.

Сегодня в школьном образовательном стандарте по общественным наукам штата Южная Каролина, который, как специально отмечено в этом документе, «возглавлял сессию Южных штатов, куль-

минацией которой стала Гражданская война», прямо написано, что «учащиеся будут сравнивать экономические и политические причины Гражданской войны. Этот показатель был разработан для поощрения изучения того, как споры о рабстве привели к Гражданской войне». Показатель же «[способность] контекстуализировать опыт Южной Каролины во время Гражданской войны... был разработан для поощрения изучения взаимосвязи между Гражданской войной и опытом женщин, африкано-американцев и класса плантаторов в Южной Каролине»⁷⁶. Но все же, несмотря на перемены в общественном сознании, произошедшие более чем за полвека после победы Движения за гражданские права, идеология «проигранного дела» не умерла. «Образы проигранного дела редко появляются в заслуживающих доверия исторических публикациях или в музеях, но они продолжают всплывать в популярных выражениях политики белой расовой идентичности, где негодование по поводу африкано-американской истории и чувство находящейся в осаде белости продолжают пронизывать дискуссии»⁷⁷. Совершенно не случайно, что в последнее время либеральная пресса стала все чаще писать об идеологии «проигранного дела», с одной стороны, как об одном из явлений, неискорененность которых породила всплеск антирасистских акций в середине 2010-х – начале 2020-х годов, а с другой – как об аналоге и одновременно истоке идеологии трампизма⁷⁸. Как сказала наша собеседница, ученый и университетский преподаватель: «На Юге идеология проигранного дела жива: утратив свое название, она трансформировалась в идеологию праворадикальных республиканцев, консерваторов в целом». Утверждения же Д. Трампа о том, что у него «украли» выборы 2020 г., либеральная пресса стала прямо называть «новым проигранным делом», тем самым акцентируя внимание читателя как на лживости этих заявлений, так и на их способности, несмотря на это, превратиться в миф, который сможет долгие годы вдохновлять сторонников взглядов бывшего президента и провоцировать идеологический и системоценностный раскол в американском обществе⁷⁹. Связь трампизма с идеологией «проигранного дела» уже стала и предметом научного анализа⁸⁰. И не случайно упомянутый в начале этой работы сторонник Д. Трампа прорвался в Капитолий с боевым флагом Конфедерации в руках: «...многие белые южане-традиционалисты видят в боевом флаге Конфедерации символ попыток их предков защититься от вторжения федеральных вооруженных сил во время

Гражданской войны. Они утверждают, что флаг не содержит расистского символизма, как и не символизирует угнетение в историческом прошлом африкано-американцев в регионе... Как таковой, флаг считается символом благородного наследия...»⁸¹

В наши дни коннотации с «проигранным делом» всплывают и непосредственно в связи с борьбой с расизмом, особенно в тех ее аспектах, которые связаны с культурной памятью, с коммеморацией исторических событий и личностей. В сохранении по сей день памятников деятелям Конфедерации, их имен в названиях улиц и прочих объектов противникам этого видится «долгое наследие проигранного дела», а в сносе монументов и переименованиях улиц и т.п. – условие «смерти проигранного дела»⁸². К примеру, когда в ноябре 2021 г. генеральный прокурор штата Алабама республиканец Стив Маршалл потребовал от городского совета столицы штата Монтгомери или отменить свое недавнее решение переименовать проспект Джеффа Дэвиса – президента Конфедерации – в проспект Фреда Д. Грэя – африкано-американского юриста, защищавшего в судах Розу Паркс и других активистов Движения за гражданские права, или заплатить штраф в размере 25 тысяч долларов, инициатор переименования проспекта, мэр Монтгомери Стивен Рид, первый африкано-американец, занявший этот пост, ответил ему такими словами: «Мы хотим чествовать тех героев, которые боролись за то, чтобы сделать этот союз (Соединенные Штаты. – *Д.Б.*) настолько совершенным, насколько он может быть. Когда я вижу множество символов Конфедерации, которые есть у нас в городе, это служит сигналом, что мы сконцентрированы на проигранном деле в противоположность тем вещам, которые объединяют нас под Звездами и Полосами (т.е. под флагом США. – *Д.Б.*)»⁸³.

Митч Ландрэ, инициатор сноса памятников президенту Конфедерации Дж. Дэвису и знаменитым генералам ее армии Р.Э. Ли и П.Г. Богарду в Новом Орлеане, штат Луизиана, в 2017 г., в бытность мэром этого города, обосновывал борьбу с монументами необходимостью развенчать «культ проигранного дела»⁸⁴. Дэвид Уильямс пишет даже о «религии проигранного дела» со своими мифами, символами и ритуалами⁸⁵. Скотт Картер, называя нарратив «проигранного дела» ложью, в то же время отмечает, что на его основе в США и в XXI в. существует «культ Конфедерации»⁸⁶. Наши интервью также говорят о том, что в то время как одна часть американцев, как отмечалось выше, ассоциирует с Гражданской войной «черное наследие»,

другая их часть не видит в вопросе о рабстве черных важного истока Гражданской войны. И, если вести речь о Юге, то трудно сказать, какая из этих частей общества больше. Действительно, несмотря на волну акций по сносу памятников, превозносящих южан в их борьбе с северянами, они по-прежнему весьма многочисленны, и «наличие памятников Конфедерации утверждает особую форму белости, которая одновременно прославляет “проигранное дело” и отрицает существование расизма»⁸⁷. Новейшие переиздания книг Полларда датируются 2010-ми годами. В XXI в. публикуются работы современных ученых, отказывающихся признавать проблему рабства важнейшей причиной войны и даже прямо возлагающих ответственность за ее начало на северян в лице Линкольна и возглавлявшихся им партии и правительства, которые, по мнению таких авторов, преследовали узкопартийные и корпоративные цели, далекие от задачи не только освобождения рабов, но даже сохранения целостности Союза⁸⁸. Когда мы спросили пожилую белую уроженку Юга, хранительницу архива Уайтов и Спрингсов – породнившихся столетия назад в Форт-Милле семейств тогда еще рабовладельцев и промышленников⁸⁹, жива ли сегодня идея «проигранного дела», она ответила: «Это непростой вопрос. Для многих людей на Юге эта идея связана с памятью о предках и с отношением к ним. Но “проигранное дело” – наследие несправедливости, а с несправедливостью надо бороться. Сегодня это так уже не называется, но сама проблема никуда не делась». И добавила характерную фразу: «Не знаю, стоит ли этот вопрос на Севере». Как бы в подтверждение слов этой респондентки американский антрополог М. Галаты пишет: «Большинство ученых объясняет существование [поныне] памятников Конфедерации в исторических категориях. Но когда южанин защищает памятник Конфедерации, он лишь изредка апеллирует к истории. Срабатывает нечто более глубокое. Нечто более интуитивное, чем история. Нечто изначальное.

Память.

Его папа велел ему помнить о предках-конфедератах. А тому – еще раньше его папа. Последний солдат Конфедерации умер в 1951 г. Только три поколения назад. Снос памятников – это прямая атака на коллективную память, “правильную” или “неправильную”, и [оно] воспринимается именно так. Еще один шаг в усилиях по строительству американской нации, в основе которого всегда были конфликты из-за памяти»⁹⁰.

Одно из недавних подтверждений живучести мифологии и идеологии «проигранного дела» – выход в 2020 г. книги военного историка, в прошлом – профессора одного из университетов в южном штате Луизиана, Самюэля Митчема-младшего под провокационным названием «Дело было не в рабстве: разоблачение большой лжи о Гражданской войне»⁹¹. В ней автор повторяет основной тезис идеологии «проигранного дела»: главной истинной причиной войны была проблема политического самоопределения южных штатов, а вопрос о рабстве использовался северянами лишь для того, чтобы не допустить их выхода из состава США. Митчем-младший обращает особое внимание на то, что в ходе президентской избирательной кампании 1860 г. республиканцы во главе с Линкольном вели речь вовсе не об освобождении рабов на Юге, а лишь о недопущении расширения зоны рабовладения на Север. Действительно, накануне и в начале войны решение вопроса о рабстве виделось просеверной республиканской администрации Линкольна не так, как в ее разгар: только в сентябре 1862 – январе 1863 г., в том числе из тактических и стратегических соображений военного времени – из желания дестабилизировать внутреннюю ситуацию на Юге и привлечь на свою сторону черных рабов, правительство Линкольна законодательно отменило рабство в штатах объявившего о сецессии Юга, т.е. не во всех штатах Союза, где еще сохранялось рабство, а только в тех, которые находились в состоянии войны с ним⁹².

Однако изменения в подходах к решению проблемы рабства, как и степень осознания ее важности современниками и участниками Гражданской войны, не следует путать с объективной значимостью проблемы. «В современной американской историографии оспаривается тезис о войне как конфликте модернового Севера с домодерным Югом... Само рабство рассматривается теперь наравне со свободным трудом как части одной и той же политэкономической системы»⁹³. Однако существование рабства на Юге и его отсутствие к середине XIX в. на Севере, безусловно, являлось важнейшим фактором социокультурного разделения американского общества, потому что в огромной мере именно им задавались различия в образах жизни и мышления людей в двух частях государства и тем самым порождалась угроза ее единству – тому, что было поставлено на кон во время войны. Таким образом, будет справедливым утверждать, что проблема рабства занимала одно из главных мест (а по мнению многих,

вероятно, большинства, ученых – однозначно главное место) в ряду объективных причин войны между Севером и Югом⁹⁴. Конфликт внутри белого населения по вопросу рабства составлял главное содержание периода 1850-х – первой половины 1870-х годов в истории США⁹⁵. В определенный момент объективная важность фактора рабства дополнилась субъективным осознанием его важности участниками событий: «В то время как восстановление Союза было главной целью, за которую они (солдаты армии Севера. – Д.Б.) сражались, они пришли к убеждению, что эта цель недостижима без нанесения удара по рабству»⁹⁶.

Таким образом, коммеморация и Гражданской войны, и места черных американцев в обществе того времени различна на Севере и Юге с самого начала. И эти различия сохраняются по сей день. Например, в 1897 г. в самом центре Бостона был воздвигнут помпезный монумент в память о 54-м массачусетском пехотном добровольческом полке, сформированном здесь в 1863 г., работы Огастеса Сент-Годенса – самого известного американского скульптора своего времени, прославившегося, прежде всего, благодаря произведениям, посвященным героям Гражданской войны со стороны северян⁹⁷. 54-й массачусетский пехотный добровольческий полк состоял исключительно из солдат-африкано-американцев под командой белых офицеров, принял участие в Гражданской войне и стал символом единства белых и черных северян в борьбе за освобождение рабов на Юге, в стремлении американцев всех цветов кожи к свободе как высшей ценности. На монументе начертано: «Память справедливых благословенна». Примечательно, что инициаторы создания монумента желали увековечить в первую очередь память о командире полка и назвали его «Мемориал Роберта Гулда Шоу» – в честь полковника Шоу, погибшего в сражении за Форт-Вагнер 18 июля 1863 г. Много десятилетий спустя, в 1982 г., на монументе появились имена 62 черных солдат полка, погибших в той же битве. Героизм солдат полка и их командира в борьбе за освобождение рабов воспет и в кинематографе – в оscarоносном фильме «Слава» (*Glory*), снятом в 1989 г. Эдуардом Цвиком. Истории 54-го полка посвящена достаточно обширная литература – мемуарная и научная⁹⁸. Автором одной из книг о легендарном полке в 2001 г. стал Колин Пауэлл – крупный военачальник и политик, первый черный государственный секретарь США (в 2001–2005 гг.)⁹⁹. Однако 31 мая 2020 г. монумент оказался среди шестнадцати памят-

ников, оскверненных в Бостоне за один день протестов, последовавших за убийством Джорджа Флойда. Основанием для его осквернения – он был расписан граффити и залит краской – послужило то, что белый полковник Шоу изображен сидящим на лошади, а чернокожие солдаты – марширующими в пешем строю. Это было расценено протестующими как выражение расовой иерархии. К марту 2021 г. монумент был отреставрирован¹⁰⁰.

В то же время, как отмечает Эрнест Блевинс, в памятниках, посвященных непосредственно Гражданской войне, прямые отсылки к рабству редки на Севере, но на Юге вообще «ни один памятник Конфедерации не упоминает рабство в надписях или образах»¹⁰¹. Эта традиция продолжается на Юге и в наше время. Например, в городке Гантерсвилле в Алабаме в 2010 г. установлена мемориальная доска в память о его сожжении Федеральной армией (т.е. армией северян) 15 января 1865 г. В пространным тексте на ней не найти упоминаний о рабах и их освобождении, но можно прочитать об ужасах оккупации города северянами и о том, что «последствия Гражданской войны долго ощущались и в XX в.», поскольку еще в 1935 г. в графстве Маршалл (к нему относится Гантерсвилл) жили 43 вдовы военнослужащих армии Конфедерации, а ее последний ветеран в графстве умер только в 1944 г. В кампусе же Университета Алабамы в Тускалузе в 1914 г. был открыт (а в июне 2020 г. демонтирован как расистский по решению руководства вуза под давлением общественности¹⁰²) небольшой мемориал – памятный камень с металлическими мемориальными досками на нем между флагами страны и штата, посвященный участию в войне на стороне Конфедерации связанных с университетом людей, в особенности тому, как 3 апреля 1865 г. сформированное из студентов ополчение тщетно пыталось с оружием в руках предотвратить разграбление и сожжение университета численно превосходившим их отрядом регулярной Федеральной армии (*илл.* 11)¹⁰³. Об этом, как и об уничтожении северянами в Тускалузе предприятий, разграблении магазинов, складов, части жилых домов, несмотря на отсутствие военной необходимости, говорится и на мемориальной доске, установленной на главной площади города. В то же время, как и на мемориальной доске в Гантерсвилле, на ней нет ни слова об освобождении рабов.

При этом в г. Остине в Техасе – одном из южных штатов – возведенный в 1903 г. многофигурный мемориал в память о техасцах,

сражавшихся в армии Конфедерации, ныне соседствует с открытым только в 2016 г. столь же грандиозным мемориалом работы видного африкано-американского скульптора (а до того – военного летчика-испытателя, едва не ставшего первым черным астронавтом) Эда Дунайта¹⁰⁴ в честь освобождения рабов и вклада черных граждан в историю штата и до, и после этого – с XVI по XXI в. (*илл. 12*): победивший еще в 1865 г., а потому ставший официальным «северный» дискурс исторической памяти стремится утвердить себя на Юге, и в таких его либеральных анклавах, как Остин или Шарлотт, ему это в целом удастся. Вообще сегодняшний Юг, конечно, ни в коем случае нельзя приравнивать к Югу не только времен Гражданской войны, но и периода расовой сегрегации. Например, первый в стране музей истории рабства открылся в 2014 г. на Юге – в Луизиане¹⁰⁵, а в «эталонном» южном штате Алабама только в период с 2000 по 2011 г. были созданы 12 африкано-американских исторических музеев и мемориалов¹⁰⁶. Самым же известным в стране стал мемориал, возведенный по проекту архитекторов Родни Леона и Николь Холланта-Денис и открытый в 2007 г. на месте массового захоронения рабов, обнаруженного в центре Нью-Йорка в 1991 г. (*илл. 13*)¹⁰⁷. Еще до того, в 2000 г., была установлена ныне воспринимаемая как часть мемориала скульптура под названием «Триумф человеческого духа» работы Лоренцо Пэйса (*илл. 14*). В 2019 г. Сенат США присвоил мемориалу официальное наименование «Международный мемориальный музей и образовательный центр “Африканское захоронение”».

Совершенно по-разному выглядят и старые африкано-американские кладбища. В Бостоне, в центре города, существует кладбище Коппс-Хилл, где африкано-американцев хоронили со второй половины XVIII в. Более тысячи могил на этом кладбище – могилы африкано-американцев (*илл. 15*). То были уже свободные люди: в Массачусетсе рабство исчезло к 1780-м гг. К нашему времени кладбище Коппс-Хилл превратилось в достопримечательность, стало пунктом специального маршрута по местам, связанным с историей Бостона как цитадели американской свободы, и содержится в прекрасном состоянии. Очень подробны, содержательны и наглядны встречающие посетителей стенды, на которых изложена история кладбища в контексте истории города и его черного сообщества. Иногда у надгробных памятников можно увидеть оставленные посетителями американские флажки.

В то же время африкано-американское кладбище при пресвитерианской церкви Эллисон-Крик, возведенной черными рабами в графстве Йорк в штате Южная Каролина, давно заросло травой, кустами и деревьями (илл. 16). На нем похоронено несколько сотен человек, но только на 21 могиле установлены надгробия с именами погребенных – черных людей хоронили без почестей, без желания сохранить память о них. Кладбище оставалось заброшенным в течение более чем ста лет. Только нынешний настоятель церкви, о. Сэм Макгрегор-младший, по личной инициативе из желания восстановить историческую справедливость и память об африкано-американцах, чьи судьбы были связаны с церковью Эллисон-Крик, нанял людей, которые с помощью специальной техники обнаружили точные места захоронений, и о. Сэм поставил над каждым из них по маленькому металлическому кресту. В еще более плачевном состоянии находятся другие посещенные нами в разных графствах Южной Каролины старинные «черные» кладбища. Некоторые из них были только недавно случайно обнаружены. Энтузиасты восстановления исторической памяти и исторической справедливости – черные и белые активисты – надеются привести их в порядок и превратить в «места памяти» для нынешних и будущих поколений. Они предпринимают шаги в этом направлении, но на полноценную реализацию их замыслов требуются бóльшие финансовые и организационные возможности, нежели те, которыми они располагают на данный момент.

Если в Бостоне здание расположенного неподалеку от кладбища Коппс-Хилл баптистского молельного дома 1806 г. постройки, до конца XIX в. служившего местом собраний потомков освобожденных рабов, в 1972 г. превращено в муниципальный Музей африкано-американской истории вместе с возведенным в 1835 г. соседним зданием школы для черных Абиэля Смита, то церковь Эллисон-Крик, в которой даже сохранились скамьи, сделанные руками рабов, продолжает функционировать как обычная церковь, и только колоссальными личными усилиями о. Сэма в ней в наши дни восстанавливается память о ее черных строителях и прихожанах.

Музейные экспозиции также отнюдь не нейтральны и объективны: они тоже отражают и выражают разные дискурсы исторической памяти. Причем в ситуации, когда проявления расовой нетерпимости становятся все более частыми, роль музеев как институтов, вносящих несомненный вклад в формирование взглядов людей, возрастает¹⁰⁸.

Официальный дискурс, в основе которого – положения о безмерной ужасности рабства и расизма и, несмотря на них, колоссальном вкладе черных американцев в создание страны и ее процветание на всем протяжении истории США, достигает апогея в экспозиции официально главного африкано-американского музея Америки – Смитсоновского национального музея африкано-американских истории и культуры, торжественно открытого в столице США, г. Вашингтоне, президентом Бараком Обамой в сентябре 2016 г. По выражению Ричарда Ньютона: «Как сакральное пространство, национальный африкано-американский музей иллюстрирует, как человеческие существа не являются хозяевами своей собственной судьбы»¹⁰⁹. В то же время можно найти различия в том, как чаще всего представляют историю и культуру черных американцев в музеях Севера и Юга. Так, в не столь давно обновленной экспозиции Городского музея Нью-Йорка специальная часть раздела о ранней истории города посвящена черным ньюйоркцам. В ней подчеркиваются, прежде всего, страдания черных рабов: среди экспонатов – кандалы и объявления о продаже рабов и розыске сбежавшего раба. При этом внимание посетителя обращается и на то, что с ранних пор в городе заметную роль играли аболиционистские силы: в экспозиции – грамота, подтверждающая, что ее обладатель является освобожденным рабом, иллюстрации к первому изданию «Хижина дяди Тома» и целый зал, посвященный отмене рабства. А в Алабаме, в Городском музее Гантерсвилла или в аналогичном музее соседнего Албертвилла, не найти прямых свидетельств рабовладельческого прошлого этих мест. Африкано-американское наследие, по крайней мере до Движения за гражданские права (которое в Алабаме и началось), представлено в этих музеях «аполитичными» экспонатами, посвященными африкано-американским музыке, кухне и т.п.

Как квинтэссенцию борьбы вокруг восприятия прошлого на Юге можно рассматривать то, что в последние годы происходит в превращенных в музеи-усадьбы бывших поместьях плантаторов-рабовладельцев¹¹⁰, в частности, в музее-усадьбе «Исторический Брэттонсвилл» в графстве Йорк штата Южная Каролина (илл. 17). С 1766 г. на протяжении почти полутора столетий – до 1915 г. – в этой усадьбе проживали четыре поколения Брэттонов – семьи шотландско-ирландского происхождения. Среди них были военные и врачи, но основой благополучия семейства неизменно оставалось плантационное

сельское хозяйство, до поражения Юга в Гражданской войне державшееся на труде многочисленных черных рабов¹¹¹. Черные рабы составляли и домашнюю прислугу Брэттонов. Движение за превращение усадьбы в музей началось еще в конце 1950-х годов по инициативе влиятельных белых активистов, в частности бывшего судьи графства и члена законодательного собрания штата Самюэля Менденхолла, при чьем деятельном участии в 1959 г. создана Историческая комиссия графства Йорк, сыгравшая решающую роль в превращении поместья Брэттонсвилл в музей. В 1997 г. Брэттонсвилл стал частью системы Музеев культуры и наследия графства.

На обширной территории поместья сохранилось более 30 жилых и хозяйственных строений. Среди них – сравнительно небольшой первый дом, возведенный Брэттонами на их земле, и во много раз большая по размерам двухэтажная центральная усадьба, где все говорит о состоятельности, благополучии, высоком культурном уровне и образованности жильцов. Наибольшую же историческую ценность представляют два чудом сохранившихся одинаковых маленьких однокомнатных дома, в которых жили рабы. Эти дома располагаются рядом с главной усадьбой, поскольку предназначались для домашней прислуги Брэттонов. По образцу этих домов реконструировали, т.е. возвели рядом, еще несколько точно таких же домов рабов. Жилища рабов, работавших в полях, не сохранились, а через бывшие поля уже давно проходит автострада.

Как отмечалось выше, Брэттонсвилл входит в систему музеев, принадлежащих графству Йорк. Однако существенную роль в его деятельности, особенно просветительской, сегодня также играет общественная организация, призванная способствовать сохранению и развитию Брэттонсвилла как музея-усадьбы. В эту организацию входят как белые либеральные интеллектуалы, в частности преподаватели расположенного в близлежащем г. Рок-Хилл Уинтропского университета, так и образованные, лишенные реваншистских настроений черные энтузиасты, в т.ч. прямые потомки рабов Брэттонов (один из них, 85-летний Уоли Каткерт, вспоминал, как, будучи ребенком, слушал рассказы деда, которого освободила из рабства победа северян в Гражданской войне). Их настрой и цели совпадают с главной задачей, поставленной перед собой сотрудниками музея-усадьбы, среди которых не все, но большинство, включая исполнительного директора Кэйри Тилли, – белые.

Эта задача – изменить мировоззрение южан и, в частности, их восприятие прошлого, неразрывно связанного с рабовладением. Ведь, как писала Элизабет Джонсон, «плантации исторически играли и продолжают играть центральную роль в формировании расовой идентичности в Соединенных Штатах, как и в мифологизации туристских образов “Старого Юга”»¹¹². Поэтому в музее-усадьбе «Исторический Брэттонсвилл» еще до событий, спровоцированных убийством Джорджа Флойда, начали делать все возможное для того, чтобы радикально сместить акценты в представлении жизни в поместье Брэттонов – поставить в центр репрезентации жизнь не рабовладельцев, а рабов. Ведь «на самом деле, нарративы, обычно представленные в музеях-плантациях, часто преуменьшают недовольство поработанных в пользу изображения утопического общества. Совершая это, они также преуменьшают влияние наследия этой системы и сил, лежавших в ее основе, на современные расовые отношения и социальные структуры. Эти нарративы, эти сказки о плантациях нацелены на определенные репрезентативные социальные группы и побуждают состоящую из них аудиторию искать истории, которые она хочет услышать, истории, которые резонируют с их собственными социальными представлениями»¹¹³. Так изначально обстояло дело и в Брэттонсвилле. Однако ныне в «Историческом Брэттонсвилле» делается все возможное, чтобы показать Брэттонсвилл прежде всего не как «утопическое общество» – поместье респектабельного белого семейства, чьи культурность и образованность должны вызывать ностальгию и симпатию к ним, а как место мучений черных рабов, требующих сострадания.

Сегодня история Брэттонсвилла репрезентируется как в первую очередь история рабов и только во вторую – их хозяев. Если в прежние годы основные усилия сотрудников музея направлялись на воссоздание интерьеров домов Брэттонов, и, переходя из одной красиво убранной комнаты в другую, посетитель мог перестать думать о том, что их хозяева не только музицировали и пили чай из красивой сервизной посуды, но и жестоко эксплуатировали других людей, то ныне делается все, чтобы внимание посетителя привлекала и история рабов. Традиционная для Юга подача связей между рабовладельцами и рабами в поместьях – как чуть ли не гармоничных отношений заботящихся друг о друге просвещенных «родителей» и неискушенных «детей» (снова вспомним «Унесенных ветром» – и книгу Маргарет

Митчелл, и поставленный по ней режиссером Виктором Флемингом фильм, а также обелиск в память о «верных рабах» в Форт-Милле¹¹⁴). При иной подаче отношений между хозяевами и рабами идиллическая картина довоенного Юга – «утопического общества» – никак не могла бы сложиться.

Теперь в Брэттонвилле такая подача сменилась однозначным акцентом на жесточайшую эксплуатацию одними других, непреодолимую внутреннюю конфликтность их взаимоотношений и духовную силу униженных, но не сломленных черных людей. В этом русле лежит и упомянутая выше реконструкция домов рабов-слуг, и консервация двух сохранившихся оригинальных домов, включая обнаруженные на стенах отпечатки пальцев их обитателей, и работа археолога из Уинтропского университета Кристофера Гиллама, под чьим руководством студенты ведут раскопки на местах несохранившихся домов рабов, трудившихся в полях¹¹⁵, и проведенная под руководством историка Захария Лемхауза реставрация одного из домов в поместье, в котором разместилась экспозиция, посвященная тяжелой судьбе африкано-американцев в последовавший за Гражданской войной период Реконструкции Юга (1865–1877 гг.)¹¹⁶, и разнообразные образовательные и познавательные проекты музея, ориентированные в первую очередь на детей и подростков.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что усилия сотрудников музея-усадьбы и группирующихся вокруг них энтузиастов не только многими поддерживаются, но и встречают неприятие, порой открытое и агрессивное, со стороны некоторой части общества. В частности, сотрудники много рассказывали автору данной главы о попытках отдельных людей помешать работе музея, сорвать его просветительские мероприятия, об угрозах, неоднократно поступавших от Ку-клукс-клана¹¹⁷. И все же, посетив Брэттонвилл дважды с интервалом в четыре года (в 2018 и 2022 гг.), мы имеем все основания утверждать, что проект по реинтерпретации исторического облика усадьбы успешно продолжается и расширяется за счет новых экспозиций. Однако, посетив несколько музеифицированных бывших рабовладельческих усадеб, мы убедились в правоте слов респондента – археолога, ведущего раскопки на бывших плантациях, рассказавшего нам, что сдвиги в сторону акцентирования внимания на рабах и их потомках происходят в основном в крупных и хорошо обеспеченных финансово музеях-усадьбах (таких, как Брэттонвилл), тогда как в

менее статусных музеях-усадьбах преодолевать сопротивление противников такого подхода удается нечасто. Иногда различие в постановке акцента – на тяжелой участи рабов или на роскоши жизни владельцев поместий – заметно в музеях-усадьбах, расположенных буквально в одной миле друг от друга¹¹⁸.

Следует согласиться с Дерекем Алдерманом и Арнольдом Модлином-младшим в том, что «музеи плантаций Юга, возможно, точка отсчета в этой борьбе вокруг того, как мы должны (и даже должны ли вообще) помнить прошлые расистские практики и ландшафты»¹¹⁹. Очень показательны, что на волне антирасистских выступлений, ознаменовавшихся в том числе атаками на памятники людям, стоявшим у истоков американской государственности, и даже открывателю Америки для Европы Христофору Колумбу, как демонстрацией убежденности протестующих в коренной, фундаментальной природе проблемы расизма для США и их готовности уничтожить американское государство как несправимо расистское, музей-усадьба Маунт-Вернон в Виргинии – некогда плантационное поместье первого президента страны Джорджа Вашингтона – в 2021 г. выпустила восьмисерийный подкаст, рассказывающий «историю более чем 577 человек, поработанных Джорджем и Мартой Вашингтонами в Маунт-Верноне»¹²⁰. Л.М. Троицкая в 2014 г. – еще в самом начале нынешнего подъема антирасистского движения, набравшего силу в 2015–2020 гг., посетив в той же Виргинии музей-усадьбу другого отца-основателя США, Томаса Джефферсона, Монтичелло, вынесла из его экспозиции и проходящих в нем костюмированных исторических представлений впечатление, что «...мемориальный музейный комплекс Монтичелло является примером того, как в США... сохраняется преемственность американской истории, уживаются высокие демократические идеалы “отцов-основателей” с рабством чернокожих, приносивших богатства их белым владельцам»¹²¹. Сегодня, спустя всего несколько лет, такой посыл уже невозможен: в восторжествовавшем ныне дискурсе общественного сознания под преемственностью американской истории понимается в первую очередь неизменность расизма как ее доминанты, идеалы демократии признаются ханжескими и не уживающимися с рабством, а прикрывающими его, а сами отцы-основатели предстают не создателями великого государства – цитадели всемирной свободы, а владельцами рабов, что обесценивает любые их заслуги перед своей нацией и всем человечеством.

В 2016 г. в статье, посвященной музеям-усадьбам Юга, Перри Картер отмечал «маргинальность порабощенных в нарративах», предлагаемых музеями посетителям. При этом он подчеркивал, что «большая часть литературы о музеях-плантациях предполагает, что эта маргинализация является преднамеренной и что есть доказательства, подтверждающие этот вывод»¹²². В то же время в экспозициях, превращенных в музей-усадьбы поместий колониальной эпохи на Севере, на процветании в них рабства специальный акцент делается давно¹²³. Например, поместье Филипсбург в штате Нью-Йорк, с 1672 по 1779 г. принадлежавшее роду Филипсов, основатель которого переселился в Северную Америку из Голландии¹²⁴, включено не только в список Национальных исторических памятников, но и в Маршрут африкано-американского наследия графства Вестчестер (илл. 18). Стартовая же страница сайта музея-усадьбы открывается призывом к посетителям: «Прогуляйтесь по лесной тропе и войдите в 1750 год, когда поместье Филипсбург было процветающим мукомольным и торговым комплексом, в котором проживали 23 порабощенных человека африканского происхождения»¹²⁵.

Изложенный в этой главе материал показывает на примере сложности и конфликтности исторической памяти о Гражданской войне, рабстве и его отмене в США, как через коллективную (культурную) память история не просто вторгается в современность – она присутствует в ней, в том числе в виде мемориалов и памятников, и в огромной степени определяет ее. Культурная память об упразднении рабства африкано-американцев более полутора веков назад стала важным фактором в борьбе с расизмом в наши дни. Изменения же в оценке прошлого влекут за собой изменения в восприятии настоящего, в представлениях о желательном будущем и заставляют людей направлять усилия на достижение иных, чем прежде, общественных целей. Именно это и происходит в конце 2010-х – начале 2020-х годов в Соединенных Штатах Америки.

Помимо политического значения для США и всего мира, бурные события последних лет, не в последнюю очередь спровоцированные коллективной памятью о Гражданской войне и отмене рабства, также могут оказаться важными для антропологии как научной дисциплины. С точки зрения теории они, возможно, в состоянии породить новый виток «бума памяти в антропологии»¹²⁶ и стимулировать давно назревшее восстановление связи между дисциплинами истории и ан-

тропологии – «музы истории и науки культуры»¹²⁷. Еще в 1968 г. Дэйвид Бидни резюмировал: «Урок, который мы можем извлечь из современного состояния антропологической мысли, заключается в том, что культурная антропология, во избежание сведения ее к одной из областей психологии или социологии, должна быть исторической»¹²⁸. За прошедшие после написания этих слов пять с половиной десятилетий актуальность реисторизации антропологии стала еще более насущной необходимостью для ее развития как теоретической и конкретно-научной дисциплины. При этом пример США ясно показывает, что привнесение исторической перспективы в антропологические исследования особенно необходимо для успешного изучения именно современных обществ, которые в наше время чаще всего и находятся в центре внимания антропологов. И именно исследование взаимосвязи исторического прошлого, социальной памяти и современных культурных идентичностей – один из наиболее прямых и перспективных путей воссоединения истории и антропологии¹²⁹.

Для антропологии же США научный анализ этих событий открывает путь к переосмыслению первооснов американских культуры и общества. События конца 2010-х – начала 2020-х годов наглядно демонстрируют усиление никогда не исчезавшего раскола в коллективной идентичности американской нации. Этот раскол проходил и проходит по многим линиям. Наше же исследование, в частности, дает понять, до какой значительной степени культурная композиция сегодняшних США несводима к расовому делению и/или делению на «старожилов» и мигрантов. Существование и даже актуализация уже давно обусловленных не столько географическими, сколько историко-культурными факторами региональных идентичностей в рамках идентичностей национальных характерно для современных национальных государств – об этом свидетельствует и опыт европейских наций¹³⁰. Региональные идентичности не несут угрозу национальной идентичности, а скорее пространственно структурируют и тем самым укрепляют ее, если не перерастают в сепаратизм. И наше исследование показывает, что исторически обусловленное культурное дробление сообщества белых американцев на северян и южан является менее очевидным, чем, в частности, этнорасовый, но все же вполне реальным фактором фракционности американской нации, требующим изучения в том числе с точки зрения определения последствий его возможного усиления.

---

¹ Белов С.И. Объединяющий нарратив истории Гражданской войны в США как элемент политики памяти // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018, № 11. С. 46–59.

² Репина Л.П. Историческая память и нарративы национальной идентичности. «Практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2020. С. 17.

³ Согрин В.В. Социальные конфликты в США. Участники и этапы // Новая и новейшая история. 2019. Т. 63, № 4. С. 5–26.

⁴ Супоницкая И.М. Север и Юг США: среда и общество // Цивилизации. Вып. 4 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 1997. С. 79–94; Алентьева Т.В. Парадоксы коллективной памяти в эпоху Второй американской революции // Коллективная память: власть прошлого в социокультурной жизни Америки / Отв. ред. И.В. Морозова, В.И. Журавлева, Х.Б. Фернандес. М.: РГГУ, 2021. С. 140–148.

⁵ Автор главы неоднократно убеждался в этом, исследуя на протяжении ряда лет (особенно интенсивно – в 2013–2015, 2018 и 2022 гг.) африкано-американское сообщество и его место в американском социуме в прошлом и настоящем в различных историко-географических регионах США: в двадцати восьми больших и малых городах (от восьмидесятичного Гантерсвилла в Алабаме до Нью-Йорка) четырнадцати штатов – Алабамы, Виргинии, Джорджии, Иллинойса, Калифорнии, Коннектикута, Массачусетса, Миннесоты, Миссури, Нью-Йорка, Пенсильвании, Северной Каролины, Техаса и Южной Каролины – и в округе Колумбия (г. Вашингтоне). См.: Бондаренко Д.М. Оттенки черного: культурно-антропологические аспекты взаимовосприятия и взаимоотношений африкано-американцев и мигрантов из стран субсахарской Африки в США. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2016. Также см.: *Brundage W.F.* (ed.). *Where These Memories Grow: History, Memory, and Southern Identity*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000; *Idem*. *The Southern Past: A Clash of Race and Memory*. Cambridge – London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005; *Idem*. *History and Memory in the American South // History, Memory and Public Life: The Past in the Present* / Ed. A. Maerker, S. Sleight, A. Sutcliffe. London: Routledge: 2018. Pp. 1–23; Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М.: ЛЕНАНД, 2019..

⁶ Востриков П.В. Социокультурное развитие колониальной Виргинии (1680–1776 гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2018. С. 12.

⁷ См.: Щербаков Н.Г. Негры, афроамериканцы, советские, русские: черная Америка через призму журнала «Америка» // Под небом Африки моей: История, культура, языки народов Африки. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Балезин. М.: Ключ-С, 2012. С. 34.

⁸ *Parsons T.* Full Citizenship for the Negro American? A Sociological Problem // *Daedalus*. 1965. Vol. 94, Iss. 4. Pp. 1009–1054.

⁹ Хсю Ф. Базовые американские ценности и американский характер // Личность, культура, этнос: Современная психологическая антропология / Отв. ред. А.А. Белик. М.: Смысл, 2001. С. 207.

---

¹⁰ См., например: *Ojukwu C., Oni E.O. Multiculturalism, Racism and the Dilemma of the African-American in the Twenty-First Century // Affrika: Journal of Politics, Economics and Society. 2017. Vol. 7, Iss. 1. Pp. 111–126; Bonilla-Silva E. Racism without Racists. Color-Blind Racism and the Persistence of Racial Inequality in America. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018; Horowitz J.M., Brown A., Cox K. Race in America 2019 // Pew Research Center. 2019. <https://www.pewsocialtrends.org/2019/04/09/race-in-america-2019/> (дата обращения 11.04.2019); *Asante M.K. Radical Insurgencies. New York: Universal Write Publications LLC, 2020. Pp. 49–68; Beliso-De Jesús A., Pierre J. (eds.). Special Section: Anthropology of White Supremacy // American Anthropologist. 2020. Vol. 122, Iss. 1. Pp. 65–162; Hyatt S. Black Lives Matter and the Public Rediscovery of Structural Racism // Anthropology News. 2021. Vol. 62, Iss. 6. <https://www.anthropology-news.org/articles/black-lives-matter-and-the-public-rediscovery-of-structural-racism/> (дата обращения 07.12.2021).**

¹¹ *Toobin J. Rights and Wrongs // The New Yorker. May 27, 2013. Pp. 36–43.* Когда мы с коллегой и одним из авторов этой книги В.В. Усачевой собирались начать исследование в «черном» районе городка Гантерсвилл в южном штате Алабама, наш американский друг позвонил в полицию, рассказал о цели наших ежедневных поездок в этот район и попросил записать номер нашей машины. Как он объяснил, иначе полицейские (а они в городке практически все были белыми) могли бы остановить нас: им не пришла бы в голову мысль, что белые люди могут ездить в «черный» район за чем-либо, кроме наркотиков. Как сказал, объясняя, почему почти все его друзья – черные американцы, как и он сам, один из собеседников в северном Массачусетсе, «если ты африкано-американец в этой стране, ты всегда вынужден осознавать, как тебя воспринимают. Всегда! Безусловно, тебе легче общаться с другими черными, потому что они не воспринимают тебя автоматически как угрозу. Я знаю, что многие люди в этой стране, которые сами не черные, не понимают этого». В 1953 г. африкано-американский прозаик Джеймс Болдуин писал в очерке «Чужак в деревне» (*Stranger in the Village*): «Быть чужаком – значит обращать на себя внимание, а быть черным – значит обращать на себя особое внимание» (*To be a stranger is to be looked at, but to be black is to be looked at especially*). Дж. Болдуин писал о своем опыте пребывания в Швейцарии, но представлял его как метафору расовых отношений в США (*Cole T. Black Body: Rereading James Baldwin's "Stranger in the Village" // The New Yorker. August 19, 2014. <https://www.newyorker.com/books/page-turner/black-body-rereading-james-baldwins-stranger-village> [дата обращения 11.11.2022]*). Актуальность сентенции писателя и через семь десятилетий подтверждает не только сказанное выше, но и то, что эта цитата использовалась как один из лейтмотивов организованной в 2022–2023 гг. Смитсоновским институтом передвижной выставки «Люди перемен. Власть. Триумф. Правда» (*Men of Change. Power. Triumph. Truth*), посвященной многогранности и глубине «черного наследия» в американском обществе и культуре (илл. 6).

¹² *Harrison F.V. Racial Profiling, Security, and Human Rights // At Close Range: The Curious Case of Trayvon Martin / Ed. K. Russell-Brown. Gainesville: University of Florida, 2013. P. 101.*

¹³ “The problem of the Twentieth Century is the problem of the color-line” (цит. по: *Fryer P. Staying Power: The History of Black People in Britain. London: Pluto Press, 1984. P. 285*).

---

¹⁴ *von Gleich P.* Fugitivity against the Border: Afro-Pessimism, Fugitivity, and the Border to Social Death // *Critical Epistemologies of Global Politics* / Ed. M. Woons, S. Weier. Bristol: E-International Relations Publishing, 2017. Pp. 206, 207.

¹⁵ Цит. по: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Отв. ред. О.А. Жидков. М.: Прогресс; Универс, 1993. С. 25.

¹⁶ *Mullen R.W.* Blacks in America's Wars: The Shift in Attitudes from the Revolutionary War to Vietnam. New York: Pathfinder, 1973; *Buckley G.* American Patriots: The Story of Blacks in the Military from the Revolution to Desert Storm. New York: Random House, 2001; *Sutherland J.* African Americans at War: An Encyclopedia. Vols. 1–2. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004. Один из наших респондентов, престарелый африкано-американец с незаконченным средним образованием, отвечая на вопрос: «Насколько велика роль африкано-американцев в истории страны?», сказал: «Очень, очень велика! Америка не выиграла бы войны и конфликты без нас». А вот фрагмент из письма автору другого пожилого африкано-американца, до выхода на пенсию – профессора истории в одном из университетов: «По оценкам, в Гражданской войне участвовало около 180 000 черных солдат; более 370 000 служили в Первую мировую войну и более 1 000 000 служили во Вторую мировую войну. Подобные оценки можно привести для Американской революции, войны во Вьетнаме и других. Один из исторических фактов, который так глубоко ожесточает черных американцев, которые всё это знают, заключается в том, что нас на самом деле постоянно включали [для участия в войнах] – возможно, более точное слово – эксплуатировали, но почти всегда с более низким статусом, соответствовавшим иногда кодифицированным, а часто даже неофициальным практикам сегрегации до интеграции вооруженных сил в 1948 г. (имеется в виду Исполнительный указ № 9981 президента Г.С. Трумэна от 26 июля 1948 г., упразднивший расовую, этническую и религиозную дискриминацию в вооруженных силах США. – Д.Б.)... Предвзятость продолжает практиковаться в некоторых местах даже после того, как сотни черных офицеров достигли на службе высоких званий, даже вплоть до уровня генерала» (письмо датировано 10.09.2022).

¹⁷ *Outlaw L.T.* Racial and Ethnic Complexities in American Life: Implications for African Americans // *Multiculturalism from the Margins: Non-Dominant Voices on Difference and Diversity* / Ed. D.A. Harris. Westport – London: Bergin & Garvey, 1995. P. 40.

¹⁸ См., например: *Crenshaw K., Gotanda N., Peller G., Thomas K.* (eds). *Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement*. New York: The New Press, 1995; *Delgado R., Stefancic J.* *Critical Race Theory: An Introduction*. New York: New York University Press, 2017; *Gillborn D., Dixon A.D., Ladson-Billings G., Parker L., Rollock N., Warmington P.* (eds.). *Critical Race Theory in Education*. Vol. 1–4. London: Routledge, 2018; *Fortin J.* *Critical Race Theory: A Brief History* // *The New York Times*. November 8, 2021. <https://www.nytimes.com/article/what-is-critical-race-theory.html> (дата обращения 12.01.2022). Анализ политических и законодательных дебатов вокруг критической расовой теории непосредственно в рассматриваемый в нашей главе период см.: *Александров Г.В.* Законодательное регулирование *Critical Race Theory* и политика памяти в США // *Вестник МГУ. Сер. 8. История*. 2022. № 5. С. 141–158; также см. главу 1.

¹⁹ *Kluckhohn C.* *Mirror for Man: The Relation of Anthropology to Modern Life*. New York – Toronto: Whittlesey House, 1949. Pp. 102–144.

---

²⁰ *Wilson-Fall W.* Black Diversities. 2021. <https://blackintheafricandiaspora.blog/2021/02/02/black-diversities/> (дата обращения 09.07.2021); см. также: *De Genova N.* The Stakes of an Anthropology of the United States // *The New Centennial Review*. 2007. Vol. 7, Iss. 2. Pp. 249–253; *Sanchez A.* The Colour of Anthropology // *Reading Against Racism: A Berghahn Collection*. 2021. Pp. 4–5. https://www.berghahnonline.com/reading-against-racism/Berghahn_RAR_00b-The_Colour_of_Anthropology.pdf (дата обращения 03.11.2021). Не случайно в XX в. в американской, а также западноевропейской лево-радикальной науке и в советской американистике существовала концепция черного сообщества как «внутренней колонии» США (*Carmichael S., Hamilton C.V.* Black Power: The Politics of Liberation. New York: Random House, 1967; см. также: *Шаскольский А.И.* Негритянские гетто – «внутренняя колония» Америки? // *Советская этнография*. 1976, № 4. С. 71–77; один из отголосков этой теории уже на излете XX столетия см.: *Gledhill J.* Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics. London – Chicago: Pluto Press, 1994. Pp. 162–163), а в наши дни немало ученых рассматривает существовавший в Южной Африке с 1948 до 1994 г. режим апартеида, основанный на расовой сегрегации, как особую форму колониализма (см.: *Шубин В.Г.* Южная Африка: деколонизация особого типа? // *Африка: постколониальный дискурс* / Отв. ред. Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 169–180). Развивающаяся же в США с 1980-х годов (прежде всего усилиями М.К. Асанта) теория афроцентризма во многих отношениях является типичной постколониалистской теорией: «Философско-методологическая составляющая афроцентризма развивалась в рамках постколониального дискурса и одновременно с направлением постколониальных исследований...» (*Хохолькова Н.Е.* Афроцентризм в США: теория и практика социокультурных трансформаций. М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 26). Показательно и то, что многие формы борьбы с расизмом, ставшие популярными в США в наши дни (переименование улиц, переписывание учебников истории и т.п.), идентичны тому, что делалось и делается в постколониальных государствах, в частности, Африки (см., например: *Mamvura Z., Pfkwa C., Mutasa D.E.* Scale, Street Renaming and the Continued Visibility of Colonial Street Names in Harare // *Nomina Africana*. 2020. Vol. 34, Iss. 1. Pp. 21–32; *Иванченко О.В.* Школьный учебник как путь к стабильной нации: источники формирования исторической памяти об арабской работорговле 19 века в современной Танзании // *Молодежь в социально-политической и культурной жизни Африки* / Отв. ред. Н.Л. Крылова, Н.В. Гришина, Н.А. Ксенофонтова. М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 90–102). Хотя это не является задачей данной работы, все же отметим в примечании, что, по нашему мнению (см.: *Бондаренко Д.М.* Постколониальный дискурс и репрезентации рабства и Гражданской войны 1861–1865 гг. на Севере и Юге США. Доклад на VII Международных Зверевских чтениях по американистике «Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra». Москва, 13–15 мая 2021 г.; *Bondarenko D.M.* To Cultural Anthropology of the USA: Postcolonial Discourse and Representations of the Civil War, Slavery, and Its Abolition in the US North and South. Paper at “Truth and Responsibility”. American Anthropological Association 2021 Annual Meeting. Baltimore & online, November 16–19, 2021), существуют предпосылки для рассмотрения в рамках постколониального дискурса и ряда явлений за пределами мира, обычно понимаемого как постколони-

---

альный, – афро-азиатского. В частности, до сих пор не рассматриваются в этих рамках страны Северной Америки, а государства Южной Америки рассматриваются лишь изредка (см.: *Kaltmeier O., Lindner U., Mailaparambil B. Reflecting on Concepts of Coloniality / Postcoloniality in Latin American, South Asian and African Historiography // Comparativ: Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung. 2011. Bd. 21, Ht. 1. S. 16–20*), несмотря на то, что некогда колониальные режимы охватывали всю территорию обеих Америк. В отличие от адептов ныне практически уходящих в прошлое теорий «третьего мира» или «развивающихся стран», рассматривавших современные государства не только Азии и Африки, но и Латинской Америки как явления, сущностно однопорядковые, теоретики постколониализма чаще всего сужают границы постколониального мира до Азии и Африки на тех эксплицитно высказываемых или имплицитно поддерживаемых основаниях, что страны Северной и Южной Америки существовали как колонии и обрели независимость в целом гораздо раньше, чем страны Азии и Африки, в иных глобальных социально-экономических условиях, и что расовая и этнокультурная композиция суверенных государств Северной и Южной Америки, в которой доминируют потомки колонизаторов, принципиально иная, нежели в странах Азии и Африки. С одной стороны, такая позиция в целом оправдана (*Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: ЯСК, 2022. С. 9–10*). Однако, с другой стороны, представляется, что там, где и сегодня существуют, по выражению Антонио Грамши, «угнетенные социальные группы» «на задворках истории» (см.: *Buttigieg J.A. Dizionario gramsciano / Gramsci dictionary: subaltern / Subalterns // International Gramsci Journal. 2018. Vol. 3, Iss. 1. Pp. 8–17*), т.е. сообщества «субальтернов» – маргинализированные, лишённые прав на признание значимости собственного прошлого и полного голоса в определении собственной судьбы в настоящем, постколониальный дискурс может быть уместным контекстом научного исследования. С этой точки зрения африкано-американцы, возможно, наилучший объект для постколониалистского анализа за пределами географического Глобального Юга – анализа, основанного на «постколониальном дискурсе», который «с момента своего вхождения в академический мейнстрим еще в конце 1970-х годов... стал популярным голосом для пробуждения субальтернов» (*Chu Y.W. Postcolonial Discourse in the Age of Globalization // Globalization: Critical Issues / Ed. A. Chun. New York – Oxford: Berghahn, 2004. Pp. 38–39*). Так, Ф. Обенг-Одоом прямо рассматривает африкано-американцев в контексте проблематики Глобального Юга, поскольку, по его мнению, она должна «включать те социальные отношения на Глобальном Севере, которые напоминают или формируют условия, относящиеся к географическому Глобальному Югу» (*Obeng-Odoom F. Property, Institutions, and Social Stratification in Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 3*). Как типичные субальтерны африкано-американцы изучаются в коллективной монографии «Локальные акции. Культурный активизм, власть и общественная жизнь в Америке» (*Checker M., Fishman M. (eds.) Local Actions. Cultural Activism, Power and Public Life in America. New York: Columbia University Press, 2004*), и автор рецензии на нее, Д. Перо, видит в этом законную параллель примерам анализа субальтернов «в “незападных” обществах» (*Peró D. Engaging Power. Recent Approaches to the Study of Political Practices // Social Anthropology. 2005. Vol. 13, Iss. 3. P. 333*).

---

²¹ *Painter N.I.* Creating Black Americans: African-American History and Its Meanings, 1619 to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2006; *Perry I.* More Beautiful and More Terrible: The Embrace and Transcendence of Racial Inequality in the United States. New York: New York University Press, 2011; *von Gleich P.* Op. cit.; *Bonilla-Silva E.* Op. cit.; *Jerry A.R.* The First Time I Heard the Word: The “N-word” as a Present and Persistent Racial Epithet // *Transforming Anthropology*. 2018. Vol. 26, Iss. 1. Pp. 36–49; *Moses Y.T.* Anthropological Perspectives on Race, Nation, Economics, and White Supremacy // *Economic Anthropology*. 2023. Vol. 10, Iss. 1. Pp. 132–134.

²² См., например, в Великобритании: *Майлз Р., Браун М.* Расизм. М.: РОССПЭН, 2008. С. 25–26, 139–141.

²³ *Carmichael S., Hamilton C.V.* Op. cit. Благодаря идеям и положениям, высказанным С. Кармайклом и Ч.В. Хэмилтоном в этой получившей широкую известность в общественных и научных кругах книге, «...понятие расизма оказалось расширено в том отношении, что стало включать не только убеждения, но и, главное, все действия, индивидуальные и институциональные, имевшие следствием сохранение и усугубление неравноправного положения “черных”» (*Майлз Р., Браун М.* Указ. соч. С. 85).

²⁴ *Бачелет М.* Убийства полицейскими чернокожих – следствие системного расизма // *Новости ООН*. 28.06.2021. <https://news.un.org/ru/story/2021/06/1405462> (дата обращения 30.11.2021); *её же.* Системный расизм – наследие непризнанных преступлений прошлого // Там же. 12.07.2021. <https://news.un.org/ru/story/2021/07/1406222> (дата обращения 30.11.2021).

²⁵ *Harris C.I.* Whiteness as Property // *Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement* / Ed. K. Crenshaw, N. Gotanda, G. Peller, K. Thomas. New York: The New Press, 1995. Pp. 276–291.

²⁶ *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. С. 138; см. также: *Megill A.* History, Memory, Identity // *History of the Human Sciences*. 1998. Vol. 11, Iss. 3. Pp. 37–62.

²⁷ *Owley J., Phelps J.* Understanding the Complicated Landscape of Civil War Monuments // *Indiana Law Journal*. 2018. Vol. 93, Iss. 5. P. 16.

²⁸ *LaCapra D.* Understanding Others: Peoples, Animals, Pasts. Ithaca – London: Cornell University Press, 2018. P. 106.

²⁹ *Preyer G., Bös M.* Introduction: Borderlines in Time of Globalization // *ProtoSociology*. 2001. Vol. 15. P. 7.

³⁰ *Idowu W.O.O.* Citizenship, Alienation and Conflict in Nigeria // *Africa Development*. 1999. Vol. 24, Iss. 1–2. P. 48; см. также: *Bader V.* Citizenship and Exclusion: Radical Democracy, Community, and Justice. Or, What is Wrong with Communitarianism? // *Political Theory*. 1995. Vol. 23, Iss. 2. Pp. 211–246; *Moore M.* The Ethics of Nationalism. Oxford: Oxford University Press, 2001. Pp. 25–134; *Sassen S.* Incompleteness and the Possibility of Making: Towards Denationalized Citizenship? // *Cultural Dynamics*. 2009. Vol. 21, Iss. 3. Pp. 227–254; *Акопов С.В., Розанова М.С.* Идентичности в эпоху глобальных миграций. СПб.: ДЕАН, 2010. С. 14–22; *Aminzade R.* Race, Nation, and Citizenship in Postcolonial Africa: The Case of Tanzania. New York: Cambridge University Press, 2013. Pp. 1–7.

³¹ *Курилла И.И.* Переосмысление Гражданской войны в современном американском обществе // *Американский ежегодник 2021* / Отв. ред. В.В. Согрин. М.: Весь мир, 2021. С. 341–342.

---

³² См. подробное изложение и рассмотрение этого взгляда в его различных вариантах: Second American Civil War. https://en.wikipedia.org/wiki/Second_American_Civil_War (дата обращения 09.09.2022).

³³ Курилла И.И. Указ. соч. С. 339, 341.

³⁴ См. также: Александров Г.В. Указ. соч. С. 156.

³⁵ Ахметшин Р.И. Радикальные течения в движении афроамериканцев за гражданские права и свободы во второй половине XX в. Автореф. дис. ... к.и.н. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 21, 24.

³⁶ См., например: *Blakely A.* Remembering Slavery in the United States // Facing up to the Past: Perspectives on the Commemoration of Slavery from Africa, the Americas and Europe / Ed. G. Oostindie. Kingston: Ian Randle, 2001. Pp. 102–108; *Horton J.O., Horton L.E.* (eds.). Slavery and Public History: The Tough Stuff of American Memory. New York: The New Press, 2006; *Gallas K.L., Perry J.D.* (eds.). Interpreting Slavery at Museums and Historic Sites. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015.

³⁷ *Akbar N.* Chains and Images of Psychological Slavery. Jersey City: New Mind Productions, 1984; *Eyerman R.* Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; *Idem.* Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Cultural Trauma and Collective Identity / Ed. by J.C. Alexander. Berkeley: University of California Press, 2012. Pp. 60–111; *Бондаренко Д.М.* Оттенки черного...

³⁸ *Супоницкая И.М.* Антиномия американского Юга...

³⁹ *Chappell B.* Statue of Lincoln with Formerly Enslaved Man at His Feet is Removed in Boston. 2020. <https://www.npr.org/2020/12/29/951206414/statue-of-lincoln-with-freed-slave-at-his-feet-is-removed-in-boston> (дата обращения 31.12.2020); *Guerra C.* Boston Art Commission Votes Unanimously to Remove Emancipation Memorial. 2020. <https://wbur.org/artery/2020/07/02/boston-emancipation-memorial-park-square-to-be-removed> (дата обращения 10.11.2020); *Miller M.* Norton puts Emancipation statue in Lincoln Park under scrutiny for removal. 2020. <https://wtop.com/dc/2020/06/norton-puts-emancipation-statue-in-lincoln-park-under-scrutiny-for-removal/> (дата обращения 10.11. 2020).

⁴⁰ *Murray F.H.M.* Emancipation and the Freed in American Sculpture: A Study in Interpretation. Washington: The Author, 1916. Pp. 198–199.

⁴¹ *The Birth of a Nation.* Знаменитый художественный немой фильм 1915 г. режиссера Дэвида Гриффита по произведениям Томаса Диксона, проникнутый симпатией к белым расистам-южанам; действие фильма разворачивается в период от кануна Гражданской войны 1861–1865 гг. до последовавшей за ней Реконструкции Юга 1865–1877 гг.

⁴² *Gone with the Wind.* Роман Маргарет Митчелл (1936 г.) и одноименный фильм Виктора Флеминга (1939 г.), ставшие классикой литературы и киноискусства, в которых жизнь довоенного Юга и Гражданская война представлены с проюжных позиций.

⁴³ *Ayers E.L.* Memory and the South // Southern Cultures. 1995. Vol. 2, Iss. 1. P. 7. Отметим, что статья Э.Л. Айерса, упоминающая в качестве ключевого момента в истории культурного расхождения Севера и Юга Движение за гражданские права, была опубликована за двадцать лет до начала кампании по развенчанию Конфедерации и ее деятелей после массового убийства африкано-американцев в церкви в

Чарльстоне и за четверть века до сотрясших США событий, последовавших за убийством Джорджа Флойда (см. ниже).

⁴⁴ *Wright J.D., Cheung I., Esses V.M.* Is Support for Confederate Symbols Motivated by Southern Pride or Racism? Further Distinctions Between “Traditionalists” and “Supremacists”. 2020. Preprint DOI 10.31234/osf.io/pnkmy. <https://psyarxiv.com/pnkmy/> (дата обращения 26.02.2021); см. также: *Braunstein R.* The “Right” History: Religion, Race, and Nostalgic Stories of Christian America // *Religions*. 2021. Vol. 12, № 2 (95). Pp. 1–21.

⁴⁵ Эпоха Джима Кроу – название периода узаконенной расовой сегрегации в ряде штатов, охватывающего 1890–1964 гг. Называется так по имени персонажа комической песни, чье имя стало нарицательным для обозначения бедного неграмотного афрокиано-американца.

⁴⁶ К примеру, только за одну неделю в середине июня 2020 г. члены городского совета Нью-Йорка потребовали убрать из мэрии памятник одному из авторов Декларации независимости и третьему президенту США Томасу Джефферсону, руководство Американского музея естественной истории обратилось к властям Нью-Йорка с просьбой демонтировать известный памятник 26-му президенту страны Теодору Рузвельту перед главным входом в музей (что было сделано в январе 2022 г.), в г. Портленде (штат Орегон) был осквернен и сброшен с постамента памятник первому президенту Джорджу Вашингтону, а в г. Альбукерке (штат Нью-Мексико) протестующие потребовали убрать памятник испанскому конкистадору и губернатору Хуану де Оньяте (*Pogrebin R.* Roosevelt Statue to Be Removed From Museum of Natural History // *The New York Times*. June 21, 2020, updated January 19, 2022. <https://nytimes.com/article/what-is-critical-race-theory.html> [дата обращения 23.01.2022]). Все эти исторические личности не имели отношения к Гражданской войне, но в наше время они стали символами изначальности и непреходящести расизма в США на всей территории страны и на всем протяжении ее истории – и до, и после освобождения рабов.

⁴⁷ *Кирчанов М.В.* Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2017, № 12. С. 63–75; *Травкина Н.М.* Ожившая история США: гражданская война памятников // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11, № 2. С. 12–29; *McChesney L.S.* (ed.). *Mobilizing Museum Anthropology: Responses to Public Discourse around Heritage, Monuments, Education, and Racism* // *Museum Anthropology*. 2018. Vol. 41, Iss. 2. Special Issue. Pp. 113–141; *Deming M.E., Boone K.* Symbolic Conversations in Public Landscapes of the American South: revisiting the Confederate Legacy // *Landschaftskonflikte* / Hrsg. K. Berr, C. Jenal. Wiesbaden: Springer VS, 2019. Pp. 535–555; *Benjamin A., Block Jr. R., Clemons J., Laird C., Wamble J.* Set in Stone? Predicting Confederate Monument Removal // *Political Science and Politics*. 2020. Vol. 53, Iss. 2. Pp. 237–242.

⁴⁸ *Ретина Л.П.* Символы прошлого и «встреча культур» в парадигме истории памяти // *Антропология и этнология: современный взгляд* / Отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 361.

⁴⁹ *Супоницкая И.М.* Закончилась ли Гражданская война в США? // *Коллективная память: власть прошлого в социокультурной жизни Америки*. С. 187.

⁵⁰ *Ayers E.L.* *Op. cit.* P. 6.

---

⁵¹ *Lawrence-Sanders A.* Beyond Monuments: African Americans Contesting Civil War Memory. 2017. <http://www.aaihs.org/beyond-monuments-african-americans-contesting-civil-war-memory/> (дата обращения 21.12.2017).

⁵² *O'Connell H.A., Forrest D.L.* Confederate Monument Inscriptions: Different Times, Different Places, Different Messages // *Du Bois Review: Social Science Research on Race*. 2020. Vol. 17, Iss. 1. P. 98.

⁵³ *Talbert R.D., Christie-Mizell C.A.* Public Confederate Monuments and Racial Identity among White Americans // *Identities in Action: Developments in Identity Theory* / Ed. P.S. Brenner, J.E. Stets, R.T. Serpe. Cham: Springer, 2021. Pp. 111–129.

⁵⁴ *Neff J.R.* Honoring the Civil War Dead: Commemoration and the Problem of Reconciliation. Lawrence: University Press of Kansas, 2005.

⁵⁵ Совершившие автомобильное путешествие по США в 1935 г. советские писатели Илья Ильф и Евгений Петров в своем фирменном ироничном стиле писали, покидая штаты Севера: «В памяти засели названия бесчисленных городков, где мы завтракали, обедали, ходили в кино или ночевали... Во всех этих городках и в сотне других... на главной площади стоят памятнички солдату гражданской войны Севера с Югом. Это очень смиренные памятники, маленького роста и совсем не воинственные... Кроме того, каждый американский городок, жители которого не лишены законного чувства патриотизма, располагает еще пушкой времен той же войны Севера с Югом и небольшой кучкой ядер. Пушка и ядра располагаются обычно неподалеку от солдата и в купе образуют военно-исторический раздел городка» (*Ильф И., Петров Е.* Одноэтажная Америка. М.: Издательство АСТ, 2022. С. 185, 186).

⁵⁶ *Kerr J.N.* God-Given Work: The Life and Times of Sculptor Meta Vaux Warrick Fuller, 1877–1968. Ph.D. Diss. Amherst: University of Massachusetts, 1987; *Ater R.* Re-making Race and History: The Sculpture of Meta Warrick Fuller. Berkeley: University of California Press. 2011.

⁵⁷ Кристофер Грэхэм пишет: «Новое, и притом ложное, историческое утверждение о том, что черные мужчины служили в объединенной армии Конфедерации, является одновременно обновленной версией образа лояльных рабов и всецело современной попыткой сделать Конфедеративные Штаты приемлемыми для мира разнообразия и инклюзии» (*Graham C.A.* Lost Cause Myth // *The Inclusive Historian's Handbook*. May 13, 2020. <https://inclusivehistorian.com/lost-cause-myth/> [дата обращения 28.11.2021]; см. также: *Smith S.* Black Confederates: Truth and Legend. 2015. <https://www.battlefields.org/learn/articles/black-confederates-truth-and-legend> [дата обращения 03.12.2021]). Были рабы, привлекавшиеся к выполнению различных работ в помощь армии, поддерживавшие ее офицеров и солдат – своих хозяев. Десятилетия спустя после окончания войны ветераны армии Конфедерации вспоминали таких рабов в своих мемуарах (см., например: *Hoopes J.W.* The Confederate Memoir of William M. Abernathy. Pt. 1 // *Confederate Veteran Magazine*. 2003. Vol. 2. P. 23; *Ibid.* Pt. 2. // *Confederate Veteran Magazine*. 2003. Vol. 3. P. 17). Но в армии южан они действительно не служили (*Bonekemper, III E.* The Myth of the Lost Cause. New York: Regnery Publishing, 2015. Pp. 78–92). Однако в конечном счете вопрос на самом деле не в том, существовали ли «верные рабы» в принципе, а в том, что белые южане создавали впечатление массовой поддержки рабами их борьбы с северянами, чего, конечно, не было и в помине (*Blight D.* A Slave No More: Two Men Who Escaped to Freedom. New York:

Mariner Books, 2007; *Levine B.* Confederate Emancipation: Southern Plans to Free and Arm Slaves during the Civil War. Oxford: Oxford University Press, 2007).

⁵⁸ Об истории создания этого мемориала см.: *Johnson K.D.* No Holier Spot of Ground: Confederate Monuments & Cemeteries of South Carolina. Charleston: The History Press, 2009. Pp. 105–110.

⁵⁹ *Marks J.* Fort Mill's Confederate Monuments Point to Conflict, Heritage. The Debate Goes on. 2020. <https://www.heraldonline.com/news/local/article245974750.html> (дата обращения 10.11.2020); *Marks J., Derickson C., Dys A.* "History Has a Place": Who should Decide if Confederate Monuments Stand in Fort Mill? 2020. <https://www.heraldonline.com/news/politics-government/article243598962.html> (дата обращения 10.11.2020); *Rickabaugh G.* Town of Fort Mill on Confederate Park: We Cannot Legally Rename Park or Remove Statues. 2020. <https://fortmillsun.com/2020/06/21/town-of-fort-mill-on-confederate-park-we-cannot-legally-rename-park-or-remove-statues/> (дата обращения 10.11.2020).

⁶⁰ *Blevins E.E.* Forever in Mourning: Union and Confederate Monuments, 1860–1920 // *Nineteenth Century*. 2019. Vol. 39, Iss. 2. P. 24. Также см.: *Emerson B.A.C.* Historic Southern Monuments: Representative Memorials of the Heroic Dead of the Southern Confederacy. New York – Washington: Neale, 1911; *Baruch M.C., Beckman E.J.* Civil War Union Monuments. Washington: Daughters of Union Veterans of the Civil War, 1978; *Widener Jr. R.W.* Confederate Monuments: Enduring Symbols of the South and the War Between the States. Washington: Andromeda, 1982; *Savage K.* Standing Soldiers, Kneeling Slaves: Race, War, and Monument in Nineteenth-Century America. Princeton – Oxford: Princeton University Press, 2018; *O'Connell H.A., Forrest D.L.* Op. cit.; *Talbert R.D., Christie-Mizell C.A.* Op. cit.

⁶¹ *McPherson J.M.* For Cause and Comrades: Why Men Fought in the Civil War. New York: Oxford University Press, 1997. P. 106; см. подробно: *Ibid.* Pp. 104–116; *Idem.* What They Fought For, 1861–1865. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1994. Pp. 9–26.

⁶² *Frank J.A.* With Ballot and Bayonet: the Political Socialization of American Civil War Soldiers. Athens: University of Georgia Press, 1998. P. 62.

⁶³ *McPherson J.M.* For Cause and Comrades...; *Idem.* What Caused the Civil War? // North and South: The Official Magazine of the Civil War Society. 2000. Vol. 4, Iss. 1. Pp. 12–22; *Idem.* The Struggle for Equality: Abolitionists and the Negro in the Civil War and Reconstruction. Princeton: Princeton University Press, 2014; *Алентьева Т.В.* Сецессия глазами южан // Проблемы преподавания и изучения истории зарубежных стран. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Селиванов. Курск: Изд-во КГУ, 2004. С. 129–164; *её же.* Усиление антирабовладельческой республиканской риторики накануне Гражданской войны (1856–1861) // Известия Смоленского государственного университета. 2008, № 4. С. 164–174.

⁶⁴ *Woodworth S.E.* This Great Struggle: America's Civil War. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2011. P. 29; также см. подробно: *Faust D.G.* The Creation of Confederate Nationalism: Ideology and Identity in the Civil War South. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1988. Pp. 58–81.

⁶⁵ *Osterweis R.G.* The Myth of the Lost Cause, 1865–1900. Hamden: Archon Books, 1973; *Wilson C.R.* Baptized in Blood: The Religion of the Lost Cause, 1865–1920. Athens: University of Georgia Press, 1980; *Foster G.M.* Ghosts of the Confederacy: Defeat, the

---

Lost Cause, and the Emergence of the New South, 1865 to 1913. New York: Oxford University Press, 1987; *Gallagher G.M., Nolan A.T.* (eds.). *The Myth of the Lost Cause and Civil War History*. Bloomington: Indiana University Press 2000; *Blight D.W.* *Race and Reunion: The Civil War in American Memory*. Cambridge; London: Harvard University Press, 2001; *Прокопенков Г.Ю.* «Старый Юг» в исторической памяти американцев (1870-е – 1910-е гг.). Дис. ... к.и.н. М.: РГГУ, 2017. С. 110–118; *Domby A.H.* *The False Cause: Fraud, Fabrication, and White Supremacy in Confederate Memory*. Charlottesville: University of Virginia Press, 2020.

⁶⁶ *Pollard E.A.* *The Lost Cause: A New Southern History of War of the Confederates*. New York: E.B. Treat & Co, 1866.

⁶⁷ *Idem.* *The Lost Cause Regained*. New York: G.W. Carleton & Co; London: S. Low, Son & Co, 1868.

⁶⁸ *Barnhart T.A.* *Albert Taylor Bledsoe: Defender of the Old South and Architect of the Lost Cause*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2011; *Reynolds D.S.* *Abraham Lincoln in His Times*. New York: Penguin Press, 2020. P. 108.

⁶⁹ *Bledsoe A.T.* *An Essay on Liberty and Slavery*. Philadelphia: Lippincott & Co, 1856.

⁷⁰ *Brophy A.L.* *University, Court, and Slave: Pro-Slavery Thought in Southern Colleges and Courts and the Coming of Civil War*. New York: Oxford University Press, 2016. P. 89.

⁷¹ *Osborne C.* *Jubal: The Life and Times of General Jubal A. Early, CSA, Defender of the Lost Cause*. Chapel Hill: Algonquin Books of Chapel Hill, 1992; *Gallagher G.W.* *Jubal A. Early, the Lost Cause, and Civil War History: A Persistent Legacy*. Milwaukee: Marquette University Press, 1995; *Cooling B.F.* *Jubal Early: Robert E. Lee's "Bad Old Man"*. Lanham – London: Rowman & Littlefield, 2014. Pp. 131–144.

⁷² См.: *Loewen J.W., Sebesta E.H.* (eds.). *The Confederate and Neo-Confederate Reader: The "Great Truth" about the "Lost Cause"*. Jackson: University Press of Mississippi, 2010.

⁷³ О том, как идеология и мифология «проигранного дела» стали одной из основ общества, начавшего жить по законам Джима Кроу, см.: *Blight D.W.* *Op.cit.* Pp. 255–299; *Prince K.S.* *Stories of the South: Race and the Reconstruction of Southern Identity, 1865–1915*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2014. Pp. 205–246; *Gates Jr. H.L.* *The "Lost Cause" That Built Jim Crow* // *The New York Times*. November 8, 2019. <https://nytimes.com/2019/11/08/opinion/sunday/jim-crow-laws.html> (дата обращения 28.11.2021).

⁷⁴ *Lee J.E.* *Sifting Through the Debris Once More: Lessons from the United States' Civil War* // *Anthropology across Borders and Limits: 1st Independent Research Network Papers (Proceedings from the 3rd – 5th Russian-American Research Nexus Forums)* / Ed. R.N. Ignatiev, V.V. Fediushin. Lac-Beauport: Meabooks, 2023. Pp. 141–142.

⁷⁵ *O'Connell H.A., Forrest D.L.* *Op. cit.* Pp. 88, 93. См. также: *Talbert R.D., Christie-Mizell C.A.* *Op. cit.* Pp. 111, 126.

⁷⁶ *Spearman M.M.* *South Carolina Social Studies College- and Career-Ready Standards*. 2019. Pp. 73, 35, 36. <https://static1.squarespace.com/static/5c1d35191137a65972107b0f/t/608b25615f1f6a1670a5731f/1619731813360/2019-SCSSCCRStandards-Final+with+appendices.pdf> (дата обращения 13.12.2022).

⁷⁷ *Graham C.A.* *Op. cit.*

---

⁷⁸ См., например: *Janney C.E.* The next Lost Cause? // The Washington Post. July 31, 2020. <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/07/31/lost-cause-donald-trump/> (дата обращения 12.11.2021); *Cox K.L.* Five Myths about the Lost Cause // The Washington Post. January 14, 2021. https://washingtonpost.com/outlook/five-myths/five-myths-about-the-lost-cause/2021/01/14/78853464-55f9-11eb-a08b-f1381ef3d207_story.html (дата обращения 12.11.2021); *Smith C.* Why Confederate Lies Live On // The Atlantic. May 10, 2021. <https://theatlantic.com/magazine/archive/2021/06/confederate-lost-cause-myth/618711/> (дата обращения 12.11.2021).

⁷⁹ См., например: *Smith J.* Trump's Lost Cause // Rolling Stone. December 31, 2020. <https://www.rollingstone.com/politics/political-commentary/trump-new-lost-cause-1108692/> (дата обращения 12.11.2021); *Cox K.L.* What Trump Shares With the "Lost Cause" of the Confederacy // The New York Times. January 8, 2021. <https://nytimes.com/2021/01/08/opinion/trump-confederacy-lost-cause.html> (дата обращения 12.11.2021); *Stanton Z.* How Trumpism Is Becoming America's New "Lost Cause" // Politico Magazine. January 21, 2021. <https://www.politico.com/news/magazine/2021/01/21/trump-civil-war-reconstruction-biden-lost-cause-461161> (дата обращения 12.11.2021); *Black E.* Trumpism as a "Lethal Lost Cause" // MinnPost. August 2, 2021. <https://minnpost.com/eric-black-ink/2021/08/trumpism-as-a-lethal-lost-cause/> (дата обращения 12.11.2021); *Graham D.A.* The New Lost Cause // The Atlantic. October 19, 2021. <https://theatlantic.com/ideas/archive/2021/10/donald-trumps-new-lost-cause-centers-january-6/620407/> (дата обращения 12.11.2021); *Truscott, IV L.K.* Trump's Big Lie is the New Lost Cause – and It May Poison the Country for Decades // Salon. October 23, 2021. <https://salon.com/2021/10/23/big-lie-is-the-new-lost-cause--and-it-may-poison-the-country-for-decades/> (дата обращения 10.08.2023).

⁸⁰ *Ore E.* The Lost Cause, Trump Time, and the Necessity of Impatience // Rhetoric Society Quarterly. 2021. Vol. 51, Iss. 3. Pp. 237–239.

⁸¹ *Leib J., Webster G.* Rebel with(out) a Cause? The Contested Meanings of the Confederate Battle Flag in the American South // Flag, Nation and Symbolism in Europe and America / Ed. by T.H. Eriksen, R. Jenkins. London – New York: Routledge, 2007. P. 41.

⁸² *Paradis M.* The Lost Cause's Long Legacy // The Atlantic. June 26, 2020. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/06/the-lost-causes-long-legacy/613288/> (дата обращения 26.11.2021); *Blight D.W.* Europe in 1989, America in 2020, and the Death of the Lost Cause // The New Yorker. July 1, 2020. <https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/europe-in-1989-america-in-2020-and-the-death-of-the-lost-cause> (дата обращения 21.02.2021).

⁸³ *Helmore E.* Alabama City Told to Keep Confederate Street Name or Face \$25,000 Fine // The Guardian. November 25, 2021. <https://www.theguardian.com/us-news/2021/nov/25/alabama-city-confederate-street-name-fine> (дата обращения 26.11.2021).

⁸⁴ См., например: *Landrieu M.* "We Can't Walk Away From This Truth" // The Atlantic. May 23, 2017. <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/05/we-cant-walk-away-from-this-truth/527721/> (дата обращения 26.11.2021); *[Idem].* Full Speech: Mitch Landrieu Addresses Removal of Confederate Statues // The Washington Post. May 31, 2017. <https://www.youtube.com/watch?v=csMbjG0-6Ak> (дата обращения 26.11.2021); *Idem.* How I Learned About the "Cult of the Lost Cause" // Smithsonian Magazine. March 12, 2018. <https://www.smithsonianmag.com/history/how-i-learned-about-cult-lost-cause-18096>

8426/ (дата обращения 26.11.2021). Анализ и критику выступлений М. Ландрэ см.: *Pippenger N.* Opposition to the Lost Cause Is Still Political // *Democracy: A Journal of Ideas*. May 30, 2017. <https://democracyjournal.org/arguments/opposition-to-the-lost-cause-is-still-political/> (дата обращения 26.11.2021); *Carr M.K.* “Lost Cause” Memories and Cultural Amnesias: Mayor Mitch Landrieu’s Tragicomic Speech on Confederate Monument Removals // *Social Science Quarterly*. 2021. Vol. 102, Iss. 3. Pp. 1032–1043.

⁸⁵ *Williams D.* Lost Cause Religion // *New Georgia Encyclopedia*. 2017. <https://georgia-encyclopedia.org/articles/arts-culture/lost-cause-religion/> (дата обращения 26.11.2021).

⁸⁶ *Carter S.* The Cult of the Confederacy in 21st Century America. 2021. https://researchgate.net/publication/350055134_The_Cult_of_the_Confederacy_in_21st_Century_America (дата обращения 28.10.2021).

⁸⁷ *Talbert R.D., Christie-Mizell C.A.* Op. cit. P. 126.

⁸⁸ См., например: *Broadwater R.P.* Did Lincoln and the Republican Party Create the Civil War?: An Argument. Jefferson: McFarland & Company, Inc., 2008.

⁸⁹ Об истории клана Уайтов-Спрингсов и принадлежащего ему по сей день особняка, в котором размещается архив, – ныне старейшего здания в Форт-Милле (1731 г. постройки) см.: *Pettus L.* The White Homestead: The Story of a House, the People who Lived in It, and the Land around It. s.l.: s.n. Одним из хозяев дома был капитан Самюэль Уайт – инициатор создания в Форт-Милле Парка Конфедерации.

⁹⁰ *Galaty M.L.* Memory and Nation Building: From Ancient Times to the Islamic State. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. P. 163.

⁹¹ *Mitcham Jr. S.W.* It Wasn’t About Slavery: Exposing the Great Lie of the Civil War. Washington: Regnery History, 2020.

⁹² *McPherson J.M.* Battle Cry of Freedom: The Civil War Era. New York: Oxford University Press, 1988. Pp. 490–510; *Idem.* The Struggle for Equality. Pp. 9–133; *Idem.* The War That Forged a Nation: Why the Civil War Still Matters. New York: Oxford University Press, 2017. Pp. 108–122; *Boritt G.S.* “And the War Came”? Abraham Lincoln and the Question of Individual Responsibility // *Why the Civil War Came* / Ed. G.S. Boritt. New York: Oxford University Press, 1996. Pp. 3–30; *Foner E.* The Fiery Trial: Abraham Lincoln and American Slavery. New York: W.W. Norton & Company, 2010; *Johnson M.P.* (ed.). Abraham Lincoln, Slavery, and the Civil War: Selected Writing and Speeches. Second Edition. Boston: Bedford, 2010; *Woodworth S.E.* Op. cit. Pp. 161–165.

⁹³ *Курилла И.И.* Указ. соч. С. 342.

⁹⁴ *Иванов Р.Ф.* Гражданская война 1861–1865 гг. // Черные американцы в истории США. Т. 1. 1526–1917 / Отв. ред. Р.Ф. Иванов. М.: Мысль, 1986. С. 110–116; *Stampf K.* (ed.). The Causes of the Civil War: Revised Edition. New York: Simon & Schuster, 1992; *Boritt G.S.* (ed.). Why the Civil War Came. New York: Oxford University Press, 1996; *Link W.A.* Roots of Secession: Slavery and Politics in Antebellum Virginia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003; *Ayers E.L.* What Caused the Civil War? Reflections on the South and Southern History. New York – London: W.W. Norton & Company, 2005. Pp. 131–144; *Алентьева Т.В.* Причины Гражданской войны (1861–1865) в новейшей американской историографии // Новая и новейшая история. 2007, № 5. С. 66–79; *McPherson J.M.* Battle Cry of Freedom... Pp. 78–144; *Ibid.* This Mighty Scourge: Perspectives on the Civil War. New York: Oxford University Press, 2007. Pp. 1–76; *Calore P.* The Causes of the Civil War: The Political, Cultural, Economic, and Territorial

---

Disputes between North and South. Jefferson: McFarland & Co., 2008; *Woodworth S.E.* Op. cit. Pp. 1–24; *Шухов В.А.* Проблема рабства как важнейшая причина Гражданской войны в США в отечественной и американской историографии // Вопросы всеобщей истории. 2013, № 15. С. 149–156; *Badger E.* Of Course the Civil War was about Slavery // Pacific Standard. May 2, 2018. <https://psmag.com/education/of-course-the-civil-war-was-about-slavery-26265> (дата обращения 18.12.2020); *Латыпова Н.С.* Гражданская война (1861–1865 гг.) и ее влияние на формирование государственно-правовой системы США. М.: Наука, 2019. С. 3, 32–67; *Она же.* Дискуссия о причинах Гражданской войны в США (1861–1865): периодизация историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 8–20; *Masur L.P.* The U.S. Civil War: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2020. Pp. 5–29.

⁹⁵ *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. С. 196–236, 528–531.

⁹⁶ *McPherson J.M.* For Cause and Comrades... P. 118; см. подробно: *Ibid.* Pp. 117–130; *Idem.* What They Fought For... Pp. 47–70.

⁹⁷ *Greenthal K.* Augustus Saint-Gaudens, Master Sculptor. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1985; *Wilkinson B., Finn D.* Uncommon Clay: The Life and Works of Augustus Saint-Gaudens. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1985. Об истории создания О. Сент-Годансом монумента в честь 54-го массачусетского пехотного добровольческого полка и его командира см.: *Benson R.* Lay This Laurel: An Album on the Saint-Gaudens Memorial on Boston Common, Honoring Black and White Men Together, who Served the Union Cause with Robert Gould Shaw and Died with Him July 18, 1863. New York: Eakins Press, 1973.

⁹⁸ См., например: *Emilio L.F.* A Brave Black Regiment. The History of the Fifty-Fourth Regiment of Massachusetts Volunteer Infantry, 1863–1865. Boston: The Boston Book Company, 1891; *Burchard P.* One Gallant Rush: Robert Gould Shaw and his Brave Black Regiment. New York: St. Martin's Press, 1965; *Cox C.* Undying Glory: The Story of the Massachusetts 54th Regiment. New York: Scholastic, 1991; *Duncan R.* Where Death and Glory Meet: Colonel Robert Gould Shaw and the 54th Massachusetts Infantry. Athens – London: The University of Georgia Press, 1999; *Egerton D.* Thunder at the Gates: The Black Civil War Regiments that Redeemed America. New York: Basic Books, 2016; *Shepard R.A.* Now or Never! Fifty-Fourth Massachusetts Infantry's War to End Slavery. Honesdale: Calkins Creek, 2017.

⁹⁹ *Powell C.* Hope & Glory: Essays on the Legacy of the Fifty-Fourth Massachusetts Regiment. Amherst: University of Massachusetts Press, 2001.

¹⁰⁰ *Marcelo P.* Boston Black Soldiers Monument Faces Scrutiny amid Racial Reckoning. 2020. <https://wbur.org/news/2020/07/27/robert-gould-shaw-massachusetts-54th-regiment-restoration-controversy> (дата обращения 09.11.2020); *Shea A.* 16 Statues and Memorials Were Damaged During Sunday's Protests, Including One Dedicated to African American Soldiers. 2020. <https://www.wbur.org/artery/2020/06/03/16-statues-memorials-damaged> (дата обращения 10.11.2020).

¹⁰¹ *Blevins E.E.* Op. cit. P. 23.

¹⁰² *Taylor S.* University of Alabama Removes Confederate Monument. 2020. <https://tuscaloosanews.com/story/news/local/2020/06/09/university-of-alabama-removes-confederate-monument/112823838/> (дата обращения 10.11.2020).

---

¹⁰³ Об истории этого монумента и его современном восприятии как расистского см.: *Flint M.A.* Ruptures and Reproductions: A Walking Encounter With a Campus Tour and a Confederate Monument // *Cultural Studies ↔ Critical Methodologies*. 2019. Vol. 19, Iss. 2. Pp. 91–104.

¹⁰⁴ *White, III F.* The Sculptor Who Would Have Gone into Space // *Ebony*. 1984. Vol. 39, Iss. 4. Pp. 54–58.

¹⁰⁵ *Amsden D.* Building the First Slavery Museum in America // *The New York Times Magazine*. February 26, 2015. <https://www.nytimes.com/2015/03/01/magazine/building-the-first-slave-museum-in-america.html> (дата обращения 28.11.2021).

¹⁰⁶ Рассчитано по: *Giliberti M.* Rethinking the Memorial in a Black Belt Landscape: Planning, Memory and Identity of African Americans in Alabama // *Urbani izziv*. 2013. Vol. 24, Iss.1. P. 146, Table 1.

¹⁰⁷ Об этом мемориале подробно см.: *Frohne A.* The African Burial Ground in New York City: Memory, Spirituality, and Space. Syracuse: Syracuse University Press, 2015.

¹⁰⁸ *Scott M.* Museums Matter in the Current Climate of Anti-Black Racism. 2019. <http://www.anthropology-news.org/index.php/2019/03/20/museums-matter-in-the-current-climate-of-anti-black-racism/> (дата обращения 02.04.2019); *Sires J.P.* Black Lives Matter and Museums in 2020: A Personal and Professional Perspective // *American Anthropologist*. 2021. Vol. 123, Iss. 4. Pp. 957–959.

¹⁰⁹ *Newton R.* Hallowed Haunts: The National African American Museum as Sacred Space // *Religions*. 2020. Vol. 11, № 666. P. 13.

¹¹⁰ *Alderman D.H., Modlin Jr. E.A.* The Historical Geography of Racialized Landscapes // *North American Odyssey: Historical Geographies for the Twenty-First Century* / Ed. C.E. Colten, G.L. Buckley. Lanham: Rowman & Littlefield, 2014. Pp. 279–281; *Rose J.* Interpreting Difficult History at Museums and Historic Sites. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016; *Moody J., Small S.* Slavery and Public History at the Big House: Remembering and Forgetting at American Plantation Museums and British Country Houses // *Journal of Global Slavery*. 2019. Vol. 4, Iss. 1. Pp. 36–48; *Graham C.A.* Op. cit.

¹¹¹ История семейства Брэттонов подробно описана М.Ч. Скоггинсом (*Scoggins M.C.* A Brief History of Historic Brattonville. Second Revised Edition. Rock Hill: York County Culture and Heritage Commission, 2014).

¹¹² *Johnson E.C.* Representations of Southern Tourism Imaginaries and Negotiations of Difficult History in Plantation Site Interpretation. MA Thesis. Atlanta: Georgia State University, 2022. P. 116.

¹¹³ *Bright C.F., Carter P.* Social Representational Communities and the Imagined Antebellum South // *Sociological Spectrum*. 2018. Vol. 38, Iss. 1. P. 36.

¹¹⁴ А вот как десятилетия спустя в написанных в 1902 г. мемуарах вспоминал «типичную довоенную плантацию» ветеран армии Конфедерации Уильям Абернати: «Это было идеальное сельское поселение, в котором в роскошных условиях жили плантаторы, владевшие плантациями и рабами; все они были связаны между собой и все жили почти как князья; прислуживающие рабы, натирающие черной ваксой сапоги мальчиков, лоящие и седлающие пони мальчиков, сопровождающие их повсюду, приходя и уходя по воле своих юных хозяев. Их дома не были видны с проезжей дороги... За старым домом негритянские кварталы вытянулись в длинный ряд, с утрамбованными площадками перед ними, где они (рабы. – Д.Б.) собирались по ночам и танцевали, играли в че-

---

харду» (*Hoopes J.W.* Op. cit. Pt. 1. P. 12). За подобными идиллическими картинами стоит глубоко укоренившаяся в мировоззрении южан иерархичность восприятия общества: принципиальное отрицание равноправия как нормы, признание отсутствия равенства естественным, а свободы – не неотъемлемым свойством человека в силу уже самой его принадлежности к человеческому роду. Мировоззрение же северян к тому времени сформировалось как преимущественно демократическое и антропоцентрическое: все люди равны от природы, а потому должны иметь одинаковые права и возможности в социуме, а высшей ценностью и главным атрибутом человека является индивидуальная свобода. Громогласно заявившая о себе в последние годы, возникшая, как подчеркивалось выше, в прямой связи с борьбой с белым расизмом «культура отмены» (как и родственные ей явления, связанные с бескомпромиссным стремлением утвердить в мире тотальное равенство и равноправие, справедливость как расплату несправедливо возвысившихся) есть доведение до абсолюта именно этих, имеющих глубочайшие корни в западной культуре от античных философов до теоретиков социализма и коммунизма, принципов.

¹¹⁵ *Gillam J.C., Lamb G.M., Costa J.W.* Field Slave Quarters Discovered at Historic Brattonsville // *Legacy*. 2020. Vol. 24, Iss. 1. Pp. 23–25. Об археологических исследованиях рабовладельческих плантаций подробно см.: *Fennell C.C.* Early African America: Archaeological Studies of Significance and Diversity // *Journal of Archaeological Research*. 2011. Vol. 19, Iss. 1. Pp. 14–27.

¹¹⁶ *Lemhouse Z.A., Mester J.C.* History of the Brick House. Brick House Historical Marker Dedication. September 10, 2022 at Historic Brattonsville. York: Culture & Heritage Museums of York County, 2022.

¹¹⁷ Группировка запрещена на территории РФ.

¹¹⁸ *Carter P.L.* Where are the Enslaved?: TripAdvisor and the Narrative Landscapes of Southern Plantation Museums // *Journal of Heritage Tourism*. 2016. Vol. 11. Iss. 3. Pp. 235–249.

¹¹⁹ *Alderman D.H., Modlin Jr. E.A.* Op. cit. P. 279. См. также: *Johnson E.C.* Op. cit.

¹²⁰ <https://georgewashingtonpodcast.com/show/intertwined-the-enslaved-community-at-george-washingtons-mount-vernon-1/> (дата обращения 16.01.2022).

¹²¹ *Троицкая Л.М.* Американские музейные экспозиции и выставки по истории США как механизм формирования коллективной памяти о прошлом // *Коллективная память: власть прошлого в социокультурной жизни Америки*. С. 152.

¹²² *Carter P.L.* Op. cit. P. 247. См. также: *Porter A.E.* “She Goes into Character as the Lady of the House”: Tour Guides, Performance, and the Southern Plantation // *Journal of Heritage Tourism*. 2016. Vol. 11, Iss. 3. Pp. 250–261.

¹²³ См., например: *Griswold M.* The Manor: Three Centuries at a Slave Plantation on Long Island. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013; *Knight S.* Britain’s Idyllic Country Houses Reveal a Darker History // *The New Yorker*. August 16, 2021. <https://newyorker.com/magazine/2021/08/23/britains-idyllic-country-houses-reveal-a-darker-history> (дата обращения 28.11.2021).

¹²⁴ О роде Филипсов в колониальном Нью-Йорке, в том числе о его самом известном представителе – Фредерике Филипсе III, см.: *Bielinski S.* An American Loyalist: The Ordeal of Frederick Philipse III. Staatsburg: State of New York, New York State Parks & Recreation, Taconic State Park & Recreation Commission, 1976; *Brophy M.*

On Slavers and Settlers: A History of the Philipse Family, 1662–1785. 2019. <https://columbiaandslavery.columbia.edu/content/slavers-and-settlers-history-philipse-family-1662-1785> (дата обращения 23.11.2021).

¹²⁵ Journey to Colonial America. 2020. <https://hudsonvalley.org/historic-sites/philipsburg-manor/> (дата обращения 22.11.2020). О репрезентации рабства в музее-усадьбе Филипсбург, в частности, см.: *Jay B.* The Representation of Slavery at Historic House Museums: 1853–2000. Ph.D. diss. Boston: Boston College, 2009. Pp. 63–107; *Araujo A.L.* Slavery in the Colonial North and the Philipsburg Manor // *A Historian's Views*. April 26, 2015. <https://www.historianviews.com/?p=106> (дата обращения 28.11.2021); *Dann L.* People Not Property: Stories of Slavery in the Colonial North. New York: Historic Hudson Valley, 2019. <https://peoplenotproperty.hudsonvalley.org/> (дата обращения 28.11.2021).

¹²⁶ *Berliner D.C.* The Abuses of Memory: Reflections on the Memory Boom in Anthropology // *Anthropological Quarterly*. 2005. Vol. 78, Iss. 1. Pp. 197–211.

¹²⁷ *Carneiro R.L.* The Muse of History and the Science of Culture. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2000; см. также: *Whiteley P.M.* Why Anthropology Needs More History // *Journal of Anthropological Research*. 2004. Vol. 60, Iss. 4. Pp. 487–514; *Calb D., Tak H.* (eds.). *Critical Junction: Anthropology and History beyond the Cultural Turn*. New York – Oxford: Berghahn, 2005; *Tagliacozzo E., Willford A.* History and Anthropology: Strange Bedfellows // *Clio/Anthropos: Exploring the Boundaries between History and Anthropology* / Ed. A. Willford, E. Tagliacozzo. Stanford: Stanford University Press, 2009. Pp. 1–26; *Roque R., Traube E.G.* Crossing Histories and Ethnographies // *Crossing Histories and Ethnographies: Following Colonial Historicities in Timor-Leste* / Ed. R. Roque, E.G. Traube. New York: Berghahn, 2019. Pp. 1–46; *Тишков В.А.* Избранные труды в 5 т. Т. 2. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2021. С. 469–506. О связи «бума памяти» в антропологии с «мемориальным поворотом» в исторической науке см.: *Krause E.L.* The Turn toward Memory: From History's "Little People" to Anthropology's "Others". Paper presented at the session Anthropology's Histories: An Archaeology of Knowledge Presidential Session, 32nd Annual Social Science History Association, Chicago, November 16, 2007. https://works.bepress.com/elizabeth_krause/12/download/ (дата обращения 15.05.2022).

¹²⁸ *Bidney D.* Theoretical Anthropology. New York: Transaction Publishers, 1968. (Цит. по: *Будни Д.* Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры / Отв. ред. Л.А. Мостова. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 418).

¹²⁹ *Yelvington K.A.* History, Memory and Identity: A Programmatic Prolegomenon // *Critique of Anthropology*. 2002. Vol. 22, Iss. 3. Pp. 227–256.

¹³⁰ *Ноженко М.В.* Национальные государства в Европе. СПб.: Норма, 2007. С. 148–151; *Филиппова Е.И.* Территории идентичности в современной Франции. М.: Росинформгазотех, 2010.

Глава 3

«БОРЬБА С ПАМЯТНИКАМИ»: «ЧЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ» И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США

Изучение памяти сообществ – одно из самых широких и мультидисциплинарных исследовательских полей, которое включает в себя и гуманитарные, и социальные науки, и даже естественные науки, например, биологию, когда говорят о нейронауке, занимающейся механизмами памяти. Внутри этой широкой сферы исследований мы выделяем кластер, интересующий нас, – культурную память, или «медиатизированную память», которой часто занимаются исследователи-культурологи, лингвисты и филологи, специалисты по масс-медиа.

Последние десятилетия направление исследования памяти (*memory studies*) стало не просто ярко выражено междисциплинарным, но и приобрело черты транскультурного, транснационального и даже глобального. Подобный переход или расширение было подготовлено особым вниманием в гуманитарных и социальных науках к изучению процессов глобализации, транснациональной культуры, миграций, диаспор и т.п.¹ Направление исследований исторического сознания и коллективной памяти отдельных социальных групп и человечества в целом в последние десятилетия двадцатого века фокусировалось на изучении исторических представлений сообществ и мест памяти в понимании французского ученого Пьера Нора², а с началом XXI в. исследователи обратились к проблематике преобразования памяти, своеобразного движения памяти между и через социальные группы. Образовалась новая исследовательская перспектива, которую назвали «путешествующей памятью»; Астрид Эрлл писала о «третьей фазе» в исследованиях памяти, начавшейся около 2010 г.³

Первые исследования памяти как коллективных представлений о прошлом относятся к 1920-м – 1930-м годам – это работы Мориса Хальбвакса, Эти Марбург и Шредерика Барретта. Второй этап исследований, когда интерес к коллективным представлениям захватил различные дисциплины, относят к 1980-м – 1990-м годам; ярким представителем этого этапа был Пьер Нора. У. Бек назвал этот этап

исследований памяти периодом «методологического национализма»⁴, когда ученые, как правило, работали с понятиями «скованной памяти» мнемонических сообществ (национальными, но также этническими, лингвистическими и религиозными). Скованной – привязанной к определенным местам или событиям.

На третьем, нынешнем, этапе изучения памяти исследователи заинтересовались феноменом «раскованной памяти» (*memory unbound*)⁵, которая не привязывается уже к определенным социальным группам, не связана с ними намертво, а возможно, и не принадлежит им. Эта новая тенденция в изучении памяти – своеобразный ответ и во многом вызов широко признанной концепции «мест памяти» П. Нора. Важно отметить, что историческая реконструкция, описанная П. Нора, позволяет иначе взглянуть на многие факты прошлого, очистить их от мифологизации и политизации, заново осмыслить проблемы коллективной памяти, «роль личности в истории и значение исторических событий в ее существовании»⁶.

Согласно концепции П. Нора, память изначально представляет собой субъективную операцию: «В отличие от истории, память – это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения»⁷. Прежде всего, места памяти – это «останки» прошлого, и вместе с тем «места памяти» – это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем»⁸. Для П. Нора «места памяти» – это утрачиваемое сообществом прошлое, которое еще живо где-то в сознании социальной группы, но в скором времени может исчезнуть навсегда, а само «место памяти» – превратиться в историю, которая больше не будет поддерживаться коллективной памятью. Далее П. Нора уже прямо указывает на причину появления «мест памяти»: «Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие»⁹.

Места памяти не возникают сами собой. Есть причина их существования: они живут благодаря желанию помнить и чувству отсутствия спонтанной памяти. «Нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными»¹⁰. В «местах памяти» находит убежище и «кристаллизуется» сама память. «Места памяти» являются местами в трех

смыслах – материальном, символическом и функциональном. Эти три модуса всегда будто бы сосуществуют, крепко взаимосвязаны: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой»¹¹. Точно так же и функциональные места: если они не наделены символической аурой, то не становятся функциональными местами памяти, будь то школьный учебник или завещание.

Культурная память всегда является «результатом различных стратегий отбора того, что может стать воспоминанием – то есть различных повествовательных практик, по-иному формирующих личности»¹². Этот процесс отбора происходит постоянно и активизируется в конкретных исторических обстоятельствах, являясь ответом на вызовы времени. Поэтому историческая память может функционировать в разных национальных контекстах. Это связано с тем, что идентичность всегда исторична и строится в соответствии с прецедентами прошлого, поиск которых (в случае их отсутствия в аутентичной среде) возможен в других культурах. Современная эпоха демонстрирует появление новых идентичностей, пытающихся укрепить себя при помощи собственных версий памяти. Характеризуя это явление, П. Нора писал: «Вместо национальной идентичности – торжество социальных идентичностей»¹³. Следствием расцвета памяти стало все большее использование ее в политике, туризме и коммерческой сфере. При этом обилие мемориалов доказывает, «что прошлое утратило единый смысл и что настоящее, наделенное историческим самосознанием, неизбежно узаконивает множественность возможных версий прошлого»¹⁴. Материальные объекты памяти рассматриваются как часть культурного самовыражения народа и важнейшее отражение его культурных прав. Вещественные объекты памяти, как правило, окружены символической аурой, «живым наследием» и, таким образом, представляют собой другую сторону нематериального наследия (охраняемого и защищаемого правовыми рамками Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г.). Оба аспекта культурного наследия важны для самобытности народа. Действительно, именно нематериальное наследие позволяет рассказать о том, о чем не может поведать только материальное наследие.

Очевидно, что, несмотря на повсеместное распространение памятников и объявленных мест памяти, не существует единого мнения об

их назначении, аудитории, так же, как и о реакции общества на них. В докладе «Война и мемориализация» К. Брейс говорит о том, что «памятники служат фоном в нашей повседневной жизни. Намеренно передавая символические послания отдельным людям и группам, основанные на создании и поддержании нарративов прошлого, они увековечивают то, что мы ценим, и приобщают нас к нашему наследию путем постоянного напоминания через видимые проявления, придающие смысл тому, что произошло»¹⁵.

В то же время сам факт влияния памятников и мемориалов на общественное сознание, а точнее, на сознание какой-то общности не вызывает сомнений в науке. Так, нигерийский историк и публицист Н. Омойгуи утверждает, что «мемориализация является важнейшим компонентом процесса формирования национальной или общественной идентичности»¹⁶. По мнению Дж. Боярина, «возведение памятников является одним из центральных средств формирования памяти»¹⁷. Л. Химид¹⁸ емко сформулировала назначение памятников: «Я думаю, что лучше всего было бы представить себе, что памятник может быть предназначен для живых, чтобы они могли использовать его в настоящем в качестве ориентира или сигнала, а в будущем – в качестве маркера, критерия, точки отсчета для чести и верности, дружбы и доброты, таких ценностей, которые, как можно надеяться, будут легко понятны широкому кругу людей независимо от их политических взглядов или религиозных убеждений»¹⁹.

Именно это и происходит в конце 2010-х – начале 2020-х годов в Соединенных Штатах Америки. Движение *Black Lives Matter (BLM)*, стихийно охватившее еще ряд стран после смерти от рук полицейского африкано-американца Джорджа Флойда, открыло новый фронт борьбы – против памятников. Под удар протестующих в США, а затем и в Британии, Бельгии, других странах попал целый ряд политических фигур прошлого, запятнавших себя работорговлей или нарушением прав черного населения. В ряде случаев переписать историю и низвести спорных героев с пьедестала почета решились сами власти, не всегда по собственной инициативе, а под давлением общественности, чтобы предупредить возможные столкновения. Вандализм и разрушение памятников приобрели черты явления, распространившегося по всему миру. Как правило, это отражение политики памяти общества, которое таким образом реагирует на историческую политику, проводимую государствами и властями.

Политика памяти, историческая политика: современные подходы

Современный этап общественного развития и отношения к коллективной памяти характеризуется множественностью акторов, которые стремятся принять участие в ее формировании. Появляются конкурирующие версии истории, и противоречия между ними в самих Соединенных Штатах обозначаются как «войны памяти». В США, впрочем, особенная ситуация с историческими нарративами, конкурирующие версии истории существовали задолго до современного тренда локализации и приватизации истории разнообразными акторами, различающимися по силе и масштабу влияния. Британско-американский историк, специалист по новейшей истории Европы Т. Джадт отмечал: «История США окружает нас повсюду в Америке – от колониального Вильямсбурга^{1*} до Маунт-Рашмора^{**}. Так было всегда, но в наши дни появилось и нечто новое. Мы отмечаем гораздо больше памятных дат, мы спорим друг с другом о том, какие события в нашей истории следует отмечать и как их нужно отмечать»²⁰.

Исследователи фиксируют качественно новую тенденцию в отношении исторической памяти: до недавнего времени (по крайней мере в Европе, подчеркивает Т. Джадт) весь смысл музея, мемориальной доски или памятника состоял в том, чтобы напомнить людям о том, что они и без того знают сами (или думают, что знают)²¹. «Сегодня, однако, все эти вещи служат другим целям. Музеи и памятники теперь создаются для того, чтобы рассказать людям о вещах, о которых они могут ничего не знать, совершенно забыли или вовсе никогда не слыхали. Все сильнее нас охватывает страх, что мы забудем свое прошлое, что оно исчезнет, затеряется в суеде настоящего. Мы отмечаем память об утраченном мире – иногда еще до того, как мы его утратим. Воздвигая памятники или создавая копии предметов старины, мы рискуем еще больше забыть о прошлом: созданный нами символ или законсервированные руины подменяют собой прошлое. Мы тешим себя иллюзией, что сохраняем прошлое, в то время как

---

* Вильямсбург был второй (после Джеймстауна) столицей колонии Виргиния, центром ряда важных событий в истории Америки как в колониальный период, так и после провозглашения создания независимых Соединенных Штатов (*прим. отв. ред.*).

** Имеется в виду монумент на горе Рашмор – см. прим. 54 к гл. 1 (*прим. отв. ред.*).

его подлинный смысл ускользает от нас, оставляя нам лишь сувенир на память»²². Сходное заключение делает и российский американист, специалист по исторической памяти И.И. Курилла, отмечая, что исторические споры «оживляют» памятники, наделяя их новым смыслом и жизнью. Кроме того, памятники со временем сливаются с окружающим ландшафтом, становятся частью прошлого вместо того, чтобы напоминать нам о нем²³. Дж. Янг писал: «Как только мы заключаем память в монументальные формы, мы в определенной степени снимаем с себя обязанность помнить... Ошибочно полагая, что наши памятники всегда будут с нами, чтобы напоминать нам о прошлом, мы уходим прочь от них и возвращаемся, лишь когда нам заблагорассудится»²⁴.

В Соединенных Штатах «войны памяти» ведутся и вокруг вопросов: кто имеет право определять содержание и оформление музейной экспозиции, устанавливать мемориальную доску или знак, решать, какой смысл несет для потомков поле сражения? Эти стычки – всего лишь часть той борьбы, которую ведут в сфере культуры разные группы населения за свое самоопределение²⁵.

Политика памяти часто детерминируется динамикой отношений и напряженностью между гегемонистскими – господствующими в обществе – нарративами, контрпамятью конкурирующих за власть групп, формирующихся элит и т.п. и молчаливыми сообществами²⁶ на глобальном, национальном и местном уровнях. Транснациональные правозащитные движения, международные агенты и организации (транснациональные корпорации, глобальные медиа, международные фонды, исследовательские институты, экспертные сообщества) влияют на применение терминологии и рамок, в которых действуют глобальные гегемонистские нарративы. Государственные акторы влияют на гегемонистские нарративы и формируют их, замалчивают другие нарративы или отрицают их существование с целью легитимизации своих полномочий и усилий по государственному/национальному строительству. Негосударственные акторы – от групп гражданского общества до отдельных лиц – часто противодействуют нисходящим воздействиям гегемонистских нарративов путем создания собственных нарративов, воспоминаний или молчания. В постконфликтных и конфликтных обществах отношения между различными группами и акторами, отстаивающими гегемонистские нарративы, становятся тем более острыми и напряженными, что социальная

и политическая ткань разрушается и меняется под воздействием трансформационных изменений, вызванных конфликтом.

Гегемонистские нарративы существуют и особенно заметны в послевоенных обществах, когда версии исторических событий, давних или недавних, востребованы для легитимации складывающихся властных отношений, нового дизайна политических систем и т.д. Но перед исследователями встает ряд вопросов: как концептуализировать гегемонистские нарративы в исследовательском анализе сообществ, находящихся в кризисе? Что представляют собой такие нарративы в обществах, выходящих из конфликтов или находящихся в разгаре конфликта? Очевидно, что современные США находятся в стадии внутреннего конфликта или очень высокого уровня противоречий, который иногда связывают с кризисом национальной идентичности²⁷. Кроме продвижения гегемонистских нарративов, существуют и другие мнемонические практики, такие как замалчивание, забывание, игнорирование, амнезия или отрицание.

В противовес гегемонистскому типу или режиму коллективной памяти (предполагающему существование доминирующего исторического нарратива, навязываемого государством через институты социализации и стремящегося подавлять все другие нарративы о прошлом), Д.Э. Летняков предлагает выделить агонистический режим, при котором вместо одного нарратива существуют на равных правах и постоянно оспаривают друг друга целая их совокупность. Второй тип может представляться более привлекательным в силу его большей демократичности и инклюзивности. При таком подходе мемориальные конфликты, а также практики постоянного «переписывания истории» выглядят не как попытка сотрясти основы, но как нормальный процесс постоянного обновления обществом представлений о самом себе, о своем прошлом, настоящем и будущем. Нельзя не согласиться с мыслью автора о том, что «заморозить» единственно верное представление о прошлом невозможно по причине смены поколений, политических трансформаций, культурного, социального, экономического разнообразия и т.д. При этом, как отмечает Д.Э. Летняков, во многих странах сегодня наблюдаются процессы активизации контргегемонистских нарративов, бросающих вызов существующим историческим канонам²⁸.

Коммеморативные практики долгое время играли решающую роль в создании и поддержании «воображаемых сообществ»

(*imagined communities*) по Б. Андерсону²⁹, прежде всего наций. «В националистических движениях и особенно при построении национальных государств апеллирование к памяти артикулирует нарратив национального прошлого, объединяет, делает узнаваемым и в конечном итоге присваивает это прошлое... Память, таким образом, это важнейшая часть националистической борьбы, она передается от одного поколения к другому как сакральное знание... это также главная мобилизационная сила в современных национальных государствах»³⁰. Исследователи предполагают, что важные для коллективной памяти «места памяти» создают свою топографию или «географию привязанности/принадлежности»³¹. Иными словами – «мифологический ландшафт», который «упрощает, драматизирует и выборочно описывает историю национального прошлого и место нации, государства в этом мире – историю, которая истолковывает современный мир, придавая значения событиям через реконструкцию (или даже конструирование) прошлого»³².

Проблема того, как коллективная память вписывается в современную реальность и окружающую действительность вызывает много споров в научной среде. Согласно П. Нора, мифологические ландшафты, как правило, представляют собой набор фиксированных объектов, таких как памятники и мемориалы, в которых память кристаллизуется и закрепляет себя. П. Нора утверждает, что после «ускорения истории», сопровождавшего «движение к демократизации и массовой культуре в глобальном масштабе»³³, такие «места памяти» стали искусственной и убогой заменой существовавшей когда-то целой «окружающей среды», пронизанной памятью, которая ранее обеспечивала чувство исторической преемственности для обществ, передачу и сохранение коллективных ценностей, будь то через церковь или школу, семью или государство³⁴. Оплакивая парадоксы «исторической эпохи, вызывающей к памяти, но отказавшейся от нее», П. Нора предполагает, что «завоевание памяти историей» является побочным продуктом «нашего безнадежно забывчивого современного общества, движимого переменами»³⁵.

На современные представления о прошлом, коллективную память глобализация влияет и через миграционные процессы, через изменяющиеся благодаря миграции сообщества. Подчеркивая дестабилизирующие свойства глобализирующегося капитализма, ускоренного технологического развития и культурного постмодернизма, А. Гюйс-

сен утверждает: «По мере того, как территориальные и пространственные координаты нашей жизни размываются или даже растворяются в результате все большей мобильности по всему миру», современное общество занялось коллективным поиском способа «временной привязки», способного придать иллюзию безопасности «культуре, которая неизлечимо больна амнезией»³⁶. И П. Нора, и А. Гюйссен, очевидно, связывают «бум памяти» в академической среде и связанную с ним культурную «индустрию памяти» с децентрализацией нации как локуса исторического сознания в эпоху глобализации. Однако, как подчеркивает А. Гюйссен, возврата к прошлому, которое, как нам казалось, мы знали, не происходит; вместо того чтобы заново создавать национальные географические пространства принадлежности, «мнемонические конвульсии нашей культуры кажутся хаотичными, фрагментарными и свободно дрейфующими. Они не имеют четкой политической или территориальной направленности»³⁷. Соответственно, «форма, в которой мы думаем о прошлом, все чаще становится памятью без границ, а не национальной историей в границах»³⁸.

В результате подобных исследований память скорее представляется как гибкий, переменчивый, инклюзивный и открытый процесс, а не как фиксированный и исключаящий «других» нарратив, допуская возможность того, что пересечение разрозненных коммеморативных дискурсов может дать возможность сформировать эмпатические сообщества, в которых память преодолет национальные, культурные или этнические границы. Представляется, что подобные идеи крайне важны для современной эпохи, когда доминируют проблемы транснационального характера, не признающие государственных границ, – терроризм, мировые кризисы, изменения климата, миграционные потоки, в том числе беженцев, которые сравнивают с Великим переселением народов. Все это ведет к трансформации обществ в разных странах, к трансформации самих стран и к социальной, политической, экономической и экологической неустойчивости всего мира.

В рамках данной работы интерес представляют концепции, отражающие роль мемориальных практики и теории в укреплении глобальной «экономики травмы», в которой разрозненные воспоминания опосредованы «экономическими, культурными, дискурсивными и политическими структурами, которые направляют, активизируют и в конечном итоге институционализируют репрезентацию, перемеще-

ние и внимание к определенным травмам»³⁹. Как утверждает Дж. Батлер, подобные структуры закрепляют «несправедливую иерархию», которая гарантирует, что «некоторые жизни будут в высшей степени защищены, и отказ от их претензий на святость будет достаточным для мобилизации сил войны. Другие жизни... даже не будут квалифицироваться как “достойные скорби”»⁴⁰.

Особый раздел исследований исторической памяти – изучение механизмов передачи памяти через поколения, особенно памяти о травме, о насилии, через которое прошли предки ныне живущих. Отношения между потомками выживших и травматическим прошлым, в котором они не имеют непосредственного личного опыта, описываются в терминах «постпамять» (М. Хирш), *mémoire trouée* («дырявая память»), «отсутствующая память» (Э. Файн), «протезная память» (А. Ландсберг)⁴¹. Если первоначально теории «передачи травмы» были сосредоточены на Холокосте, то в последние годы внимание ученых переключилось на межпоколенческую передачу воспоминаний о самых разных историях, включая травму «африканского рабства» и работорговли⁴².

Тема исторической памяти тесно связана с политикой памяти и исторической политикой, и ее исследование приобретает, таким образом, междисциплинарный характер на пересечении истории с политологией (как и с антропологией, социологией, культурологией). В отечественной науке термин «политика памяти» используется для обозначения всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, т.е. концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории. При этом «историческая политика» является частным случаем политики памяти. Для нее характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов⁴³.

Любое проявление политики памяти существует не само по себе, а имеет политическую подоплеку, основанную на отборе и использовании определенных (или избранных) воспоминаний. Выдающийся французский мыслитель и историк религии Эрнест Ренан в своей Сорбонской лекции (1882 г.) дал определение нации: «Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, которые в действительности являются лишь одной, создают эту душу, этот духовный принцип. Одна относится к прошлому, другая – к настоящему. Одна является совместным обладанием богатым наследием воспоминаний, другая

есть актуальное согласие, желание жить вместе, воля продолжать пользоваться доставшимся неразделенным наследством»⁴⁴. При этом отечественные ученые подчеркивают инструментальность политики памяти для формирования нации, сравнивая ее с «политическим менеджментом богатого наследия воспоминаний». С этой точки зрения политика памяти может рассматриваться как «функционирующая система взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого. Иначе говоря, политика памяти – один из важнейших инструментов формирования макрополитической идентичности того или иного сообщества»⁴⁵.

Важно отметить, что вся сложность системы взаимодействий и коммуникаций в рамках политики памяти не отвергается и не сводится к процессу нациестроительства на основе использования различных практик коммеморации, преподавания истории, представления исторических сюжетов в популярных медиа и т.д. Признается, что функционирование воспоминаний в обществе, взаимодействие, иногда столкновение разных представлений о прошлом – крайне сложный и многообразный, многоуровневый процесс, устремления участников этого процесса зачастую оказываются разнонаправленными, а в основе их действий могут лежать не только идеи сплочения нации или восстановления справедливости, но и гораздо более приземленные задачи укрепления конкретного социально-политического порядка или, напротив, его подрыва. Не игнорируются и факторы внешней среды, связанные с позитивным или негативным отношением к макрополитической идентичности со стороны других сообществ⁴⁶.

В целом, коммеморации, коммеморативные практики выступают как средство обеспечения межпоколенческого диалога. В этом смысле они могут рассматриваться среди форм и методов исторической политики. Акторы, занимающиеся исторической политикой, фактически конструируют и/или деконструируют смыслы и ценности, а существовавший ранее исторический нарратив, более или менее консенсусное отношение к прошлому сообщества может переписываться, в том числе и в политических целях. С помощью политики памяти конфликты можно разжигать, но можно превратить ее и в инструмент постконфликтного урегулирования.

Несомненно, что основным драйвером политики памяти в той или иной стране выступают интересы, устремления и действия внутрен-

них сил, направленные на утверждение той или иной трактовки истории. В европейских странах все чаще политика памяти становится предметом межгосударственного взаимодействия (между странами Западной и Восточной Европы, между Эстонией, Латвией и Литвой, между Литвой и Польшей и т.д.); по этому кругу проблем начинают формировать свою собственную позицию и наднациональные структуры (прежде всего Европейского союза). В США особая ситуация; многие исследователи до недавнего времени отмечали уникальный характер исторического нарратива в США, поскольку в нем фактически мирно сосуществовали два нарратива, по сути противоположных друг другу, – Севера и Юга⁴⁷. Но на современном этапе исторического развития страны у политики памяти появляются все новые и новые акторы, готовые создавать свои исторические нарративы.

Историческая политика: а было ли у Америки единое прошлое?

Прежде всего, как отмечают исследователи, в правовом поле США отсутствует эквивалент понятия «политика памяти»⁴⁸. Поэтому конфликты по поводу прошлого разгораются в США довольно ярко, но само явление, как отмечает И.И. Курилла, относят к разновидности не «войн памяти» как следствия осуществления «политики памяти», а «культурных войн»⁴⁹. Само понятие *memory politics* отчасти сформировалось под влиянием начавшихся в 1920-х – 1940-х годы и продолжающихся до сих пор так называемых *memory studies*, которые были нацелены на восстановление забытых страниц истории, проведение генеалогических исследований и юридических экспертиз, работу с рассекреченными архивными документами и т.д. Термин, коррелирующий с отечественным «историческая политика», – *politics of history* или *history politics*, как утверждает А.В. Сидоров, происходит от немецкого слова *Geschichtspolitik* (историческая политика) и хронологически связан со знаковым событием в исторической науке ФРГ периода 1980-х годов – так называемым спором немецких историков (*Historikerstreit*) о рассмотрении периода нацистского правления и Холокоста с позиции национальной историографии⁵⁰.

Хотя устоявшегося термина нет, само явление, которое можно классифицировать как политику памяти и как историческую политику,

существует. А.В. Сидоров отмечает, что в официальной политике памяти США преобладают следующие понятия: расизм, ксенофобия, антисемитизм (с их проявлениями активно ведется борьба). Кроме того, в США, как и в Европейском союзе, между фашизмом и коммунизмом фактически ставится знак равенства, если мы говорим об исторической политике⁵¹.

В американской науке существует противопоставление подхода к прошлому в общественных науках (*social sciences*) с акцентом на проблемах современности, которые формируют определенный интерес к прошлому, и традиционным историческим подходом, который ближе к исторической политике, воспитанию молодого поколения в соответствии с ценностями страны и т.п. При этом первый подход соответствует «левой политической повестке», а второй – правой части политического спектра США⁵².

Основными составляющими исторической политики являются памятные места, даты и мероприятия, направленные на формирование и сохранение культуры памяти, при этом на официальном уровне, в нормативно-правовых актах, раскрываются основные понятия, с помощью которых утверждается видение истории. Ключевые понятия для современной оценки истории своей страны в США – рабство, работорговля, Гражданская война, борьба за гражданские права. Именно на отношении к этим ключевым понятиям и производным от них строятся современные нарративы исторической памяти.

В 2019 г. журнал *The New York Times Magazine* опубликовал большой материал (который позже превратился в интерактивную платформу) по истории расового неравенства⁵³. Проект был приурочен к 400-летию появления рабства в США и имел говорящее название «Проект 1619»^{*}. Само название проекта было громкой заявкой на пересмотр официальной истории Соединенных Штатов Америки, установление начала американской истории с первого корабля, привезшего рабов на будущую территорию их проживания – в Виргинию. Таким образом, «Проект 1619» помещает рабство и системный расизм в самый центр истории США. Оценка проекта в американском обществе зависела от политических взглядов и партийной принадлежности или сама по себе была их маркером. Демократы высоко оценили проект, но республиканцы сочли его попыткой переписать

---

^{*} О «Проекте 1619» и «Проекте 1776» см. также гл. 1 (*прим. отв. ред.*).

историю и спровоцировать расовый конфликт⁵⁴. Кроме того, возможно, это было первым заявлением новой политической элиты, «элиты меньшинств», формирующейся в США, в том числе на волне протестов движения *Black Lives Matter*. Новая элита нуждается в создании собственной версии американской истории и своей освободительной миссии⁵⁵.

Организация «Пулитцеровский центр» достаточно быстро включила материалы *The New York Times* в школьную программу по истории, несмотря на большое количество ошибок и неточностей, на которые указывали оппоненты⁵⁶. На тот момент будущий вице-президент США от Демократической партии Камала Харрис, которую многие респонденты называют в числе выдающихся африкано-американцев, назвала проект «убедительным и необходимым сведением счетов с нашей историей»⁵⁷.

Это сведение счетов как раз и напугало консервативные круги США. По мнению республиканцев и их сторонников – консервативной части американского общества, опубликованный проект – пропаганда и попытка манипулирования историей. Экс-спикер Палаты представителей Ньют Гингрич заявил, что подзаголовок для «Проекта 1619» должен звучать как «вся пропаганда, которой мы хотим промыть вам мозги». В реальности заголовок был такой: «Цель “Проекта 1619” – пересмотреть историю Америки». Близкие к республиканской партии СМИ посчитали, что слово «пересмотреть» следует заменить на «переписать»: «Это характерно для тоталитарных режимов, где СМИ служат органом пропаганды для государства, в данном случае – для набирающего силу левого крыла Демократической партии»⁵⁸.

Автор *The New York Times Magazine* Н. Ханна-Джонс в первом эссе проекта заявила, что причисляет себя к «первому поколению темнокожих американцев в истории США, рожденному в обществе, где темнокожие люди имеют все гражданские права». В то же время Ханна-Джонс подчеркнула, что узаконенная дискриминация по расовому признаку и разделение на «черный» и «белый» существовали еще 100 лет после отмены рабства. Текст рассказывает не только об истории рабства, но и о его влиянии на экономику, культуру, здравоохранение и другие аспекты жизни США⁵⁹. В проект включены репортажи, эссе, стихотворения, фотографии, рисунки на тему рабства, написанные ведущими темнокожими деятелями – художниками, философами и писателями.

Критики проекта сочли его покушением на самые основы американского общества и представления американцев о самих себе. «Наша демократия основана на неправильных идеалах с момента ее создания. Темнокожие американцы боролись за то, чтобы их изменить», – написала Н. Ханна-Джонс. Далее в ее эссе внимание уделяется экономике: «Если хотите понять жестокость американского капитализма, нужно начать с плантаций»⁶⁰. (В ответах наших респондентов тоже часто звучала тема капитализма как главной ассоциации с образом США). Фактически автор заявляет, что отцы-основатели боролись за независимость, чтобы сохранить рабство: «В Лондоне все громче звучали призывы к отмене работорговли. Это привело бы к подрыву экономики колоний, как северных, так и южных. Богатство и известность, позволившие Джефферсону, которому было всего 33 года, и другим отцам-основателям поверить, что они смогут успешно отделиться от одной из самых могущественных империй в мире, были получены благодаря головокружительным прибылям, которые приносило рабство. Иными словами, мы могли бы никогда не восстать против Великобритании, если бы некоторые из отцов-основателей не понимали, что рабство дает им такую возможность, и если бы они не считали, что независимость необходима для того, чтобы обеспечить продолжение рабства. Неслучайно десять из двенадцати первых президентов этой страны были поработителями, и некоторые могут утверждать, что эта страна была основана не как демократия, а как “рабократия” (*slavocracy*)»⁶¹.

Во многом в ответ на подобные тенденции в американском обществе была создана Комиссия 1776 (*President’s Advisory 1776 Commission*), также известная как «Проект 1776», представившая свою версию истории страны. Она была своего рода консультативным комитетом, созданным в сентябре 2020 г. президентом Дональдом Трампом, в составе ведущих американских историков, политиков, политологов, юристов и общественных деятелей для продвижения того, что он называл «патриотическим воспитанием». 18 января 2021 г., за два дня до окончания срока президентских полномочий Д. Трампа, Комиссия опубликовала «Доклад 1776»⁶².

Уже самым своим названием комиссия отстаивала собственную версию истории и буквально с первых страниц Доклада утверждала, что «наше государство имеет точную дату рождения – 4 июля 1776 года» – день принятия Декларации независимости США от Ве-

ликобритании⁶³. В документе признавалось, что сегодня американцы глубоко разделены в оценках своего прошлого, достижений страны и представлений о том, как она должна управляться. Текст пронизан антиимперским пафосом борьбы с Британской империей и утверждением, что никаких штатов до рождения государства в 1776 г. не было, только разрозненные колонии. Традиционная для Америки гордость от создания республики подтверждается цитатой Мартина Лютера Кинга*: «Когда архитекторы нашей республики писали величественные слова Конституции и Декларации независимости, они подписывали вексель, наследником которого должен был стать каждый американец. В этом векселе было обещание, что всем людям, как чернокожим, так и белым, будут гарантированы неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью»⁶⁴.

В документе раскрывается суть, в частности, таких феноменов, играющих важную роль в американской политике памяти и идеологии, как рабство, фашизм, коммунизм, расизм, политика идентичности, вера и отцы-основатели. Иллюстрации в этом докладе много говорят о попытке утверждения «единой» истории Соединенных Штатов: знаменитая картина Э. Лойце «Вашингтон пересекает Делавэр», портреты Фредерика Дугласа, Авраама Линкольна, «Марш на Вашингтон за рабочие места и свободу» и выступление на нем Мартина Лютера Кинга со знаменитой речью «У меня есть мечта» и др. Заочно доклад спорит с «Проектом 1619» и его сторонниками: «Наиболее распространенным обвинением в адрес отцов-основателей, а значит, и нашей страны, является утверждение, что они были лицемерами, которые не верили в заявленные принципы, и поэтому построенная ими страна покоится на лжи. Это обвинение не соответствует действительности и наносит огромный ущерб, особенно в последние годы, разрушительно воздействуя на наше гражданское единство и социальную структуру»⁶⁵.

Рабство в докладе рассматривается не как неотъемлемая часть американской истории, а как глобальное явление, характерное, к сожалению, для всей человеческой истории. И США не какое-то ис-

---

* Важен выбор цитаты именно этого общественного деятеля, что выглядит сознательной попыткой объединить и черных, и белых. Практически во всех интервью Мартин Лютер Кинг был назван как основная историческая фигура для афроамериканцев.

ключительное зло со своими работорговлей и рабством – это было распространенное явление в ту эпоху. Выдвигается также аргумент, что нельзя судить вчерашний день по меркам сегодняшнего.

Очень интересна оправдательная аргументация собственной истории, содержащаяся в докладе. Именно отказ западного мира от рабства, только начавший формироваться к моменту Американской революции, ознаменовал собой резкое изменение моральных устоев. Американские отцы-основатели жили на пороге этих перемен, находясь в двух мирах. Джордж Вашингтон владел рабами, но потом проникся отвращением к этой практике и пожелал, чтобы «был принят план по ее отмене». К концу жизни он освободил всех рабов в своем семейном поместье. Томас Джефферсон также владел рабами и тем не менее включил в первоначальный проект Декларации резкое осуждение рабства, которое было удалено по настоянию некоторых делегатов-рабовладельцев. На мраморном памятнике Джефферсону в Вашингтоне высечена его фраза о несправедливости рабства: «Я трепещу за свою страну, когда думаю, что Бог справедлив; что его справедливость не может спать вечно»⁶⁶ (илл. 19). Кроме того, акцент делается на том, что причиной отмены рабства послужила в большей степени не кровавая Гражданская война 1861–1865 гг., а своего рода неизбежное прорастание «зерен аболиционизма», посеянных в Декларации независимости, утверждающей, что «все люди созданы равными».

Тринадцатая поправка к Конституции, принятая после Гражданской войны, положила конец узаконенному рабству. Черные получили новое равенство и свободу, они могли голосовать и занимать выборные должности в штатах по всей стране. Однако это не положило конец расизму и повсеместному неравному обращению с африкано-американцами. Авторы доклада признают, что на Юге, даже несмотря на послевоенную Реконструкцию, в итоге сложилась система, которая вряд ли была намного лучше рабства. Эта система втягивала освобожденных в отношения крайней зависимости, использовала налоги на голосование, проверки грамотности и насилие со стороны разнообразных групп, таких как Ку-клукс-клан, чтобы помешать им реализовать свои гражданские права, в частности, право голоса. Законы Джима Кроу обеспечивали строгую сегрегацию рас и в некоторых штатах придавали юридическую силу повсеместному подчинению чернокожих.

Для утверждения сегрегации использовались и расово окрашенные названия для социальных групп. Подобная идентификация, отчасти навязанная, не вызывает восторга у наших респондентов. Вот одна из свидетельствующих об этом цитат: «Я думаю, что люди сами определяют себя, и некоторые термины, которые были навязаны черным людям, они не выбирали. Но негры перешли от понятия “негр” к понятиям “афроамериканец” и “африкано-американец”. И на этом пути большинство чернокожих американцев используют термины “черный”, “афроамериканец” как личные предпочтения». Другой респондент высказался так: «В 70-е годы мы называли себя афроамериканцами или как-то еще. Но это не было похоже на “Мы просто вернемся назад. Давайте вернемся в 1920-е годы, давайте вернемся к “неграм”, давайте вернемся к...” Вплоть до 1968 года, когда появились “черные”, – это было в основном во время движения “Черная сила”, движения Черных пантер, которое действительно всколыхнуло эту самоидентификацию. А потом, позже, все это стало бы афроамериканским, а затем – африкано-американским». Но в этой непременной идентификации по цвету кожи многим видится все продолжающееся угнетение: «Это (цвет кожи. – *отв. ред.*) не имеет значения. [Якобы надо] обязательно назвать по цвету. Ненавижу такое», – резюмирует третий респондент (*илл.* 20).

Важно, что «Доклад 1776» признает Движение за гражданские права как национальное движение, объединившее представителей разных рас, национальностей и религий, чтобы Америка полностью отказалась от дискриминации и закрепила это законодательно.

Представленное в Докладе видение истории всячески подчеркивает важность понятия «свобода» для Америки, за которую во всем мире шла борьба весь XX в., в то время как два глобальных движения стремились попать эту свободу и заново поработить людей – фашизм и коммунизм⁶⁷. В Докладе говорится, что фашизм и коммунизм – «идеологические собратья», которые при этом яростно боролись друг с другом за мировое господство и были абсолютно далеки от соблюдения естественных прав и свобод человека.

Складывается впечатление, что консервативная часть американского общества, включая, по всей видимости, и авторов Доклада, критикуя побеждающую групповую идентичность малых групп, которая может усилить противостояние в обществе, не замечает главную тенденцию современности – общая национальная история стано-

вится если не невозможной, то труднодостижимой. Озабоченность этой части американского общества вызывает посприятие режима равных естественных прав равноправных граждан, обеспечиваемых равным применением закона, и, напротив, переход к системе «политики идентичности», то есть «явных групповых привилегий, которая во имя “социальной справедливости” требует равных результатов и явно сортирует граждан на “защищенные классы” по расовому признаку и другим демографическим категориям». Это подход, противоположный высказанной М.Л. Кингом надежде, что его дети будут «жить в нации, где о них будут судить не по цвету кожи, а по особенностям их характера», он отрицает, что все люди наделены неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью. Политика идентичности снижает вероятность того, что «расовое примирение и исцеление могут быть достигнуты путем реализации мечты Мартина Лютера Кинга-младшего об Америке и отстаивания высших идеалов нашей Конституции и Декларации независимости»⁶⁸.

Одно из основных полей сражений между сторонниками «Проекта 1619» и «Проекта 1776» – школьное обучение. Новое понимание истории было достаточно быстро включено в школьные программы: «На большинстве уроков обществознания и граждановедения в школах K-12* серьезное изучение принципов равенства и свободы сошло на нет. В результате выросло поколение молодых граждан, которые мало что знают о происхождении и истории своей страны и еще меньше – об истинных стандартах равенства и свободы. Эта тенденция не является новой или незамеченной, но она оставляет ужасную и растущую пустоту, поскольку студенты страдают как от невежества, не понимая, чего им не хватает, так и от некоторого высокомерия, что им не нужно это узнавать»⁶⁹.

После публикации «Доклада 1776» в отдельных штатах стали принимать мемориальные законы, направленные главным образом на борьбу с преподаванием критической теории расы (*Critical Race Theory*^{**}). По данным портала *EducationWeek*, такие законы, которые еще иронично называют *educational gag orders* по аналогии с официальным распоряжением судьи не обсуждать какой-либо вопрос в су-

---

* Школы, в которых обучение начинается в 5–6 лет и заканчивается в 17–18 лет.

** Подробно об этой теории и проблемах, связанных с преподаванием ее в американских школах, см. в гл. 1 (*прим. отв. ред.*).

дебном процессе (*gag order*), уже приняты в 42 штатах⁷⁰. Необходимо отметить, что законодательные акты на уровне штатов, стремящиеся защитить историческое наследие страны, каким бы противоречивым оно ни было, начали приниматься до публикации обоих исторических Проектов⁷¹, что может свидетельствовать о давно назревшей ситуации.

Кроме того, активность в сфере создания мемориальных законов начала нарастать вместе с уничтожением памятников, преимущественно героям Конфедерации. Д. Трамп рассматривал свержение и порчу статуй и памятников как постоянное нападение на почитаемые американские монументы, осуществляемое «поджигателями и левыми экстремистами», добавляя, что те, «кто совершает и поддерживает эти действия, явно причисляют себя к такой идеологии, как марксизм, которая призывает к разрушению государственной системы Соединенных Штатов»⁷². В результате был подготовлен «Указ о защите американских памятников, мемориалов и статуй и борьбе с недавним преступным насилием», предусматривавший «преследование в максимально допустимой федеральным законом степени и в соответствующих случаях любого физического или юридического лица, которое разрушает, повреждает, портит или оскверняет памятник, мемориал или статую на территории США или иным образом совершает акты вандализма в отношении государственной собственности»⁷³.

Н.М. Травкина подчеркивает, что большинство подобных мемориальных законов об охране культурного наследия и исторических памятников было принято по инициативе политических фракций в законодательных собраниях и губернаторов южных штатов от Республиканской партии. Более того, правоконсервативные силы подошли к разработке и принятию этих законодательных актов как к продолжению «гражданской войны памятников и монументов», восприняли это как войну за защиту наследия Конфедерации в противовес лобовым уличным манифестациям и актам вандализма по сносу и демонтажу наследия Конфедерации, организуемым леволиберальными силами, ориентированными на Демократическую партию⁷⁴.

«Гражданская война памятников» не оставила безучастными и профессиональных историков, ассоциация которых выпустила специальный документ, обозначающий ее позицию: «Памятник – это не сама история; памятник – это аспект истории, отражающий момент прошлого, когда государственное или частное решение определило, кого чествовать в общественных местах»⁷⁵. Совершенно справедливо в до-

кументе отмечено, что убрать памятник, переименовать школу или улицу – значит не стереть историю, а изменить интерпретацию истории или привлечь внимание к ее прежней интерпретации. Вместе с тем, с историей нужно обращаться аккуратно, не стоит огульно отвергать свое прошлое: «Джордж Вашингтон был рабовладельцем, но один из самых известных памятников Америки – памятник Вашингтону в столице страны – воздвигнут в знак признательности за его вклад в строительство американской нации... Поэтому нет никакой логической связи между строителями и защитниками нации – пусть и далекими от идеальных образов – и теми людьми, которые довели страну до полного уничтожения во имя защиты рабства». А главное, для истории важно сохранить все элементы памяти. Обращаясь к местным сообществам, которые были особенно активны в борьбе с памятниками, ассоциация историков призвала их помнить о важности артефактов своего времени и места. «Они должны быть сохранены, как и любой другой исторический документ, в музее или другом подходящем месте. Перед демонтажем мемориалы должны быть сфотографированы и измерены в их первоначальном виде. Эти документы должны сопровождать мемориалы как часть исторической летописи»⁷⁶.

В целом историческая политика, особенно в области борьбы с памятниками, продемонстрировала столкновение двух основных акторов – законодательных палат штатов с их законами или представителей муниципальных служб, с одной стороны, и борцов с памятниками, низового движения, манифестантов – с другой. Движение за снос памятников натолкнулось на мощное сопротивление консервативных сил и «исторические “мины замедленного действия” в виде законов штатов и муниципальных законов об охране памятников, принимавшихся с начала XX в. параллельно или вслед за федеральным законом об американских древностях, подписанным президентом Т. Рузвельтом еще в 1906 г. (*American Antiquities Act 1906*)»⁷⁷.

«Борьба с памятниками» и переформатирование истории в США

Ключевым моментом для политики памяти в США с точки зрения борьбы с памятниками является, несомненно, Гражданская война. Историческая память США удивительным образом сочетала два разных образа ключевого события в истории страны, закрепив компо-

мисс «двух Америк», и это оставалось важным доводом в пользу того, что свобода слова позволяет обществу обойтись без единого взгляда на историю⁷⁸. Как отмечает Д.М. Бондаренко, для американского общества в ситуации нынешнего социокультурного кризиса, «когда идентичность становится сомнительной» и вследствие этого «повышается ценность памяти», оказалась особенно важна коллективная культурная память об одном из ключевых событий в истории страны, с которым принято связывать рождение американской нации, – о Гражданской войне 1861–1865 гг., иначе именуемой Войной Севера и Юга⁷⁹. Но эта культурная память заключает в себе одно существенное противоречие: черные в устоявшихся еще в XIX в. нарративах Гражданской войны не являются субъектом. Возможно, это противоречие лежит в основе непрекращающейся и неразрешимой борьбы с памятниками.

Как подчеркивает в своем «Заявлении о памятниках Конфедерации» Американская историческая ассоциация, независимо от своей представленности в реальном населении того или иного избирательного округа, африкано-американцы не имели права голоса и возможности поднимать вопросы о целях и вероятном влиянии почестей, оказанных строителям Конфедеративных Штатов Америки. Американская историческая ассоциация считает, что настало время пересмотреть эти решения. Мемориалы Конфедерации были призваны, в частности... запугать афроамериканцев в политическом плане и изолировать их от основного русла общественной жизни. Рецидив чествования [Конфедерации] в середине XX в. совпал с Движением за гражданские права и включал в себя волну переименований и популяризацию флага Конфедерации как политического символа. События в Шарлотсвилле⁸⁰ и других местах свидетельствуют о том, что эти символы превосходства белой расы по-прежнему используются в аналогичных целях»⁸¹.

Соединенные Штаты долгое время служили исследователям исторической памяти примером сосуществования разных систем коммеморации. К югу от линии, разделявшей штаты, оставшиеся верными федеральному правительству США и образовавшие Конфедерацию, почти невозможно найти памятники президенту Аврааму Линкольну, зато там до последнего времени во множестве стояли памятники президенту КША Джефферсону Дэвису и, конечно, генералу Роберту Э. Ли, за редким исключением отсутствующие на Севере. Неширокая

река Потомак отделяет мемориал Линкольна в Вашингтоне от хайвэя имени Роберта Э. Ли на виргинском берегу⁸².

США имеют собственную историю борьбы с памятниками. В 1776 г., когда Американская революция была в самом разгаре, гнев был направлен на свинцовую конную статую английского короля Георга III на Боулинг-Грин в Нью-Йорке. С помощью войск Джорджа Вашингтона демонстранты свалили статую с пьедестала и разбили ее на куски. Большая ее часть была отправлена в Коннектикут и переплавлена для изготовления 42 008 свинцовых пуль. Британский офицер, которому удалось спасти ее фрагмент – голову короля, отмечал, что нос был отрезан, а мушкетный шар застрял «на полпути сквозь голову». Он приказал отправить голову в Лондон, «чтобы убедить их (британцев. – В.У.) в позорном нраве неблагодарных жителей этой бедствующей страны»⁸³.

Началом современному движению по сносу и демонтажу памятников Гражданской войны послужил расстрел девяти черных прихожан в Африканской методистской епископальной церкви Эмануэль⁸⁴ в г. Чарльстоне (штат Южная Каролина) двадцатидвухлетним Диланом Руфом в июне 2015 г. Признано, что расстрел носил сугубо ритуальный и демонстративный характер. Д. Руф был сторонником идеи превосходства белых, регулярно читал интернет-ресурсы расистского содержания. Погибло девять человек, отдельно акцентировалось внимание на том, что большую часть из них составили женщины, а «женский фактор», по мнению исследователей взглядов сторонников идеологии превосходства белых, играет исключительно важную роль в ее установках⁸⁵.

После массового убийства в Чарльстоне крупнейшая в мире сеть универмагов *Walmart* решила изъять из продажи всю продукцию с изображением символики Конфедерации, поскольку совершивший преступление националист Д. Руф выкладывал в социальных сетях фотографии с флагом Конфедеративных Штатов Америки (КША)⁸⁶. Власти некоторых южных штатов также потребовали убрать флаг Конфедерации: с автомобильных номеров (Виргиния), с мемориала погибшим солдатам армии КША (Алабама) и даже исключить его изображение из флага штата (Миссисипи)⁸⁷. Помимо этого, были прекращены церемонии подъема флага и сняты многочисленные флаги Конфедерации во многих штатах Юга. В городе Рок-Хилл (Южная Каролина) флаг Конфедерации летом 2017 г. был убран из

здания городского суда⁸⁸. В памяти о прошлом сместились акценты. В целом флаг Конфедерации и связанная с ним символика оказались более скомпрометированными, нежели остальные культурные артефакты периода Гражданской войны в США⁸⁹.

Н.М. Травкина считает, что главным фактором нарастания противостояния в американском обществе явилась победа на президентских выборах 2016 г. Д. Трампа, который в сознании сторонников Демократической партии ассоциируется с расовыми идеями превосходства белых. С приходом к власти Д. Трампа в США возникло достаточно мощное движение, начавшееся с южных штатов, по сносу и демонтажу памятников Конфедерации, которые символизируют, по мнению леволиберальных сил, идеи и теории высших и низших рас, что считалось канувшим в Лету после принятия в 1960-х годах законов о гражданских правах⁹⁰. Хотя нам представляется политизированным преувеличением столь высокая оценка роли личности президента Трампа, но основываясь на данных интервью, можно утверждать, что это достаточно распространенный взгляд в американском обществе. Противники Д. Трампа полагали, что острота проблемы демонтажа/сохранения монументов Конфедерации и других памятников американской истории будет сохраняться до тех пор, пока он остается президентом. Но волна борьбы с памятниками не прошла и после правления 45-го президента США. Убийство Джорджа Флойда вызвало новый вал протестов и борьбу с памятниками, небывалую актуализацию движения *Black Lives Matter*, более того, сделало его практически мировым феноменом.

К последним месяцам 2020 г. в США зарегистрировано более ста эпизодов сноса и демонтажа памятников и памятных знаков, переименований общественных мест и других действий, направленных на реформатирование истории, а иногда – на уничтожение памяти об эпохе Конфедерации в жизни американского общества⁹¹. Одни события, например, демонтаж четырех памятников в Новом Орлеане в апреле–мае 2017 г. или приведшие к жертвам беспорядки в Шарлотсвилле в августе 2017 г. привлекли внимание всей страны, другие остались незамеченными, как демонтаж памятной плиты при входе в Форт-Уоррен на острове Джорджес (Бостонский залив). Эта плита, в частности, являлась единственным памятным знаком, напоминавшим об эпохе Конфедерации на территории штата Массачусетс, и была установлена в 1963 г. в память примерно о тысяче солдат армии

южан, попавших в плен во время войны и ставших узниками тюрьмы, в которую в тот период был превращен Форт-Уоррен, где тринадцать пленных умерли в заточении⁹².

Сторонники демонтажа памятников Конфедерации утверждают, что в ретроспективном плане нынешняя волна борьбы с памятниками является в определенной мере правомерным шагом, поскольку на протяжении первых тридцати лет XX в. они воздвигались как политические символы сегрегационного и расистского режима, фактически апартеида, установившегося в 26 американских штатах в результате принятия так называемых законов Джима Кроу на рубеже XIX и XX вв. Анализируя нарратив сторонников «войны с памятниками», Н.М. Травкина утверждает, что массовое возведение памятников, монументов, памятных знаков, прославляющих и героизирующих лидеров и эпоху Конфедерации, началось именно как следствие сегрегационных законов Джима Кроу и постановления Верховного суда США о признании превосходства белых конституционной нормой. По мнению М.Н. Травкиной, распространенным является представление, что памятники южанам символизировали их не военную, но морально-нравственную победу в Гражданской войне⁹³. И именно по этой причине они вызывают такое негодование у политических оппонентов и гражданских активистов. Знаковым символом этой моральной победы считается то, что большая часть памятников и памятных знаков с конца XIX в. и до 1929 г. была воздвигнута на основных полях сражений армий южан и северян, на кладбищах, в зданиях судов и в legislatures штатов⁹⁴.

Борцы с памятниками указывают на две волны установки памятников Конфедерации – 1910-е и 1960-е годы. Противники памятников утверждают, что это были очередные кампании по коммеморации и утверждению белого господства. Те же, кто выступает за сохранения памятников, указывают сугубо инструментальную причину появления большого числа памятников Конфедерации именно в те десятилетия: просто на них пришлось 50-летие и 100-летие Гражданской войны, и примирения этих двух точек зрения пока не заметно.

Стремление президента Д. Трампа активно заниматься исторической политикой выразилось в попытках защиты памятников как «культурного наследия». Активность Д. Трампа в социальных сетях еще сильнее накалила страсти в вопросах отношения к памятникам американского прошлого. Как заявил Д. Трамп в своем сообщении в

Twitter* от 17 августа 2017 г., после столкновений в Шарлотсвилле «печально наблюдать, как историю и культуру нашей великой страны разрывают на части в результате сноса наших прекрасных скульптур и памятников»⁹⁵. Этим заявлением Трамп подтвердил худшие опасения своих политических оппонентов относительно того, что он действительно является приверженцем философии превосходства белых.

Развитие событий показало, что тогда Д. Трамп почти пророчески написал: «Роберт Ли, Стоунволл Джексон – кто следующий: Вашингтон, Джефферсон?»⁹⁶ Разговоры об отцах-основателях США с ростом протестной активности стали вызывать ассоциации с ними как, прежде всего, с рабовладельцами. Упоминания о Дне благодарения, Дне Колумба или пуританстве все чаще порождают дебаты по поводу геноцида коренных американцев, даже национальный гимн вызывает массовые разногласия в спортивной жизни Америки⁹⁷.

Как эмоционально ответила одна респондентка, черная американка, университетский преподаватель: «Если я рассказываю студентам, что двенадцать президентов США были рабовладельцами, это не “критическая расовая теория”, это просто факт. Вы можете поехать в Монтичелло⁹⁸ и убедиться в этом сами, а не верить мне на слово. Не сердитесь на меня за то, что я преподаю это. Сердитесь на Джорджа Вашингтона за то, что он это сделал. В чем меня упрекают... Они говорят: “Ну, когда вы преподаете это, вы учите детей ненавидеть Америку”, но это не моя проблема. Это, похоже, проблема Джорджа Вашингтона. И проблема Томаса Джефферсона. Проблема Джеймса Монро⁹⁹. Это были люди, замешанные в рабстве. И поэтому вы связываете руки учителю, отказываясь позволить ему преподавать это. И если это заставляет белых детей чувствовать себя неловко, мне очень жаль. Знаете, когда я сижу в классе и спокойно узнаю, что чернокожие люди были счастливы, будучи поработанными, или, как коренной житель, узнаю, что Христофор Колумб открыл Америку... Так вы же не против, чтобы ребенок из коренного населения чувствовал себя некомфортно. А вот когда приходит время доставлять неудобства белым детям, это становится проблемой. Я хочу иметь возможность сказать, что двенадцать президентов США имели рабов, потому что это факт. Вот в чем дело – не заставлять белых детей чув-

---

* Соцсеть *Twitter* (ныне *X*) заблокирована на территории РФ по решению Роскомнадзора на основании требования Генпрокуратуры 04.03.2022.

ствовать себя неловко, а они говорят: ну, вы учите детей ненавидеть Америку. Нет! Мы учим детей правде об Америке. И если дети ненавидят Америку в результате того, что это правда, я не могу этому помешать. Это не моя проблема».

Волна вандализма, которая начиналась с памятников Роберту Ли и другим конфедератам, докатилась до отцов-основателей, затем до памятников Линкольну, затем – Сервантесу, и вообще возник вопрос о памятниках «великим белым мужчинам»¹⁰⁰. Наблюдалось много случаев низового действия, когда власти лишь реагировали на поступки демонстрантов. Борьба с памятниками фактически превратилась в творчество масс, присвоение ими истории себе. С самого начала в ней активно участвовала студенческая молодежь. Например, в г. Дерхем (штат Северная Каролина) памятник солдатам графства Дерхем, сражавшимся в армии Конфедерации, протестующие студенты стащили при помощи веревок с пьедестала и частично разрушили¹⁰¹. Руководство университета Дьюка, опасаясь массовых беспорядков со стороны студентов, само оперативно демонтировало статую генерала Ли в университетской часовне¹⁰². Все это и многое другое выступает фактором снижения роли исторического нарратива об отцах-основателях в символическом конструировании американской национальной идентичности. Так, например, в известной книге историка Г. Зинна «Народная история США» практически не уделяется внимания такому историческому событию, как Гражданская война. Акцент смещается на положение рабочих, роль женщин, а также расовых и этнических меньшинств в истории страны¹⁰³.

Критика национальной истории американцев была обусловлена «открытием» особых «групп памяти», которые прежде были едва различимы на фоне «громкого национального исторического повествования»¹⁰⁴. В этом контексте демифологизация фигур отцов-основателей проходила путем демонстрации, например, их неспособности положить конец рабовладельческой системе или достигнуть соглашения с коренными жителями Америки. Более того, сам термин «отцы-основатели» начал рассматриваться активистами как сексистский в силу того, что он исключает из национального повествования целый ряд женщин, которые внесли вклад в борьбу за независимость США (к ним можно отнести М.О. Уоррен, Д. Мэдисон и Э. Адамс). Вместе с этим в историческом дискурсе США наблюдается тенденция по смещению исследовательского фокуса с центральных фигур (и собы-

тий) исторического повествования к периферийным, развитие получает так называемая микроистория.

Сейчас усилиями африкано-американских активистов и сочувствующей им леволиберальной общественности на первый план постепенно выходит другая версия американской истории. Она гласит, что белые Севера и белые Юга договорились за счет черных. Это обосновывается тем, что после Реконструкции на Юге почти сто лет сохранялась сегрегация африкано-американцев. Подобная динамика восприятия прошлого отчасти объяснима – наш взгляд на любые исторические события во многом определяется сегодняшней повесткой дня. Вполне возможно, через полвека появится совершенно иное толкование Гражданской войны¹⁰⁵.

Памятники могут менять изначально заложенный в них смысл под воздействием современных исторических реалий. Наверное, самый яркий пример – памятники Абрахаму Линкольну*. Так, африкано-американец Тори Баллоком, автор петиции за снос памятника А. Линкольну под названием «Освобождение рабов» в Бостоне, заявил: «Многим людям кажется, что этот мемориал олицетворяет идею свободы, но я, как чернокожий, проходя мимо него, свободы не вижу»¹⁰⁶. Таким образом, символ освобождения для африкано-американского активиста стало символом унижения. В результате памятник был демонтирован 29 декабря 2020 г. городскими властями после единогласного голосования за это Бостонской художественной комиссии.

В то же время о таком же монументе в Линкольн-парке в статье под названием «Памятник нашей общей цели», опубликованной в *The Wall Street Journal* в разделе «Мнение», писалось как об олицетворении не господства белых, а самостоятельности африкано-американцев и совместной борьбы черных и белых за права и свободы¹⁰⁷.

Другой пример – скульптура «Молодой Линкольн», еще одна статуя 16-го президента США, подвергшаяся вандализму, на сей раз в Чикаго (илл. 21). После протестов 2020 г. в Чикаго была создана комиссия, целью которой была оценка памятников с точки зрения визу-

---

* Об истории памятников А. Линкольну в Бостоне и Вашингтоне, о дискуссиях по поводу их сноса также см. в гл. 2; фотография памятника А. Линкольну в Бостоне представлена на илл. 7 (прим. отв. ред.).

альной дискриминации черных американцев, запущена программа «статуи исторических личностей с противоречивой историей». Памятник Аврааму Линкольну был одним из многих в городе, исследованных комиссией. На основании ее заключения убрали, в частности, статую Христофора Колумба, но комиссия предложила оставить памятники Линкольну до дальнейшего рассмотрения проблемы. И именно статуя молодого Авраама Линкольна в чикагском Линкольн-парке была залита красной краской. При этом оставшиеся неизвестными вандалы написали на памятнике: «Долой колонизаторов», «Землю назад!» и «Отомстите за дакотов 38»¹⁰⁸. Последняя надпись – это фактически обвинение 16-го президента США, отменившего рабство, в геноциде индейцев. Линкольн, известный тем, что покончил с рабством в Соединенных Штатах, в последние годы критикуется левой общественностью за роль, которую сыграл в войне с племенем дакота (иначе называемых санти-сиу или восточные сиу) в 1862 г. Вандалы имели в виду 38 дакотов, казненных по приказу Линкольна. По официальной версии, вооруженный конфликт между США и дакотами произошел в разгар Гражданской войны в штате Миннесота после того, как четверо молодых индейцев напали на пятерых американских поселенцев и убили их. В результате войны погибло 358 белых поселенцев, 77 американских солдат и 29 членов ополчения. Число жертв среди индейцев неизвестно. Линкольн смягчил приговоры 303 из 498 захваченных в плен дакотов. Но в современной ситуации акцент делается не на этом, а на том, что он одобрил казнь 38 повстанцев¹⁰⁹. Группа активистов также опубликовала список имен 38 казненных дакотов и заявила, что хочет «разрушить миф о Линкольне, великом освободителе»¹¹⁰.

С позиции движения *BLM* отношение к исторической памяти и ее проявлениям радикально меняется. В целом в начале нового витка «борьбы с памятниками» сторонники движения *BLM* направили свой гнев главным образом на генералов и солдат Конфедерации южных штатов эпохи Гражданской войны. В Ричмонде, столице штата Виргиния, с 1861 по 1865 г. бывшем и столицей Конфедерации, в сентябре 2021 г. по требованию протестующих демонтировали статую генерала армии конфедератов Роберта Ли. Это был один из самых значительных монументов деятелям Юга времен гражданской войны, его установили в 1890 г. Памятник стал первым из шести, которые были установлены в честь конфедератов на главном городском бульваре.

Вместе с тем он оставался единственным из них, не снесенным до нового витка борьбы с памятниками, начавшегося после убийства Дж. Флойда. Губернатор Виргинии Ральф Нортхэм назвал демонтаж статуи «частью процесса исцеления», который позволит штату стать инклюзивнее и гостеприимнее. «Мы ожидаем, что теперь история Виргинии будет отражать то, кем мы являемся в XXI веке», – написал Р. Нортхэм в *Twitter*¹¹¹. Губернатор Нортхэм распорядился демонтировать монумент еще в июне 2020 г., однако этому помешали юридические сложности. Окончательное решение вынес Верховный суд Виргинии: статую разместят на государственном складе, а позже решат, что с ней делать дальше. Там же, в Виргинии, был разрушен памятник первому и единственному президенту Конфедеративных Штатов Америки Джефферсону Дэвису.

Третьего президента США Томаса Джефферсона, одного из авторов Декларации независимости, протестующие тоже не пощадили. В Портленде (штат Орегон) статую Джефферсона снесли с постамента, в частности, за то, что он был рабовладельцем. Между тем, судя по данным интервью, фигура Джефферсона вызывает интерес в американском обществе: «Томас Джефферсон – интересный человек. Очевидно, что он расист, и то, что он сделал с Салли Хемингс¹¹², и тому подобные вещи [ужасны]. Но мне все равно интересна его деятельность».

Интересно отметить, что на втором месте (после памятников Роберту Ли) по количеству актов вандализма стоят памятники Христофору Колумбу – их пострадало более тридцати¹¹³. Атакам вандалов статуи первооткрывателя для европейцев Нового Света подверглись не за расправу над чернокожим населением, а за колонизацию индейцев. Статую Колумба в Бостоне (штат Массачусетс) обезглавили¹¹⁴, а его статую в Ричмонде (штат Виргиния) подожгли и сбросили в близлежащее озеро¹¹⁵. Власти Нью-Йорка во время массовых протестов были вынуждены тщательно охранять статую Колумба на Коламбус-Серкл на Манхэттене¹¹⁶. В Сент-Луисе (штат Миссури) администрация парка Тауэр-Гроув демонтировала памятник мореплавателю добровольно. Он простоял там более 130 лет¹¹⁷.

Общество раскололось в своем отношении к «борьбе с памятниками». Например, африкано-американская писательница София А. Нельсон считает, что снос статуй – это бегство от прошлого и запрет на свободу самовыражения¹¹⁸. Мнения американских властей по

поводу происходящего также разделились. «Грустно видеть, как разрывают на части историю и культуру нашей великой страны со сносом наших красивых статуй и памятников, – высказался в своем аккаунте в *Twitter* президент-республиканец Дональд Трамп. – Нельзя изменить историю, но можно извлечь из нее уроки»¹¹⁹. В то же время спикер Палаты представителей Конгресса демократ Нэнси Пелоси заявила: «Хотя я считаю, что крайне важно, чтобы мы никогда не забывали нашу историю, я также считаю, что в священных залах Капитолия Соединенных Штатов или в почетных местах нет места для торжества насильственного фанатизма мужчин Конфедерации». Она также рассказала, что направила письмо в Объединенный библиотечный комитет с призывом демонтировать статуи конфедератов, находящиеся в здании Капитолия¹²⁰.

Демонтаж статуй критикуется за то, что является сознательной попыткой вычеркнуть из анналов большой позитивный вклад в историю США тех исторических личностей, которые вызывают отторжение у определенной части американского общества. Такие действия, в свою очередь, как утверждается, могут привести к еще большему незнанию прошлого и ухудшению понимания настоящего. Однако трудно согласиться с полным моральным релятивизмом. Можно провести моральное различие между теми, кто активно поработал людей, занимался работорговлей или вступал в войну, защищая рабство, и теми, кто, возможно, извлекал из него выгоду, не будучи работорговцем. Не стоит забывать и о тех, кто не оспаривал законность института рабства, но в какой-то мере старался быть гуманным по отношению к рабам.

Иными словами, даже в эпоху североатлантической работорговли существовали различные моральные позиции и было место для выбора, даже если этот выбор был более узким и обусловленным общим климатом принятия рабства. Таким образом, активное участие в работорговле или участие в сражениях в защиту рабства, как активисты именуют Гражданскую войну, вероятно, было вопросом личного выбора, а не только следствием той эпохи. Американцы очень лично воспринимают эти вопросы – а вдруг твой предок был работорговцем? «Я думаю, что люди – американцы в целом, белые американцы особенно, – не знают, как говорить о расе. Они принимают этот вопрос очень близко к сердцу, и трудно не делать этого – я имею в виду ужасные вещи, которые происходят особенно тогда, когда при-

ходится осознавать, что ваши предки, вероятно, были вовлечены в это [торговлю и владение рабами], а вы не хотите думать так о своих предках. Поэтому я думаю, что сейчас это очень обидная ситуация».

Сторонники «правового» подхода к борьбе с памятниками выступают за перенесение статуй в согласованные места. Удаление статуй из общественного пространства не означает их уничтожения. Если их поместить в музей, то они будут защищены, сохранены и представлены в рамках, позволяющих лучше понять и интерпретировать их. Возникает вопрос: а как быть со статуями, высеченными в природных пространствах, например, с барельефами трех лидеров Конфедерации на Стоун-Маунтин, которые нельзя перенести в музеи или другие места? Здесь, возможно, единственной альтернативой является расширение повествования об этих исторических событиях, чтобы были услышаны и голоса тех, о ком молчат, о тех, кто до недавнего времени находился в тени великих исторических событий, о группах, лишенных таких мощных исторических нарративов.

К сожалению, трудно найти примеры в США или европейских странах, свидетельствующие, что власти прилагают целенаправленные усилия, чтобы разобраться с рабовладельческим и колониальным прошлым, тщательно изучив его влияние на настоящее. Дискурсы о расизме, как правило, сосредоточены на программах инклюзии, которые полезны, но позволяют избежать честной конфронтации с прошлым. Более органичная программа, направленная на искоренение расизма и достижение гармонии в обществе, требует нелицеприятного диалога о несправедливости прошлого. Ведь истинное примирение требует выявления и признания ошибок, а также будущего стремления к справедливости.

Судя по материалам интервью, наши респонденты тоже осознают или ощущают сложность и опасности, болезненность подобного нелицеприятного диалога. Пожалуй, самое частое слово при описании своих чувств в этой связи у белых респондентов – *weird* («странный» с негативной коннотацией).

Памятники как места коммеморации, служат разным целям: увековечивают былые победы, славу, величие народа, его лидеров, главные трагедии и моменты, повлиявшие на формирование той или иной общности (нации), государства. Таким образом, в гипотетическом идеальном гомогенном обществе согласие по поводу установления/переноса/уничтожения памятников выглядит легкодостижимым,

но в мультикультурном контексте, в обществах, где нет согласия по поводу прочтения собственной истории, где существуют конкурирующие идентичности, вопрос отношения к памятникам, как и к актам вандализма, становится очень острым. То, что должно, по идее, объединять, напротив, разделяет. У борцов с памятниками и мемориалами есть убедительный аргумент: предоставление памятникам расистам постоянного места в публичной сфере оказывает негативное влияние на жертв расизма. В американских и европейских исследованиях феномен вандализма исследуется с позиций интерсекциональности (или теории пересечений), где пересекаются различные формы или системы угнетения, доминирования и дискриминации, как правило расы, класса и пола¹²¹. Нынешний американский вариант «войны памятников» – почти идеальная иллюстрация борьбы с преобладающими в обществе системами доминирования и дискриминации. Важно, что преобладание в публичном пространстве фигур белых мужчин и малочисленность, во всяком случае до недавнего времени, памятников чернокожим и женщинам укрепляет идею о том, что во главе американского общества стоят белые мужчины и что только белые мужчины достойны памяти в обществе.

Стоит также отметить, что жертвы часто испытывают то, что М. Фрикер назвала герменевтической несправедливостью – специфический вид (не)справедливости по отношению к человеку, выступающему в качестве источника знаний. Она может быть двух видов: свидетельской и герменевтической. Первая возникает тогда, когда адресат сообщения, аудитория с предубеждением относится к говорящему, занижая его эпистемический статус, не доверяя ему, что может быть проявлением более общего предрассудка – расового, классового или гендерного. И если это является не просто индивидуальным поведением, а частью системы стереотипов, предрассудков, свойственных представителям определенной социальной группы, тогда речь идет уже о герменевтической несправедливости. Если в обществе отсутствует герменевтический ресурс для обсуждения проблемы, для понимания ситуации, то отсутствие ресурса, прежде всего, маргинализует ущемленные социальные группы, опыт которых может оказываться неприятным или непонятным даже самим членам этих групп¹²².

Это происходит, когда жертвы несправедливости воспринимают, например, историческое событие не так, как окружающее их общест-

во, но из-за дефицита общих инструментов интерпретации у жертв или маргинальных групп может не хватать эпистемических понятий для выражения своих чувств. Людям африканского происхождения зачастую довольно сложно очертить контуры расизма – понять и объяснить, почему та или иная интерпретация задевает их чувства, но это не означает, что его последствия не ощущаются. Преобладание в общественном пространстве фигур колониалистов, расистов, рабовладельцев и работоторговцев, отсутствие до недавнего времени значительного числа памятников рабам и чернокожим борцам с расизмом может способствовать тому, что общественное пространство становится тихо, но ощутимо недоброжелательным по отношению к лицам африканского происхождения¹²³.

Концентрация внимания на актах вандализма со стороны некоторых демонстрантов – это отклонение, которое может привести к упущению возможности рассмотреть важные вопросы, касающиеся идентичности и истории¹²⁴. Споры и вообще неоднозначность решений о том, какие памятники могут быть убраны, вообще стали едва ли не главным вопросом в дебатах вокруг движения *BLM*. Это даже вызывало озабоченность среди его симпатизантов, начавших опасаться, что вопросы расизма, привилегий белых, справедливости и равенства будут переведены в пласт обсуждения законности и порядка или, что еще хуже, сведены к вопросам патриотизма и любви к родине, когда быть патриотом – значит каким-то образом ассоциировать себя с нарративом, который привел к воздвижению этих монументов, ныне вызывающих вопросы.

Движение *Black Lives Matter* – это не дебаты о статуях. Речь идет об условиях, которые позволяют происходить событиям, подобным убийству Джорджа Флойда. По словам одного из респондентов: «Мы видим, как африкано-американские общины собираются вокруг Джорджа Флойда, и, более того, речь идет о насилии и жестокости полиции. Речь идет уже не только о Джордже Флойде». Другой собеседник высказался так: «Лично я считаю, что убийство Джорджа Флойда стало катализатором, вскрывшим и без того коррумпированную [полицейскую] систему. Но я не думаю, что его следует прославлять как героя. Я... не уверен, что у этого человека были качества, чтобы быть кем-то [кем можно восхищаться]». Флойд не совсем герой, скорее, совсем не герой, но он жертва, которая актуализировала борьбу с полицейским произволом, борьбу за права в более широ-

ком смысле, чем равенство перед законом (илл. 22). Знаменитые слова Джорджа Флойда, произнесенные, когда ему перекрывал своим коленом доступ к воздуху белый полицейский Дерек Шовен, – «Я не могу дышать» – стали символическим криком африкано-американцев, людей, живущих под постоянным прессингом. *Black Lives Matter* – призыв снять эти гири, чтобы люди африканского происхождения могли свободно дышать в американском обществе и иметь те же возможности, что и его белые граждане¹²⁵.

Можно предположить, что проанализировав, кем или чем заменяются поверженные кумиры, мы сможем понять вектор политического развития, а возможно, исторического развития США, понять основные направления политики памяти в них. Под влиянием движения *BLM* Гражданская война приобрела новые черты в символическом измерении. Очевидно, что нельзя просто заменить южан на «северных героев». Замечание И. Куррилы о том, что Север и Юг имеют совершенно разные памятники, а к югу от Потомака, то есть к югу от «линии, разделявшей штаты, верные федеральному правительству США, и Конфедерацию, почти невозможно найти памятники президенту Аврааму Линкольну, зато там до последнего времени во множестве стояли памятники президенту КША Джефферсону Дэвису и, конечно, генералу Роберту Э. Ли, напрочь отсутствующие на Севере»¹²⁶, демонстрирует огромную разницу, если не пропасть, в отношении к ключевому моменту своей истории со стороны афроамериканцев-северян и южан. И ставит вопрос о том, а была ли, есть ли, возможна ли для них в принципе если не единая, то общая история их страны.

В одном из интервью респондент, историк по профессии, приводит пример собственного опыта попытки объединения истории разных групп в США: «Мой пример – о дискуссиях о памяти и памятниках, о сносе памятников. Мы должны не просто сносить, мы должны ставить [памятники]. На территории здания законодательного органа штата [Южная Каролина] в [городе] Колумбии... Еще 25 лет назад памятники там были посвящены великим событиям в жизни белых жителей Южной Каролины. Но ситуация изменилась. Теперь на территории Государственного дома штата Южная Каролина есть памятник афроамериканцу, и это действительно один из самых впечатляющих памятников. Это памятник Стромму Турмонду, который был сенатором США от Южной Каролины. В нижней части па-

мятника указаны имена его детей [от белой жены]. Его африкано-американских детей не упомянули. И эти имена были добавлены! Когда сюда приехала внучка Строма Турмонда, меня попросили провести для нее экскурсию по кампусу, и, помните, у Строма Турмонда был ребенок от африкано-американки? И вот это дочь той женщины. Она приехала со своей дочерью, и я провел для них экскурсию, и я повел их в здание Турмонда, которое названо в честь ее деда. А там на стене висит большая картина с изображением ее белых [родственников]. И она сказала: “Знаете, я часть семьи”. И я сказал: “Я так учу”. Она засмеялась и сказала: “Спасибо”. Так что мы учим так. Мы мультикультурная страна, нравится нам это или нет, и если нам это не нравится, значит, мы не говорим правду».

В целом, когда в США убираются, переносятся, подвергаются актам вандализма памятники деятелям Конфедерации, которые боролись за независимость южных штатов и отстаивали до последнего рабовладение, это не вызывает масштабного отторжения (за исключением когда-то маргинальной, но теперь ставшей заметной части правых радикалов – см. гл. 1). В обществе сложился консенсус, что эти памятники не просто связаны с Гражданской войной, что они устанавливались не столько с целью увековечить сам конфликт, сколько для того, чтобы подчеркнуть систему господства белых над черными на американском юге в конце XIX – начале XX в. Проблема в том, что, пока с памятником борются, хотят снести, умышленно портят, он часть живой истории, а не архитектурного ландшафта, он вписан в политическую повестку. Нынешняя трансформация мест памяти призвана привести коммеморацию прошлого в соответствие с утверждающейся сегодня идеологией.

Тем не менее мы можем выделить героев, которых готово принимать американское общество: Мартин Лютер Кинг-младший, Роза Паркс, Гарриет Табмэн и др. (илл. 23). Их упоминают интервьюируемые, хотя иногда делают оговорку, что их роль несомненна, но нужны новые герои или местные герои, или Мартин Лютер Кинг был слишком миролюбивым, или, как сказал один интервьюер, «я слишком молод, а МЛК [Мартин Лютер Кинг] – персонаж другой эпохи». «Все вам, наверное, называют Мартина Лютера Кинга, – продолжил этот респондент, – но в то же время я моложе, поэтому мне трудно относиться к этому столь же горячо, потому что его имя [было] очень актуально в то время, для расовых проблем того поколения, верно?» Тем

не менее имя Мартина Лютера Кинга-младшего действительно было названо практически во всех интервью. Можно сказать, что это одна из главных исторических фигур для осознания «черного наследия». Памятники и мемориалы Мартину Лютеру Кингу-младшему – одни из самых очевидных мест коммеморации, призванных объединить разные социальные группы, его имя – своего рода знак консенсуса между группами, его, пусть по-разному, но признают и белые, и черные, и демократы, и республиканцы. «Больше всего мне запомнился памятник Мартину Лютеру Кингу в Вашингтоне. Это был действительно трогательный опыт», – признался один из респондентов (илл. 24).

Когда респонденты отвечают на вопрос о «черном наследии», первое, что приходит им в голову, – это, конечно, рабство и работорговля. Затем многие называли африканский вклад в культуру, особенно в музыку. Неоднократно в интервью упоминался Поль Робсон. Таким образом, важным элементом позитивной политики памяти для респондентов являются упоминания африкано-американцев, внесших огромный вклад в культуру США. В одном из интервью сформулирован образ черного наследия как «неслышных голосов»: «Ведь многое из черного наследия неизвестно, о нем не пишут в учебниках истории, оно игнорируется историей». Еще один респондент рассуждает так: «Черное наследие... Спиричуэлс. Но затем – развитие джаза, блюза, соула, даже рока, которые берут свое начало в традициях черной музыки. Современная американская музыка – рэп и хип-хоп – это еще одно проявление [черного наследия], которое представляет собой просто колоссальное богатство музыки» (илл. 25, 26).

Ставятся ли памятники новым лидерам, новым героям? Очевидно, что повествование о прошлом изменилось и памятники, не отражающие его суть, будут либо демонтированы, либо дополнены новыми, рассказывающими о другой стороне истории, не вызывая лишних споров. Одним из способов уже не только политической борьбы, но и коммеморации стали надписи *Black Lives Matter*, появившиеся в разных городах США (илл. 27). Любопытно, что борьба с памятниками в современных США не ограничивается только актами вандализма против исторических памятников, вандализму подвергаются и современные муралы и надписи, посвященные движению *Black Lives Matter*. Надписи *Black Lives Matter* появлялись в городах США задолго до смерти Джорджа Флойда. После его убийства многие города стали использовать настенные росписи со слова-

ми *Black Lives Matter* в качестве символа своей приверженности расовой справедливости.

Журналисты утверждают, что настенные росписи *Black Lives Matter*, украшающие сегодня улицы десятков городов США, возникли не как форма протеста, а как форма правительственного пиара, предвыборной борьбы. В Вашингтоне первое изображение знаменитых желтых букв – *BLM* – было создано Департаментом общественных работ округа Колумбия по заданию мэра Мюриэл Боузер. Настенный дизайн быстро распространился в городах как «синих» штатов (штатов, традиционно голосующих за демократов), например, в Сакраменто (Калифорния), так и прореспубликанских «красных» штатов, например, в Бирмингеме (Алабама), где местные власти благословили эти проекты.

Благодаря активисту и писателю Виктору Лакерсону стала широко известна история с муралом *BLM* в городе Талса, Оклахома, где на исторической Гринвуд-авеню была нарисована несанкционированная, но привлекавшая общественное внимание надпись *Black Lives Matter*. Протесты, прошедшие в связи с президентскими выборами 2020 г., сделали Талсу – не специально, но уже с неоспоримой убежденностью – городом, находящимся в авангарде борьбы за расовую справедливость. В Талсе создание мурала *Black Lives Matter* приобрело еще большую актуальность после того, как президент Дональд Трамп объявил, что проведет здесь свой первый с начала пандемии предвыборный митинг. Городские власти, ожидая масштабных протестов против Трампа, захотели убрать мурал.

История создания, борьбы за и против мурала *Black Lives Matter* в Талсе заслуживает отдельного описания. За день до приезда Трампа около пятидесяти художников без согласования с городскими властями нарисовали уличный мурал с подписью *Black Lives Matter* на Гринвуд-авеню в Талсе. Выбор места имел исторический смысл. В 1921 г. Гринвуд-авеню была эпицентром жизни богатых чернокожих жителей Талсы, а также центром жестокой бойни, в ходе которой толпы белых убили до трехсот человек и разрушили более двенадцати сотен домов и предприятий в этом районе. В октябре 2020 г. на местном кладбище в ходе поисков захоронений жертв была обнаружена безымянная братская могила, в которой находилось одиннадцать гробов. Сегодня в одном из кварталов района Гринвуд по-прежнему проживают местные чернокожие предприниматели, пред-

ки некоторых из которых поселились там и открыли свои предприятия еще до резни 1921 г.

Надпись *BLM* как послание о солидарности в столь беспокойный момент взволновало многих владельцев бизнеса и жителей района. «Я была счастлива увидеть это», – сказала Тори Тайсон, которая владеет студией *Blow Out Hair* на Гринвуд-авеню к тому моменту уже четырнадцать лет. «Это объединило молодых людей, стариков, черных детей, белых детей, разных людей, и они смогли поговорить». Надпись – огромные желтые буквы – стала достопримечательностью района, местом для коллективных фотографий выпускников школ и снимков родителей с новорожденными детьми. «Это своего рода “почетный знак”, – сказал Нехемия Франк, главный редактор местного новостного издания *Black Wall Street Times*. – Сохранив надпись, мы как город признаем, что жизнь чернокожих не всегда имела значение для правительства Талсы, но сегодня мы собираемся изменить это представление»¹²⁷.

После того, как президент Трамп назвал муралы *Black Lives Matter* «символом ненависти» в ответ на размещение этой надписи в Нью-Йорке перед башней Трампа¹²⁸, в Талсе началась борьба между местными республиканцами, занимающими разные административные посты, и представителями общественности вокруг вопроса о том, где именно должна быть эта надпись. Консерваторы развернули свою акцию протеста. Возмущение консерваторов оказалось действенным. Через несколько недель после протестов республиканцев мэр принял решение о демонтаже надписи. В утро, когда это должно было произойти, дорожные бригады были встречены морем картонных коробок, установленных на улице протестующими. Они символизировали надгробия черных людей, погибших от рук санкционированного государством насилия, – от жертв массовых убийств 1921 г. до Теренса Кратчера, безоружного человека, убитого полицейским из Талсы в 2016 г. Джесс Эдди, соучредитель группы «Белые против расизма», которая пытается привлечь белых союзников к борьбе за расовую справедливость, ночевал рядом с муралом в качестве добровольного сторожа. «Когда черные сталкиваются с полицией, вероятность насилия возрастает, – сказал он. – Поэтому я, как белый человек, обязан быть между ними»¹²⁹. Несмотря на все старания противников уничтожения мурала, он был в конце концов удален. Вот как это описала африкано-американка Тори Тайсон, владелица парикмахерского са-

лона: к тому моменту, когда она открыла дверь своего салона, вся улица уже была разровнена, слова *Black Lives Matter* перемолоты в желтый гравий, высыпанный в самосвал. Тайсон стояла у окна и наблюдала за тем, как Талса стала первым крупным городом в США, где уничтожили надпись *Black Lives Matter*. «В Талсе меня это не удивило, а задело, потому что весь мир наблюдает за нами. Это стыдно», – резюмировала она¹³⁰.

Но надпись не просто однажды убрали по решению властей: и до уничтожения ее неоднократно умышленно портили – закрашивали, «проводили тонкие синие линии» и т.п. Позднее, после того, как кто-то написал желтой краской *BLM* на том месте, где раньше находилась надпись, сотрудники полиции стали опрашивать владельцев близлежащих предприятий, а городские власти установили на улице круглосуточное наблюдение¹³¹.

Вандализм стал проблемой для муралов *Black Lives Matter* по всей стране. В Питтсбурге (штат Пенсильвания) в конце сентября 2020 г. двое мужчин стреляли шариками с краской по муралу *Black Lives Matter* в центре города, при этом один из них был в бейсболке с символикой Д. Трампа и толстовке с флагом Конфедерации¹³². В Итаке, штат Нью-Йорк, 4 октября того же года мурал был залит черной краской, но затем восстановлен местными активистами¹³³. В Университете Северной Каролины в Эшвилле по электронной почте были разосланы письма с угрозами насилия, если мурал не будет удален, что привело к блокировке кампуса администрацией университета и полицией, были отменены занятия¹³⁴. Уличная надпись в Восточном Нэшвилле (штат Теннесси) уже на следующий день после появления была испачкана следами от сгоревших шин¹³⁵.

Подобные муралы объединяют часть американского общества, восстанавливая против себя другую его часть. Борьба за настенную живопись активизировала людей, защищавших ее, в той же мере, в какой она возмутила тех, кто так отчаянно желал ее исчезновения. Когда в Талсе надпись была уничтожена, местные жители восстановили ее в течение нескольких часов. «Раз за разом эта фреска объединяла общество, и это было прекрасно»¹³⁶. Война символов становится своеобразной реинкарнацией Гражданской войны. Автор материала – местный журналист, блогер В. Лакерсон, работающий над книгой о событиях в Талсе и выпускающий информационный бюллетень о *Black history*¹³⁷, подытоживает: «В то время как городские власти

стремятся наказать людей за написанные слова, дух фразы *Black Lives Matter* не может быть стерт, даже если слова будут смыты, закаты в асфальт, замазаны и криминализированы»¹³⁸.

Борьба с памятниками, которая уже приобретает черты «войны памятников», когда не просто апологеты победившего нарратива устанавливают свои памятники, но они и их противники рушат памятники друг друга, иллюстрирует не только напряженные отношения между социальными группами в американском обществе, но и кризис идентичности или идентичностей – она действительно оказывает сильнейшее влияние на самосознание граждан США и их отношение к собственной стране. В интервью, отвечая на вопрос, что больше всего ассоциируется для них с Америкой, респонденты называли капитализм, патриотизм, эксплуатацию, национализм. Как будто споря с невидимым оппонентом или сами с собой, респонденты настаивали, что они, конечно, видят много проблем, но ни в каком случае не испытывают «антиамериканских» или «антипатриотических» чувств.

Среди связанных с Америкой ассоциаций собеседники называли и колониализм, причем имелась в виду прежде всего колонизация самой Америки, а затем уже идеи американской исключительности и права доминировать над остальным миром. Некоторые респонденты в своих рассуждениях были более радикальны: «Я не патриот. Когда я думаю об Америке, я думаю о том, как Америка обращалась с африканцами, с африкано-американцами на протяжении всей истории, начиная с того, что не считала нас людьми, и заканчивая порабощением, законами “Джима Кроу”, линчеванием, лишением права голоса, жестокостью полиции сегодня. В Соединенных Штатах существует множество препятствий, которые ставили и продолжают ставить перед африкано-американцами. Но мы борцы, мы выжившие. И, несмотря на жестокость и терроризм этой страны по отношению к нам, мы все равно стремимся к успеху. Поэтому я не патриот. Я не салютую флагу. Я не встаю во время исполнения гимна. Когда эта страна даст мне больше того, чем я могу гордиться, за что я могу постоять, тогда я начну это делать».

Респонденты настаивают на том, что прошлое, связанное с рабовладельцами и рабами, окружает их повсюду: «Знаете, все монументальные здания, на которые мы смотрим в этой стране, – Белый дом, Конгресс – были построены рабами. Знаете, каждый центр го-

рода к востоку от Миссисипи в большинстве своем был построен на труде, поте, слезах, жизнях людей, которые были порабощены в этой стране». «Я думаю, что в этом и заключается смысл того, что подобная символика окружает нас повсюду. Наше главное здание называется Тиллман-холл. Вы знаете, Тиллман был ярым расистом¹³⁹. Но подобная символика, названия зданий и улиц, памятники – все это вокруг нас». Во всех этих рассуждениях о капитализме и эксплуатации, конечно, ощущается влияние левых идей, левого крыла Демократической партии, которого так опасаются американские консерваторы и о котором постоянно упоминает бывший президент США Д. Трамп.

Снижение влияния «старого» исторического нарратива сказывается и на уровне патриотизма в американском обществе. Так, по данным американской аналитической компании *Gallup*, доля американцев, которые в высшей степени гордятся тем, что являются гражданами США, снизилась до рекордно низкого уровня и составила 38%. Опрос также показал, что 22% опрошенных считают себя «умеренно гордыми», 9% респондентов «гордятся с натяжкой», а 4% опрошенных честно сказали, что вообще не видят в своем гражданстве никакого повода для гордости¹⁴⁰. При этом, по данным *Pew Research*, американцы все равно остаются самыми гордящимися своей страной людьми. Сегодня два из десяти американцев считают, что США «стоят выше всех других стран мира». Около половины (52%) считают, что США – «одна из величайших стран наряду с некоторыми другими», а 27% – что «есть другие страны, которые лучше США». Но существенен межпоколенческий разрыв: только 9% молодых американцев считают США самой великой страной в мире, и 43% из них уже считают, что есть страны лучше США¹⁴¹. Недовольных своей страной больше среди избирателей, поддерживающих Демократическую партию. К их числу принадлежит и наша респондентка, социолог, которая так ответила на вопрос об исключительных чертах Америки: «Насилие, грабежи, разбой, особенно по отношению к коренным американцам, африкано-американцам и латиноамериканцам. Я думаю, что сегодня Соединенные Штаты продолжают бороться с очень жестоким и очень угнетающим прошлым. Возможно, я смотрю на это по-другому, я не знаю. Я провела некоторое время за границей, служила в Корпусе мира, жила в Никарагуа. И у меня была возможность познакомиться с людьми из других частей света. И поэто-

му я вижу Соединенные Штаты через потенциально немного другую линзу для разговоров с людьми из других стран, которые смотрят на нас и задаются вопросом “Что не так с вашей страной?”. Противоположный взгляд представлен заключением другого респондента, что «Америка – это прежде всего свобода».

Недовольство настоящим положением, интерес к прошлому, борьба за гражданские права требуют создания нового исторического нарратива, который, в свою очередь, невозможен без создания новых мест памяти, мемориалов и памятников. На этой волне в США появляются мемориальные таблички борцам за гражданские права, а само Движение за гражданские права имеет все шансы стать точкой сборки для американской нации на новом этапе. Причем, в круг борцов за гражданские права включаются и деятели, которых еще совсем недавно трудно было представить среди официально признанных героев. Например, в Сан-Франциско улица переименована в честь одного из основателей Черных пантер – Хьюи Ньютона. В одном из интервью среди знаковых личностей была упомянута Элэйн Браун – «единственная женщина, возглавлявшая партию “Черные пантеры”».

Знаковым событием стало создание в Вашингтоне крупнейшего в мире музея, посвященного африкано-американцам, – Национального музея африкано-американских истории и культуры (илл. 28). Музей был учрежден Актом Конгресса в 2003 г. после десятилетий усилий по привлечению внимания к вкладу африкано-американцев в историю США. Для публики музей открылся в сентябре 2016 г. как подразделение Смитсоновского института.

В Монтгомери (штат Алабама) – городе, с протестов в котором началось Движение за гражданские права, находится мемориальный комплекс, посвященный жертвам расового террора в Америке, жертвам линчевания – Музей наследия и Национальный мемориал мира и справедливости. Национальный мемориал мира и справедливости, неофициально известный как Национальный мемориал линчевания, призван сосредоточить внимание посетителей на прошлом «расовом терроризме» и признать его, а также продвигать идеи социальной справедливости в Америке. Национальный мемориал представляет собой открытый павильон с восемьюстами стальными квадратными колоннами, расположенными внутри сверху, которые сравнивают с подвешенными гробами (жертвы линчевания часто подвергались показательному повешению). На каждой колонне выгравированы

название американского округа и имена убитых там людей; большинство названы по именам, но многие числятся как «неизвестные».

Также в Алабаме, в Бирмингеме, в апреле 2018 г. был открыт мемориал в сквере Келли Инграм Парк в память о борьбе африкано-американцев за свои гражданские права. Институт гражданских прав Бирмингема, разместившийся в восстановленном здании баптистской церкви, получил разрешение на создание, помимо внутренней, музейной экспозиции своего мемориального комплекса на территории непосредственно прилегающего к зданию сквера под названием Келли Инграм Парк¹⁴². Главный монумент парка посвящен четырем африкано-американским девочкам, погибшим при взрыве бомбы 15 сентября 1963 г.¹⁴³ На памятнике они запускают в небо голубей мира (илл. 29)¹⁴⁴.

Это музеи и памятники, открывшиеся в последние годы. Многие из них посвящены именно травме рабства и работорговли. Общая тенденция открытия новых памятников – локализация истории (увеличение памяти о местных героях и событиях регионального масштаба) и создание собственного исторического нарратива, в котором африкано-американцы являются несомненным субъектом действий. И таких мемориалов и памятников становится все больше. Один из респондентов подчеркнул: «Я уверен, что существуют сотни, если не тысячи памятников. Я слышу об одном из них примерно каждую неделю. Последний, о котором я слышал, находится в Калифорнии, о существовании которого я не знал, – это памятник олимпийским чемпионам 1968 года, поднявшим кулаки вверх в знак протеста против господства белой расы в США, и теперь в их альма-матер на территории кампуса установлен памятник им».

Это действительно, возможно, не самый знаменитый, но очень интересный памятник, который иногда называют памятником жесту сопротивления. Молчаливый протест Томми Смита и Джона Карлоса на пьедестале почета, возможно, самый узнаваемый эпизод летних Олимпийских игр 1968 года в Мехико. Во время церемонии награждения Смит и Карлос, золотой и бронзовый призеры в беге на 200 метров, подняли кулаки в черных перчатках в приветственном жесте движения *Black Power* и сняли обувь, символизируя нищету чернокожего населения. Черные спортсмены стремились таким образом привлечь внимание мировой общественности к бедственному положению цветного населения США, указать на несправедливость и

неравенство, с которыми сталкивались миллионы чернокожих американцев (илл. 30).

Этот политический жест осудили американские власти, а некоторые зрители прямо на стадионе освистали спортсменов. По возвращении в США Смита и Карлоса исключили из сборной. Они подверглись массовой критике, оскорблениям и даже получали угрозы расправы. Тем не менее оба сделали успешную карьеру, но уже в Национальной футбольной лиге, затем занимались преподавательской и общественной деятельностью. В 2005 г. Государственный университет Сан-Хосе (*San Jose State University*) – альма-матер спортсменов – увековечил их самих и их знаменитый жест в скульптурной композиции, установленной в центре университетского кампуса. Ее автор – художник-монументалист португальского происхождения Рикардо Гувейя (псевдоним – Риго 23), известный в первую очередь именно благодаря своим произведениям на политические, в том числе связанные с борьбой с расизмом, темы (илл. 31)¹⁴⁵.

Подытоживая, можно сделать некоторые выводы. Памятники, несомненно, представляют собой интерпретацию истории. История, которую они рассказывают, часто бывает пристрастной, а то и вовсе идеологизированной. Мемориалы и монументы могут устаревать, когда запечатленные в них сюжеты или олицетворяемые ими личности перестают быть достойными обитателями общественного пространства. Процесс демонтажа памятников может носить институциональный, т.е. узаконенный, характер, но чаще всего это не так. Удаление памятника из публичного пространства не всегда влечет за собой его разрушение; скульптура может быть помещена в контекст таким образом, чтобы соответствовать текущему нарративу.

Демонтаж памятников, вызванный всплеском общественных эмоций, приводит к росту напряжения в обществе. Свержение же памятников не является гарантией того, что изменения, на которые возлагались надежды, произойдут. По словам Дж. Саймона, дебаты о спорных памятниках касаются «более широких конфликтов между конкурирующими видениями истории»¹⁴⁶.

Исследователи, которые часто при этом еще и активисты, склонны трактовать разрушение памятников как удел слабых и бесправных с политической точки зрения¹⁴⁷. Судя по ответам респондентов, люди весьма тяжело переживают столкновение исторических нарративов. Разрушение памятников, установление новых памятни-

ков – это неременная актуализация эмоций о событиях, которые в массе своей были давно, но благодаря актам вандализма или движению новых памятников, т.е. при помощи политики памяти, эти давние события вновь становятся актуальными и влияют, иногда предопределяют происходящее здесь и сейчас. И памятники становятся травмой для одних и актуализируют чувство вины для других. «Я думаю, что это (современный конфликт в американском обществе, попытки пересмотреть национальную историю. – В.У.) порождает обиду и гнев в черном сообществе, порождает чувство вины у белых в белом сообществе. Она (нынешняя борьба черных за права, против привилегий белых. – В.У.) порождает страх в белом сообществе, когда привилегии уменьшаются или когда [другие получают] больше возможностей, политической власти», – сказал один из респондентов. Более того, все заметнее актуализирующаяся борьба за справедливое прошлое может приводить к серьезным столкновениям в настоящем.

Осознанное общественное согласие на сегодняшний день не представляется достижимым. Характеризуя отношения в американском обществе, один из респондентов сказал: «...в целом я рассматриваю эти отношения как антагонистические. Не то чтобы среди белых не было приверженцев расовой справедливости и тому подобных вещей. Но я думаю, что в большинстве своем черные американцы чувствуют, что они как бы сами по себе в борьбе за то же равенство, которое, как полагают белые американцы, у них уже есть». Политика памяти в ее конкретном проявлении в борьбе с памятниками, по сути, является формой борьбы за власть; борьбой, направленной на легкодоступный объект. Именно памятники оказались на переднем плане политической борьбы. Легче праздновать победы над памятниками: «Празднование – это здорово, но я также думаю, что если вы празднуете это, то легче сказать, что дело сделано», – говорит белый преподаватель университета.

Судя по интервью, борьба с памятниками – это проявление борьбы за справедливость. В США в силу исторических, культурных и социально-политических причин вопросы равенства и справедливости формулируются в терминах расы. Поэтому борьба с памятниками, по сути, является борьбой не за историческую справедливость, а за справедливое общественное устройство сейчас. Свержение памятников – это своего рода замена революционных побед. Беспорядки в

США начинались с погромов полицейских участков, затем перекинулись на памятники, что, возможно, с точки зрения борьбы за права было менее важно в практическом смысле, но более символично. Таким образом, разрушение памятников – это крайняя форма выражения слабости тех, кто по-прежнему лишен прав. По сей день американское общество держится на расовой дихотомии, и изменить это вряд ли возможно, не разрушив само общество¹⁴⁸. Фраза Джорджа Флойда «Я не могу дышать!» стала квинтэссенцией и символом борьбы за права маргинализированных слоев общества¹⁴⁹. Именно эту фразу протестующие чаще всего писали на подвергающихся актам вандализма памятниках по всему миру. «Я не могу дышать!» превращается в «заклинание, вызывающее призраков расизма, спонсируемого государством», как пишет К. Смит¹⁵⁰.

Борьба с памятниками характеризует, как правило, переломные, кризисные моменты в истории государств и обществ. Памятники всегда несут мощное символическое послание, которое может затухать, памятники становятся элементом ландшафта. Но как только с ними начинают тем или иным способом бороться, их символизм актуализируется. Памятники политическим, общественным деятелям, героям всегда содержат политическую семантику, соотносящуюся с государством и его историей. Разумеется, разрушение такого памятника – выражение отношения к прошлому, к историческому нарративу, призванному спланировать нацию, своего рода разоблачение власти. Борьба с памятниками, с одной стороны, – символическая борьба, а с другой – это насильственное проявление взглядов. Борьба с памятниками в США свидетельствует о возможной смене идеологических парадигм, потребности в формировании у граждан нового представления о собственной стране и о глубоком кризисе идентичности, поразившем американское общество.

---

¹ Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis – London: University of Minnesota Press, 1996; Cohen R., Vertovec S. *Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context and Practice*. New York: Oxford University Press. 2003.

² Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пуомеж Ж. Франция-память. М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

³ Erll A. *Travelling Memory // Parallax* 2011. Vol. 17, Iss. 4. Pp. 4–18; *Eadem*. *Transcultural Memory // Critical Encyclopedia of Testimony and Memory*. 2015. <http://memories-testimony.com/en/notice/transcultural-memory/> (дата обращения 30.09.2023); Erll A., Rig-

---

ney A. Introduction: Cultural Memory and Its Dynamics // *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory* / Ed. A. Erl, A. Rigney. Berlin: de Gruyter, 2009. Pp. 1–11.

⁴ Beck U. *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity, 2006.

⁵ Bond L., Craps S., Vermeulen P. (eds.). *Memory Unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies*. New York: Berghahn, 2017.

⁶ Сабанчеев Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке* 2018, № 1. С. 37.

⁷ Филиппова Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора) // *Этнографическое обозрение*. 2011, № 4. С. 75.

⁸ Нора П. Указ. соч. С. 40.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Там же. С. 39.

¹² Прокопенков Г.Ю. «Рыцари Золотого круга»: конспирология как механизм конструирования исторической памяти о Юге США // *Вестник РГГУ. Серия Политология, история, международные отношения*. 2016, № 2. С. 121.

¹³ Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения 30.09.2023).

¹⁴ Там же.

¹⁵ <http://www.ex.ac.uk/geography/modules/GEO3107/Lecture8/sld001.html> (дата обращения 21.01.2021).

¹⁶ Omoigui N. Barracks: The History behind Those Names. <http://dawodu.com/barrack4.htm> (дата обращения 15.01.2021).

¹⁷ Boyarin J. *Space, Time, and the Politics of Memory // Remapping Memory* / Ed. J. Boyarin. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1994. P. 20.

¹⁸ Лайна Химид – британская художница, куратор, общественная активистка, профессор факультета современного искусства Университета Центрального Ланкашира, участница множества международных выставок и конференций, автор книг и фильмов по изобразительному искусству «черной диаспоры» с начала 1980-х годов.

¹⁹ Himid L. What are monuments for? Art of the black diaspora possible landmarks on the urban map. Keynote for CAAR conference Bremen 2009. <https://caar-web.org/index-3/> (дата обращения 13.02.2023).

²⁰ Judt T. A la Recherche du Temps Perdu // *The New York Review of Books*. 1998. Vol. 45, Iss. 19. <https://nybooks.com/articles/1998/12/03/a-la-recherche-du-temps-perdu/> (дата обращения 30.09.2023).

²¹ Judt T. Op. cit.

²² Young J.E. *The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning*. Ithaca: Cornell University Press, 1993. P. 5.

²³ Курилла И.И. Лекция: Историческая разметка пространства и времени // «Битва за прошлое. Как политика меняет историю». Цикл лекций. Музей истории Гулага. 04.03.2023. https://www.youtube.com/live/06zlxmjLQs?si=gbSRGMPk_y8HCKQX (дата обращения 07.11.2023).

---

²⁴ *Young J.E.* Op. cit. P. 284.

²⁵ *Judt T.* Op. cit.

²⁶ Гегемонистский нарратив относится, прежде всего, к представлениям о национальных государствах и национальных культурах, где для поддержания единства необходим доминирующий исторический нарратив, который, в свою очередь, поддерживается через систему образования, масс-медиа, музейную сферу, набор официальных праздников и коммемораций и т.д. При этом конкурирующие версии прошлого, противоречащие гегемонистскому нарративу, маргинализируются и подавляются, поскольку они рассматриваются как подрывающие национальное единство и патриотические чувства. Молчаливые сообщества образуют люди, не вписывающиеся в гегемонистский нарратив, не находящие себя в нем, но не противопоставляющие (возможно, до поры до времени) свою версию исторических событий господствующей. Напротив, контрпамять как конкурирующий нарратив создают и продвигают меньшинства, расовые и этнические, мигранты в разных поколениях, религиозные и региональные сообщества.

²⁷ *Бондаренко Д.М.* Память о Гражданской войне, борьба с расизмом и американская нация: конец 2010-х – начало 2020-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2023, № 1. С. 138–164.

²⁸ *Летняков Д.Э.* Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму // Политика и Общество. 2022, № 1. С. 45–53.

²⁹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

³⁰ *Hodgkin K., Radstone S.* Patterning the National Past // *Memory, History, Nation: Contested Pasts* / Eds. K. Hodgkin, S. Radstone. New Brunswick: Transaction, 2006. P. 169.

³¹ *Ibid.*

³² *Bell D.* Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54, Iss. 1. P. 75.

³³ *Нора П.* Проблематика мест памяти. С. 18.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 19.

³⁶ *Huyssen A.* Twilight Memories. Marking Time in a Culture of Amnesia. New York – London: Routledge, 1995. P. 2.

³⁷ *Ibid.* P. 7.

³⁸ *Ibid.* P. 4.

³⁹ *Tomsky T.* From Sarajevo to 9/11: Travelling Memory and the Trauma Economy // *Parallax* 2011. Vol. 17, № 4. P. 53.

⁴⁰ *Butler J.* Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London: Verso, 2004. P. 32.

⁴¹ См.: *Hirsh M.* Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory. Cambridge: Harvard University Press, 1997; *Eadem.* Surviving Images: Holocaust Photography in Personal and the Work of Postmemory // *Yale Journal of Criticism*. 2001. Vol. 12, № 1. Pp. 5–27; *Fine E.* The Absent Memory: The Act of Writing in Post- Holocaust French Literature // *Writing and the Holocaust* / Ed. B. Lang. New York: Holmes and Meier, 1988. Pp. 41–57; *Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York: Columbia University Press, 2004.

---

⁴² Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York: Columbia University Press, 2012. P. 19.

⁴³ Миллер А. Политика памяти в России. Роль негосударственных агентов. <https://aigo-xxi.ru/onasgovorjat/2227-2017-02-01-07-20-10> (дата обращения 30.09.2023).

⁴⁴ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12 т. Т. 6. Киев: Издательство Б.К. Фукса, 1902. С. 100.

⁴⁵ Воронович А., Ефременко Д. Политика памяти по-киевски. Стратегии формирования украинской идентичности в контексте евроинтеграционных процессов // Россия в глобальной политике. 2017, № 5. <https://globalaffairs.ru/articles/politika-pamyati-rokiewski/?usclid=lmdbt2kc5593933639> (дата обращения 30.09.2023).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Курилла И.И. Политика памяти: вариант США // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2020, № 6. С. 29–34.

⁴⁸ Сидоров А.В. Официальная политика памяти в США и Европейском союзе: сравнительный терминологический анализ // Образование и право. 2022, № 3. С. 374–380.

⁴⁹ Курилла И.И. Политика памяти: вариант США. С. 29.

⁵⁰ Сидоров А.В. Указ. соч.

⁵¹ Там же. С. 379.

⁵² Там же.

⁵³ The 1619 Project. <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/1619-america-slavery.html> (дата обращения 30.08.2023). Письмо двенадцати историков Гражданской войны и политологов, которые исследуют Гражданскую войну, в *The New York Times Magazine* по поводу «Проекта 1619» см.: <https://historynewsnetwork.org/article/174140> (дата обращения 06.11.2023); дискуссию о проекте с редактором *The New York Times Magazine* см.: <https://www.wnyc.org/story/new-york-times-1619-project/> (дата обращения 06.11.2023); также см.: Wilentz S. A Matter of Facts. *The New York Times*' 1619 Project launched with the best of intentions, but has been undermined by some of its claims. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/1619-project-new-york-times-wilentz/605152/> (дата обращения 07.11.2023); *Idem*. American Slavery and “the Relentless Unforeseen”. <https://www.nybooks.com/online/2019/11/19/american-slavery-and-the-relentless-unforeseen/> (дата обращения 07.11.2023); Butcher J. The New York Times Begins Correcting the Historical Record on “1619 Project” // The Heritage Foundation. March 16, 2020. <https://www.heritage.org/american-founders/commentary/the-new-york-times-begins-correcting-the-historical-record-1619> (дата обращения 07.11.2023); Friedersdorf C. 1776 Honors America’s Diversity in a Way 1619 Does Not Academic Historians, Conservatives, and Trotskyist Socialists Rightly Reject The New York Times’ Reframing of the Past. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/inclusive-case-1776-not-1619/604435/> (дата обращения 07.11.2023) и др.

⁵⁴ Необходимо отметить, что проект с самого начала подвергался серьезной критике со стороны ученых, независимо от политического спектра. История проекта включает несколько исправлений, отмены этих исправлений и сама по себе является иллюстрацией не только трансформации исторического нарратива, но и политической борьбы в современных США (*Magness P.W.* Fact Checking the 1619 Project and Its Critics. <https://www.aier.org/article/fact-checking-the-1619-project-and-its-critics/> [дата обращения 22.11.2023]).

---

⁵⁵ Жежко-Браун И.В. «Проект 1619» как альтернатива «американскому проекту» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, Ч. 1. С. 80–111.

⁵⁶ The Project 1620. The 1619 Project, but Fact-Checked. <https://www.nas.org/topics/1620-project> (дата обращения 07.11.2023).

⁵⁷ <https://www.twitter.com/MaraGay/status/1163090008728903680> (дата обращения 17.07.2021).

⁵⁸ Thomas C. The New York Times attempts to rewrite history: “1619 Project” reframes impact of slavery to fit paper’s biases // The Washington Times. August 21, 2019. <https://www.washingtontimes.com/news/2019/aug/21/you-didnt-build-ii/> (дата обращения 21.05.2023).

⁵⁹ Hannah-Jones N. Our democracy’s founding ideals were false when they were written. Black Americans have fought to make them true // The New York Times Magazine. August 14, 2019. <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/black-history-american-democracy.html> (дата обращения 15.08.2023).

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid.

⁶² The 1776 Report. The President’s Advisory 1776 Commission Report. P. 1 <https://trumpwhitehouse.archives.gov> (дата обращения 02.06.2023).

⁶³ Ibid. P. 2.

⁶⁴ Ibid. P. 5.

⁶⁵ Ibid. P. 10.

⁶⁶ Ibid. P. 11.

⁶⁷ Ibid. P. 13.

⁶⁸ Ibid. P. 16.

⁶⁹ Ibid. P. 35.

⁷⁰ Сидоров А.В. Указ. соч. С. 374–380.

⁷¹ См., например: Tennessee Heritage Protection Act 2016 (<https://www.tn.gov/historicalcommission/tennessee-heritage-protection-act.html> [дата обращения 30.09.2023]), Alabama Memorial Preservation Act 2017 (<arc-sos.state.al.us/PAC/SOSACPDF.001/A0012128.PDF> [дата обращения 30.09.2023]) и др.

⁷² Цит. по: Shear M.D. Trump Issues Executive Order Targeting Vandalism Against Monuments // The New York Times. Published June 26, 2020 – Updated August 9, 2020. <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/politics/trump-monuments-executive-order.html> (дата обращения 01.11.2023).

⁷³ The White House, Executive Order on Protecting American Monuments, Memorials, and Statues and Combating Recent Criminal Violence, issued 26 June 2020. <https://whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-protecting-american-monuments-memorials-statues-combating-recent-criminal-violence/> (дата обращения 12.08.2020).

⁷⁴ Травкина Н.М. Ожившая история США: гражданская война памятников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 2. С. 20.

⁷⁵ American Historical Association. Statement on Confederate Monuments. Approved by AHA Council. August 28, 2017. <https://www.historians.org/news-and-advocacy/statements-and-resolutions-of-support-and-protest/aha-statement-on-confederate-monuments> (дата обращения 15.08.2023).

⁷⁶ Там же.

---

⁷⁷ Травкина Н.М. Указ. соч. С. 19.

⁷⁸ Колоницкий Б.И. Преодоление Гражданской войны: случай Америки // Звезда. 2007, № 1. С. 123–143.

⁷⁹ Бондаренко Д.М. Указ. соч. С. 142.

⁸⁰ Марш «Объединенных правых» (*Unite the Right rally*) – политическая акция крайне правых сил в США, прошедшая 11–12 августа 2017 г. в городе Шарлотсвилл, штат Виргиния. Поводом послужило решение городских властей демонтировать памятник генералу Роберту Ли и перенести его из парка Освобождения. В ходе столкновений между участниками и противниками акции, в которые вмешалась полиция, один человек погиб и по меньшей мере 38 человек были ранены. Также в результате крушения полицейского вертолета погибло два сотрудника полиции.

⁸¹ American Historical Association. Statement on Confederate Monuments.

⁸² Курилла И.И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. С. 70–80.

⁸³ *Atuire C.A.* Black Lives Matter and the Removal of Racist Statues: Perspectives of an African // 21: Inquiries into Art, History, and the Visual. 2020. Vol. 1, № 2. P. 455; *Lawler A.* Pulling down statues? It's a tradition that dates back to U.S. independence // National Geographic. July 1, 2020. <https://www.nationalgeographic.com/history/2020/07/pulling-down-statues-tradition-dates-back-united-states-independence/> (дата обращения 25.02.2021).

⁸⁴ Основанная в 1816 г. церковь является старейшей в США методистской епископальной церковью на Юге. Это культовое место для многих, потому что практически со дня своего основания эта церковь была центром борьбы афроамериканского населения США за свои права и против рабовладельческой системы. На протяжении сорока лет, вплоть до окончания Гражданской войны в 1865 г., церковь функционировала нелегально. Она стала символом стойкости духа афроамериканцев в противостоянии рабству, а в 1960-е годы – одним из идейных центров борьбы за равные гражданские права белого и афроамериканского населения США.

⁸⁵ Травкина Н.М. Указ. соч. С. 13.

⁸⁶ Прокопенков Г.Ю. Указ. соч. С. 120–133.

⁸⁷ Куприянов А. Второй разгром Конфедерации. Как южане проигрывают битву за свою историю // Lenta.ru. 03.07.2015. <http://lenta.ru/articles/2015/07/01/battleflag/> (дата обращения 02.02.2023).

⁸⁸ *Garnier T.* South Carolina Judge Dismisses Case to Keep Confederate Flag in Courtroom // Fox News. August 24, 2017. <http://foxnews.com/us/2017/08/24/south-carolina-judge-dismisses-case-to-keep-confederate-flag-in-courtroom> (дата обращения 15.08.2023).

⁸⁹ О флаге КША в современном контексте см. также в гл. 1 (*прим. отв. ред.*).

⁹⁰ Травкина Н.М. Указ. соч.

⁹¹ *Mathias C.* Over 100 Confederate Symbols Removed Or Renamed Since George Floyd Killing // Huffpost. October 14, 2020. https://www.huffpost.com/entry/100-confederate-symbols-removed-since-george-floyd_n_5f86255cc5b681f7da1c9d04 (дата обращения 07.11.2023).

⁹² *Buell S.* Massachusetts Is Finally Removing Its Confederate Monument // Boston News. October 2, 2017. <https://bostonmagazine.com/news/2017/10/02/massachusetts-removing-confederate-monument/> (дата обращения 01.10.2023).

---

⁹³ *Травкина Н.М.* Указ. соч. С. 22.

⁹⁴ *Winberry J.* “Lest We Forget”: The Confederate Monument and the Southern Townscape // *Southeastern Geographer*. 2015. Vol. 55, № 1. Pp. 19–31.

⁹⁵ *Greenwood M.* Trump Defends “Beautiful” Confederate Statues // *The Hill*. August 17, 2017. <http://thehill.com/homenews/administration/346929-trump-revives-defense-of-confederate-monuments> (дата обращения 12.07.2023).

⁹⁶ *Ibid.*

⁹⁷ *Смагар А.В.* Нарратив об отцах-основателях в национальной памяти США // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2022, № 10. С. 114.

⁹⁸ Ныне превращенная в музей усадьба третьего президента США Томаса Джефферсона в Виргинии (*прим. отв. ред.*).

⁹⁹ Пятый президент США (*прим. отв. ред.*).

¹⁰⁰ *Курилла И.И.* Лекция: Историческая разметка пространства и времени.

¹⁰¹ *Jackson A.* Durham, North Carolina: Seven Arrested in Toppling of Confederate Statue // *CNN*. August 17, 2017. <http://editioncnn.com/2017/08/14/us/confederate-statue-pulled-down-north-carolina-trnd/indexhtml> (дата обращения 05.06.2023).

¹⁰² *Drew J.* Duke University Removes Robert E. Lee Statue from Chapel // *Winston-Salem Journal*. August 19, 2017. http://www.journalnow.com/news/state_region/duke-university-removes-robort-e-lee-statue-from-chapel/article_049f02c2-f68a-5016-bc94-9b88c71b0d32.html (дата обращения 01.10.2023).

¹⁰³ *Zinn H.* *A People’s History of the United States: 1492 – Present*. London: Routledge, 2015. P. 32.

¹⁰⁴ *Костикова А.А., Сегал А.П., Смагар А.В.* Академическая институционализация «новых левых» как фактор формирования коллективных идентичностей в США // *Профессиональное образование в современном мире*. 2020. Т. 10, № 3. С. 39–90.

¹⁰⁵ *Курилла И.И.* «Они сражались за рабство». Зачем Россия помогла США победить в Гражданской войне // *Lenta.ru*. 09.09.2017. https://lenta.ru/articles/2017/09/09/civil_war/ (дата обращения 01.10.2023).

¹⁰⁶ *DeCosta-Klipa N.* Marty Walsh Supports Calls to Remove – or Change – Boston Statue of Abraham Lincoln Standing over a Slave // *Boston.com*. June 13, 2020. <https://www.boston.com/news/untagged/2020/06/13/abraham-lincoln-statue-marty-walsh/> (дата обращения 29.11.2023).

¹⁰⁷ *Guelzo A.C., Hankins J.* A Monument to Our Shared Purpose // *The Wall Street Journal*. June 29, 2020. <https://www.wsj.com/articles/a-monument-to-our-shared-purpose-11593472426> (дата обращения 15.07.2023).

¹⁰⁸ *Aitken P.* Abraham Lincoln statue vandalized in Chicago // *Fox News*. November 26, 2022. <https://foxnews.com/us/abraham-lincoln-statue-vandalized-chicago> (дата обращения 01.10.2023).

¹⁰⁹ *Ibid.*

¹¹⁰ В США вандалы изуродовали памятник президенту Линкольну, отменившему рабство // *Интерфакс*. 27.11.2022. <https://www.interfax.ru/world/874402> (дата обращения 05.05.2023).

¹¹¹ *См.: Tavernise S.* Virginia Removes Robert E. Lee Statue from State Capital // *The New York Times*. September 28, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/09/08/us/robert-e-lee-statue-virginia.html> (дата обращения 16.07.2023).

---

¹¹² Сара «Салли» Хемингс (ок. 1773–1835) была четвертонкой (т.е. на четверть черной и на три четверти белой), рабыней и любовницей Т. Джефферсона. Доказано анализом ДНК, что Джефферсон был отцом как минимум одного из восьми детей Салли, а предположительно – всех ее детей. При этом вольную она так и не получила.

¹¹³ *Курилла И.И.* Битва за прошлое... С. 136.

¹¹⁴ Выполненная из каррарского мрамора статуя Христофора Колумба в Бостоне была приобретена Комитетом друзей Христофора Колумба и установлена в парке 21 октября 1979 г. В этот же день парк был переименован из парка *Waterfront* в парк *Christopher Columbus Waterfront*. Проект был осуществлен при поддержке итало-американского сообщества. С 2004 г. в отношении нее не менее пяти раз совершались акты вандализма, последний раз – 9 июня 2020 г.: памятник был обезглавлен. После этого городские власти демонтировали статую и поместили ее на хранение вне публичного доступа (Christopher Columbus Statue. <https://www.boston.gov/departments/arts-and-culture/christopher-columbus-statue> [дата обращения 07.11.2023]).

¹¹⁵ Richmond Protesters Topple Columbus Statue, Throw it in Lake // The Associated Press. June 10, 2020. <https://apnews.com/article/e99df0a4ec90e92540a2780d83cee56d> (дата обращения 07.11.2023).

¹¹⁶ Snyder A. Cuomo, de Blasio don't Want to See Christopher Columbus Statue Removed or NYC's Columbus Circle Renamed // CNN. June 12, 2020. <https://edition.cnn.com/2020/06/12/us/nyc-columbus-statue-trnd/index.html> (дата обращения 07.11.2023).

¹¹⁷ Miller J.R. Christopher Columbus Statue Erected in 1886 Removed from St. Louis Park // The New Post. June 17, 2020. <https://nypost.com/2020/06/17/christopher-columbus-statue-erected-york-in-1886-removed-from-st-louis-park/> (дата обращения 07.11.2023).

¹¹⁸ Nelson S.A. Don't Take Down Confederate Statues. Here's Why // NBC News, June 1, 2017. <https://www.nbcnews.com/think/news/opinion-why-i-feel-confederate-monuments-should-stay-ncna767221> (дата обращения 12.08.2020).

¹¹⁹ <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/898169407213645824> (дата обращения 15.02.2022).

¹²⁰ Siegel B. Speaker Pelosi Wants Confederate Statues in Capitol Removed // ABC News. June 11, 2020. https://abcnews.go.com/Politics/speaker-pelosi-confederate-statues-congress/story?id=71181219&cid=social_twitter_abcn (дата обращения 15.08.2021).

¹²¹ См., например: *Stanford K.L.* Beyond the Boundaries: Reverend Jesse Jackson in International Affairs. Albany: State University of New York Press, 1997; *Persaud R.B., Walker R.B.J.* Apertura: Race in International Relations // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2001. Vol. 26, № 4. Pp. 373–376; *Persaud R.B.* Colonial Violence: Race and Gender on the Sugar Plantations of British Guiana // *Race and Racism in International Relations: Confronting the Global Colour Line* / Eds. A. Anievas, N. Manchanda, R. Shilliam. London: Routledge, 2015. Pp. 117–138; *Chowdhry G., Nair S.* (eds.). Power, Post-colonialism and International Relations. London: Routledge, 2002; *Gillman S., Weinbaum A.E.* Next to the Color Line: Gender, Sexuality, and W.E.B. Du Bois. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007; *Rabaka R.* Against Epistemic Apartheid: W.E.B. Du Bois and the Disciplinary Decadence of Sociology. Lanham: Lexington Books, 2010. Pp. 175–222; *Lippi-Green R.* English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. New York: Routledge, 2012; *Jackson S.J.* (Re)Imagining Intersectional Democracy from Black Feminism to Hashtag Activism // *Women's Studies*

---

in Communication. 2016. Vol. 39, № 4. Pp. 375–379; *Shilliam R.* Race and Racism in International Relations: Retrieving a Scholarly Inheritance // *International Politics Reviews*. 2020, № 8. Pp. 52–195.

¹²² *Fricker M.* Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. New York: Oxford University Press, 2007.

¹²³ См., например: *Fricker M.* Epistemic Justice as a Condition of Political Freedom? // *Synthese*. 2013. Vol. 190, № 7. Pp. 1317–1332; *Тищенко П.Д.* Эпистемическая несправедливость как системная коммуникативная дисфункция // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 57, № 2. С. 42–47.

¹²⁴ *Atuire C.A.* Op. cit. P. 449–467.

¹²⁵ *Ibid.* P. 465.

¹²⁶ *Курилла И.И.* Битва за прошлое... С. 104.

¹²⁷ *Luckerson V.* The Defacement and Destruction of Black Lives Matter Murals // *The New Yorker*. November 19, 2020. <https://www.newyorker.com/news/us-journal/the-defacement-and-destruction-of-black-lives-matter-murals> (дата обращения 20.05.2021).

¹²⁸ <https://twitter.com/realdonaldtrump> (дата обращения 15.02.2022).

¹²⁹ *Luckerson V.* Op. cit.

¹³⁰ *Ibid.*

¹³¹ *Ibid.*

¹³² *Deto R.* Men, One Dressed in Confederate Flag Garb, Apparently Paintballed Black Lives Matter Mural in Pittsburgh // *Pitsburgh Citypaper*. September 22, 2020, <https://pghcitypaper.com/news/men-one-dressed-in-confederate-flag-garb-apparently-paintballed-black-lives-matter-mural-in-pittsburgh-18043843> (дата обращения 08.11.2023).

¹³³ *Steecker M.* Ithaca Journal Repaints Black Lives Matter Mural Mere Hours after It was Vandalized // *Ithaca Journal*. October 5, 2020. <https://www.ithacajournal.com/story/news/local/2020/10/05/ithaca-repaint-black-lives-matter-mural-vandalized/3621794001/> (дата обращения 08.11.2023).

¹³⁴ *Acevedo N.* Threats over Black Lives Matter Mural Prompt Lockdown at Campus in North Carolina // *NBC News*. October 11, 2020. <https://www.nbcnews.com/news/us-news/threats-over-black-lives-matter-mural-prompts-lockdown-campus-north-n1242830> (дата обращения 08.11.2023).

¹³⁵ *Wegner R.* Tire Tracks Deface Black Lives Matter Mural in East Nashville // *The Tennessean*. October 19, 2020. <https://www.tennessean.com/story/news/local/2020/10/19/black-lives-matter-mural-east-nashville-defaced-tire-tracks/3708720001/> (дата обращения 08.11.2023).

¹³⁶ *Luckerson V.* Op.cit.

¹³⁷ <https://runitback.substack.com/about> (дата обращения 08.11.2023).

¹³⁸ *Luckerson V.* Op.cit.

¹³⁹ Тиллман-холл – самое известное здание в кампусе Университета Клемсона в штате Южная Каролина. К Тиллман-холлу примыкает аудитория Тиллмана, которая раньше была часовней кампуса под названием Мемориальная часовня. Бенджамин Тиллман, 84-й губернатор Южной Каролины с 1890 по 1894 г., был противником равенства гражданских прав для людей разных рас, сторонником идей превосходства белых. Он оправдывал практику линчевания, и во время его губернаторства ему были подвергнуты восемнадцать черных американцев (*прим. авт.*).

---

¹⁴⁰ *Brenan M.* Extreme Pride in Being American Remains Near Record Low // Gallup. June 29, 2023. https://news.gallup.com/poll/507980/extreme-pride-american-remains-near-record-low.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (дата обращения 15.08.2023).

¹⁴¹ *Hartig H.* Majority of Americans say U.S. is one of the greatest countries in the world // Pew Research Center. August 29, 2023. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/08/29/majority-of-americans-say-us-is-one-of-the-greatest-countries-in-the-world/> (дата обращения 15.08.2023).

¹⁴² Kelly Ingram Park. <https://www.nps.gov/places/kelly-ingram-park.htm> (дата обращения 30.08.2023).

¹⁴³ 15 сентября 1963 г. во время воскресной утренней службы в баптистской церкви на 16-й улице в Бирмингеме, штат Алабама, взорвалась бомба, в результате чего погибли четыре девочки: одиннадцатилетняя Кэрол Дениз Макнейр и четырнадцатилетние Эдди Мэй Коллинз, Синтия Уэсли и Кэрол Робертсон. Баптистская церковь на 16-й улице с ее многочисленной африкано-американской паствой служила местом встречи лидеров движения за гражданские права, таких как Мартин Лютер Кинг-младший, который однажды назвал Бирмингем «символом жесткого сопротивления интеграции». Джордж Уоллес, губернатор Алабамы в то время, сделал сохранение расовой сегрегации одной из основных целей своей администрации; в Бирмингеме было одно из самых жестоких и незаконных отделений Ку-Клукс-клана (группировка запрещена на территории РФ).

¹⁴⁴ Four Black schoolgirls killed in Birmingham church bombing // History.com. <https://www.history.com/this-day-in-history/four-black-schoolgirls-killed-in-birmingham> (дата обращения 30.08.2023).

¹⁴⁵ На композиции, которая представляет собой олимпийский пьедестал почета, не хватает статуи серебряного призера, австралийца Питера Нормана. Именно он предложил каждому из коллег надеть для жеста по одной перчатке Смита, потому что Карлос забыл свою пару в Олимпийской деревне. Вот почему Смит поднял правый кулак, а Карлос – левый. Норман был солидарен со Смитом и Карлосом, из-за чего подвергся нападкам после возвращения в Австралию. Незадолго до своей смерти в 2006 г. он не согласился с идеей установить на постаменте и его статую, предложив оставить вторую ступень пьедестала почета пустой. И теперь любой человек может встать на пьедестал в знак солидарности с борцами за гражданские права (*Carlson M.* Peter Norman: Unlikely Australian Participant in Black Athletes' Olympic Civil Rights Protest // The Guardian. October 5, 2006. <https://www.theguardian.com/news/2006/oct/05/guardianobituaries.australia> [дата обращения 10/09/2023]).

¹⁴⁶ *Simon J.* Statues, Politics and the Past // History Today. 2019. Vol. 69, № 9. <https://www.historytoday.com/archive/behind-times/statues-politics-and-past> (дата обращения 12.08.2021).

¹⁴⁷ См., например: *Marschall S.* Targeting Statues: Monument “Vandalism” as an Expression of Sociopolitical Protest in South Africa // African Studies Review. 2017. Vol. 60, Iss. 3. Pp. 203–219; *Lai T.-H.* Political Vandalism as Counter-speech: A Defense of Defacing and Destroying Tainted Monuments // European Journal of Philosophy. 2020. Vol. 28, Iss. 3. Pp. 602–616; *Schacter R.* Afterword. A Public Crisis / A Crisis of Publicness Political: Graffiti in the Post-coronavirus Age // Political Graffiti in Critical Times:

The Aesthetics of Street Politics / Ed. by R. Campos, A. Pavoni, Y. Zaimakis. London: Berghahn Books, 2021. Pp. 324–332.

¹⁴⁸ См.: *Бондаренко Д.М.* Конфликт исторических дискурсов Севера и Юга США и музейно-мемориальная репрезентация рабства и Гражданской войны 1861–1865 годов // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, Д.Н. Маслюженко. Москва: б.и., 2020. С. 479.

¹⁴⁹ *Grassilli M., Kaur Kahlon R.* Introduction – Global Black Lives Matter: Representations of resistance, memory and politics // *Darkmatter*. 2022, Iss. 16. Pp. 1–14. https://sussex.figshare.com/articles/journal_contribution/Introduction_-_Global_Black_Lives_Matter_Representations_of_resistance_memory_and_politics/23490116 (дата обращения 11.08.2023).

¹⁵⁰ *Smith C.* Performance, Affect, and Anti-Black Violence: A Transnational Perspective on #BlackLivesMatter // *Cultural Anthropology*. Hot Spots, Fieldsights. June 29, 2015. <https://culanth.org/fieldsights/performance-affect-and-anti-black-violence-a-transnational-perspective-on-black-lives-matter> (дата обращения 01.10.2023).

Глава 4

«ЧЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ» В ВОСПРИЯТИИ АФРИКАНО-АМЕРИКАНЦЕВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ, СИМВОЛЫ И КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Феномен наследия может существовать и в материальном, и в духовном измерении, иметь как глобальный, так и локальный характер, нести в себе несколько значений. Одно из самых распространенных сводится к некой сущности – эманации культуры, воспринятой из прошлого, от предшественников. Посредством ее сохранения и трансляции осуществляются связь времен и преемственность поколений.

Содержание понятия «наследие» варьируется в зависимости от его типа и вида. Как правило, исследователи выделяют три основных типа наследия: природное, культурно-историческое и смешанное. Второй и в некоторых случаях третий типы, в свою очередь, «расщепляются» на более узкие виды: социальное и персональное, политическое и экономическое, художественное и интеллектуальное и многие другие. Объектами наследия могут выступать как памятники истории и культуры (материальные и нематериальные), так и социокультурные коды, заключающие внутри себя традиции, ценности и установки. Наследие можно рассматривать как своего рода «средство коммуникации»¹, включающее в себя как «осязаемые», так и «неосязаемые» элементы². Определения наследия как концепта, по мнению ряда исследователей³, могут меняться с течением времени. В современных условиях наследие представляет собой не только сами материальные артефакты и нематериальные объекты, несущие информацию о прошлом, но и вложенные в них значения и созданные на их основе репрезентации⁴. Однако вне зависимости от образующих его компонентов и возможных его трактовок наследие сохраняет свою вневременную суть – остается фундаментальным, но уязвимым транспоколенческим феноменом, обеспечивающим устойчивость и развитие макро- и микросообществ.

Наследие неразрывно связано с культурно-исторической памятью. Элементы культурного наследия и их значения, как и паттерны фик-

сации прошлого, конструируются отдельными личностями и/или сообществами (локальными, этническими, религиозными и т.д.). Культурно-историческая память, формирующаяся и трансформирующаяся в границах настоящего того или иного сообщества, способна оказывать влияние на наследие и заключать его внутрь себя, придавая ему новые смыслы или смещая акценты в тех, что были приняты ранее. В то же время и наследие может выступать в качестве памяти. Историк и музеолог А.А. Никонова отмечала: «Наследие органично входит в суперсистему культуры, являясь, с одной стороны, набором характеристик и способов рассмотрения самой культуры, с другой стороны – ее своеобразной “памятью”. И если культура возобновляет, производит, воспитывает, обучает, формирует и готовит, развивает способности, учит правилам следования, нормам, образцам, то память культуры, локализуясь в культурном наследии, формирует культуру памяти...»⁵.

Наследие и культурно-историческая память вместе и по отдельности выполняют одну и ту же функцию – способствуют формированию коллективной идентичности. Вместе «культура», «память», «идентичность» образуют «триединый понятийный кластер»⁶, поскольку сущности, скрывающиеся за ними, исторически находятся под взаимным влиянием, трансформируются и «синхронизируются». Все три категории имеют особое значение для людей, которые «находятся в поиске определений для самих себя и терминов, репрезентирующих их идентичность»⁷. В их числе нередко оказывались те, кто в определенный исторический момент были вынуждены осознать свою инаковость из-за хроматических особенностей собственной кожи – выходцы из Африки и их потомки, проживающие за ее пределами.

«Черное наследие» (*Black heritage*) в широком смысле – совокупность материальных, культурных и исторических объектов и символов, созданных поколениями людей африканского происхождения в прошлом, представляющих ценность в настоящем и сохраняемых для будущего. Границы феномена подвижны и зависят от того, кто и с каких позиций их определяет. В процесс их установления вовлечены как сами потенциальные носители культурного кода, так и исследователи. Нередко под «черным наследием» понимается целый комплекс «наследий», в числе которых упоминается африканское, африкано-американское, афро-карибское и т.д. Данная категория в зависи-

мости от контекста может иметь как глобальный характер, объединяя внутри себя мировой социокультурный опыт африканцев континента и диаспор (как исторических, так и новых), так и локальный – отсылая к традициям, практикам и нарративам конкретных сообществ. К числу «наследников» могут относить как всех ощущающих свою принадлежность к негроидной расе, так и исключительно африкано-американцев⁸.

В сознании многих людей категория «черное наследие» органично соотносится с африкано-американским сообществом и в силу особенностей языка термины «черный» и «африкано-американец» в США часто используют как взаимозаменяемые, в том числе и в официальных документах. Слово «черный» (*black*) является лучшим антонимом для построения бинарной оппозиции со словом «белый» (*white*). Антитеза «черный – белый» стала ключевой для множества активистов – сторонников борьбы за гражданские права в 1960-е – 1980-е годы. С начала 1960-х годов ими была введена целая серия слоганов: «Черный – это красиво» (*Black is Beautiful*)⁹, «Черная сила» (*Black Power*)¹⁰, «Черная гордость» (*Black Pride*). Каждый из них был призван устранить приобретенные за годы рабства и сегрегации комплексы, подчеркнуть гордость за цвет кожи и идентичность, вокруг некоторых впоследствии сформировались общественные и политические кампании и движения. Постепенно термин «черный», окончательно вытеснив несущее в себе негативные коннотации слово «негр» из массового употребления¹¹, закрепился в качестве категории самоопределения многих американцев африканского происхождения.

С конца 1980-х годов он стал эквивалентом более официального названия «африкано-американцы»¹². В последние годы в условиях продолжающихся иммиграции в США и фрагментации американского общества, а также под влиянием движения *Black Lives Matter*¹³ возникла новая общественно-академическая дискуссия о правомерности и корректности использования понятий «черный» и «африкано-американец» как синонимов. По мнению ряда экспертов, в числе которых профессор Северо-западного университета (г. Эванстон, штат Иллинойс, США) Селест Уоткинс-Хэйес, категория «черный» универсальна, но она далеко не всегда соответствует категории «африкано-американец», которая обычно относится к потомкам порабощенных африканцев, родившимся в США¹⁴. Согласно замечанию ис-

следовательницы, термин «черный» может быть более приемлемым для тех чернокожих жителей страны, кто родился за ее пределами и не имеет отношения к истории рабства¹⁵.

Однако для африканцев, включая современных мигрантов в США и представителей других диаспор слово «черный» (*Black*), как правило, не несет такой смысловой нагрузки. Как показали результаты исследований Д.М. Бондаренко, расовый аспект занимает в их самосознании меньшее место¹⁶. Известная нигерийско-американская писательница Чимаманда Нгози Адичи в романе «Американа»¹⁷ и серии интервью неоднократно акцентировала внимание на том, что выходцы из стран Африки открывают свою «черноту» только по прибытии в США под воздействием определенного общественно-политического дискурса. В его границах категория «черное наследие» приобретает более политизированную окраску и глубокое исторически обусловленное символическое значение.

США стали одним из крупнейших реципиентов мигрантов из стран субсахарской Африки, одним из главных центров формирования целого ряда африканских сообществ. «Историческая афро-атлантическая диаспора»¹⁸ начала здесь формироваться до появления самого американского государства¹⁹. Точная дата появления первых африканцев на территории современных Соединенных Штатов неизвестна. Американский историк, литературный критик, руководитель Хатчинсовского центра африканских и африкано-американских исследований Гарвардского университета, профессор Генри Луис Гейтс-младший утверждал, что в их числе был «черный конкистадор» Хуан Гарридо, отправившийся в составе отряда Хуана Понсе де Леона на поиски «источника вечной молодости» во Флориду в 1513 г.²⁰ Однако историю африкано-американцев в США принято отсчитывать с начала XVII столетия, когда на территорию страны были привезены первые уроженцы Африки для постоянного проживания. Символической датой стало 20 августа 1619 г.^{21, 22} Основанием для такого выбора явилось первое письменное упоминание о прибытии двух или трех десятков выходцев из африканского королевства Ндонго²³ в Джеймстаун (британская колония Виргиния). Несмотря на то, что некоторые из привезенных африканцев считались «наемными слугами»²⁴, 20 августа 1619 г. вошло в историю как дата «начала американской истории рабства»²⁵, в ходе которой сформировалось африкано-американское сообщество. По словам американского ис-

следователя Ибрама Кенди, «Африканская Америка, подобно порабощенному человеку, сама выбрала день своего рождения»²⁶.

К 1776 г., когда была провозглашена независимость США, люди африканского происхождения уже составляли значительную часть населения. Известно, что в 1790 г. их численность насчитывала 1/5 от 3,9 млн жителей страны, т.е. около 800 тыс. чел.²⁷ К 1860 г. она достигала уже более 4,4 млн чел.²⁸

Добровольная миграция африканцев в США началась в 1860-х годах, однако до 1965 г., когда был принят закон, отменивший ограничения на миграцию в США для неевропейцев, ее масштабы оставались незначительными²⁹. Они резко увеличились в 1980-х – 1990-х годах, «когда многие африканцы утратили обретенную вместе с независимостью веру в возможность построения политически стабильного, социально справедливого и экономически преуспевающего общества в своих странах»³⁰. Усилению миграционного потока и формированию «новой африканской диаспоры»³¹ в США также способствовали Закон о беженцах 1980 г.³², Закон об иммиграции 1990 г.³³ и визовые программы, направленные на поддержание этнического разнообразия (первая была запущена в 1986 г.). На современном этапе наблюдается увеличение общей численности чернокожего населения США, к которому относятся не только африкано-американцы и африканские иммигранты³⁴, но и афро-карибцы и черные выходцы из стран Латинской Америки. В 2000 г. она составила 34,6 млн чел., в 2010 г. – 38,9 млн чел.³⁵, в 2013 г. – 39,9 млн чел.³⁶, в 2019 г. – 46,8 млн чел. (или 13,6% от всего населения США)³⁷.

США на всем протяжении своей истории были полиэтничным государством, и вопросы «оседания» и «вживания» – ассимиляции, аккультурации, сохранения и трансформации идентичности – всегда оставались крайне важными для многих граждан. Основателями американского государства, социальным и культурным ядром нации традиционно считались белые англосаксонские протестанты (*WASP – White Anglo-Saxon Protestant*), вследствие чего представители других этнокультурных групп были вынуждены пройти через несколько сложных этапов рефлексии и самоопределения.

Идентичность может быть императивной и выбранной, пассивной и активной, временной и постоянной, негативной и позитивной, но в каждом из перечисленных случаев она влечет за собой принадлежность к определенной группе или исключение из нее. «Идентичность

создается как изнутри, так и извне, когда наши собственные представления о себе встречаются с восприятием нас другими людьми»³⁸. Мнения выходцев из стран Африки о самих себе далеко не всегда совпадали с мнениями других членов американского общества. Исторический опыт африкано-американцев служит тому подтверждением. Инаковость, обусловленная в том числе и характерными фенотипическими признаками, в совокупности с многолетним угнетенным положением наложили на них «расовую стигму», сохранившуюся в их сознании на долгие годы, не исчезнувшую после обретения полных гражданских прав и свобод, а в некоторых случаях трансформировавшуюся в «посттравматический синдром раба»³⁹. В XXI в., несмотря на реализацию программ, направленных на поддержание культурного разнообразия и так называемый «фактор Обамы»⁴⁰, вселивший уверенность и оптимизм во многих черных американцев, проблема культурного самоопределения остается актуальной для многих из них.

Вопросы формирования и трансформации африкано-американской идентичности волновали и продолжают волновать как членов черного сообщества, так и его исследователей. Множество примеров размышлений на указанные темы можно найти в работах одного из первых социологов-африкано-американцев Уильяма Эдварда Беркхардта Дюбуа (1868–1963). В 1897 г. он писал: «История американского негра – история его противоборства, его страстного стремления достичь зрелого самосознания и слить двойственное “я” в лучшую и более полноценную личность. Но в этом сплаве он не хочет потерять ни одну из своих прежних личностей. Он не стремится африканизировать Америку, ибо она может многому научить мир и Африку. Не собирается он и отбелить в потоке белого американизма свою негритянскую душу, ибо верит, что ей также есть что сказать миру. Он просто хочет сделать возможным для человека быть как негром, так и американцем, не навлекая на себя проклятий и презрения»⁴¹.

Африкано-американцы представляют собой уникальное этнокультурное сообщество. «Они не соответствуют образу добровольных иммигрантов не только потому, что были привезены в Америку насильно в качестве рабов, но также и потому, что их интеграция была предотвращена (вместо того, чтобы быть поощряемой) институтами культуры большинства (например, расовой сегрегацией, законами

против мисцегенации и обучения грамоте)»⁴². Вопреки распространенному мнению, африкано-американцы не могут считаться национальным меньшинством не только по причине их растущей численности, но и потому, что «у них нет родины на территории Америки или общего исторического языка»⁴³. Предки современных африкано-американцев – выходцы из разных частей африканского континента, носители разных традиций и языков. Однако наличие особого культурного кода, сформировавшегося путем синтеза разнообразных элементов, а также существование множества африкано-американских социальных институтов (общественно-политические организации, церкви, СМИ и т.д.) позволяет говорить о них как об общности, сплотившейся не только на основе расовой принадлежности⁴⁴.

Одним из ключевых факторов формирования и сохранения коллективной и персональной идентичности африкано-американцев является «черное наследие», объединяющее внутри себя не только совокупность связей, отношений и результатов материального и духовного производства прошлых исторических эпох⁴⁵, но и сгенерированную на ее основе систему ценностей. Манифестации и репрезентации «черного наследия» заметны в публичном поле: образовательных и культурных программах, медиа, социальных сетях и т.д. Но особый интерес представляет то, как «черное наследие» отражается в восприятии африкано-американцев. Результаты полевых исследований Д.М. Бондаренко и Г.В. Александрова, проведенных в 2021–2022 гг., позволяют сделать ряд выводов о сущности понятия «черное наследие», комплексе ассоциаций, его сопровождающих, и круге проблем, с ним связанных.

На основе анализа результатов полевого исследования, в частности, проведенных в ходе него интервью и бесед, можно сделать вывод о том, что для африкано-американцев «черное наследие» существует как в глобальном, так и в сугубо индивидуальном измерениях. Для одних оно ограничивается лишь рамками персональной идентичности – «быть самим собой», «знать и принимать историю своей семьи, уметь извлекать из нее уроки», возможно, сделать генетический тест; для других его значение шире и касается «связи с предками» на некоем метафизическом уровне. В представлении некоторых респондентов «черное наследие» воплощается совокупностью разнородных компонентов; в этом отношении очень показателен фрагмент интервью с преподавателем одного из университетов в Южной Каролине:

«Черная церковь. И музыка, и история. Я думаю о людях, которые были до меня, я думаю о своих предках, моей семье, и я думаю о вещах, на которые жалуясь в своем существовании. Я думаю о своих предках и, знаете, как мне повезло, что у меня есть работа, где я сижу в офисе с кондиционером. И вы знаете, я слышу истории о своем прадедушке, который был фермером. И как им приходилось работать и собирать хлопок. На самом деле, и моя мать собирала хлопок. Так что, вы знаете, я не так уж далек от той жизни. И я не думаю, что люди понимают, особенно на Юге, насколько мы близки к этому. Это был сильно развитый сельскохозяйственный штат. Я думаю, что это все еще в первую очередь сельскохозяйственный штат. Не моя бабушка – моя мать собирала хлопок, и поэтому я думаю об этом, и это одна из причин, это одна из вещей, которая мотивирует меня поступать хорошо – думать об их наследии и о том, откуда я родом, и не позволять другим членам моей семьи забывать об этом. Так что да, я думаю о своих предках. Я думаю о [“черной”] музыке. Все это помогло мне вспомнить о моем наследии. Я думаю о [“черной”] церкви, об историях в церкви, о людях в церкви и обо всем этом».

Респонденты определяют «черное наследие» как нечто и вполне рациональное, и иррациональное – «смесь эмоций», вызванную как однозначно положительными образами, воплощающими успехи общества, так и спорными и даже отрицательными примерами, навещающими на размышления (в качестве одного из них они называли «Черных пантер»⁴⁶).

Предпринимая попытки описать «черное наследие» «в общем», большинство респондентов⁴⁷ сообщают о том, что видят в нем скорее культуру. Однако смысл таких понятий, как «черное наследие» раскрывается в более частных его составляющих. Вокруг этой категории сформировался достаточно устойчивый символично-ассоциативный ряд, плотность и содержательная наполненность которого зависит от уровня образования и степени погруженности конкретного индивида в рассматриваемый дискурс. Упоминавшиеся респондентами-африкано-американцами ассоциации включали в себя как абстракции, отсылающие к идеям и ценностным ориентирам, так и вполне конкретные образы. Например, один из опрошенных сказал, что «ключевым направляющим принципом» для черных американцев всегда была «надежда на то, что они могут сделать страну лучше, позволяющая им упорствовать [в достижении своих целей]...» в то время как дру-

гой предположил, что символом «черного наследия» могла бы служить «картина», на которой был бы изображен весь опыт африкано-американцев на всем его протяжении и во всем его многообразии.

«Черное наследие» в восприятии африкано-американцев отмечено событиями – опорными пунктами исторической памяти, мемориалами – «местами памяти»⁴⁸, институциями, визуальными символами, именами и коммеморативными практиками. Каждый из указанных элементов требует подробного рассмотрения, но в рамках данной работы более подробно предполагается остановиться, прежде всего, на трех последних пунктах, не только потому что они наиболее часто упоминались респондентами, но и по причине их взаимосвязанности.

Корпус значимых исторических событий, составляющих «черное наследие», обширен, поскольку охватывает как минимум более чем четырехсотлетнюю историю африкано-американцев. «В сети интерактивных коммуникаций происходит постоянный отбор событий, в результате чего некоторые из них подвергаются забвению, в то время как другие сохраняются, обрастают смыслами и превращаются в символы групповой идентичности. Решающая роль в конституировании коллективной идентичности принадлежит памяти о центральных событиях прошлого, будь то в модели “национальной катастрофы” или в модели “триумфа”»⁴⁹, – писала специалист в области изучения исторической памяти Л.П. Репина. В списке триумфальных событий, вдохновляющих африкано-американцев, – организация «Подземной железной дороги»⁵⁰, Гарлемский ренессанс⁵¹, Движение за гражданские права и многие другие. К событиям «славной истории» африкано-американцев также относятся личные достижения и успехи отдельных личностей. К примеру, в детской книге, посвященной чествованию «черного наследия», приводится тест на тему основных заслуг Артура Эша⁵². Куда более сложное отношение сформировалось к другим масштабным смыслообразующим явлениям, таким как Гражданская война⁵³ или «Великая миграция»⁵⁴.

Немаловажным компонентом «черного наследия» являются места, в которых «кристаллизуется память»⁵⁵. Согласно мнению автора концепции «мест памяти» Пьера Нора, они воплощают в себе «крайнюю форму коммеморативного сознания в истории»⁵⁶. Некоторые из них четко локализованы, материальны и связаны с упомянутыми событиями или их участниками, другие же представляют собой скорее не-

кую общую идею (идею рабства, идею движения в защиту гражданских прав и т.д.), в то же время привязанную к географическому пространству. Один из респондентов, проживающий в Южной Каролине, отвечая на вопрос о том, какие ассоциации у него вызывает словосочетание «черное наследие» ответил: «Алабама. Миссисипи. Луизиана...». Перечисленные штаты связываются в его сознании с суровой сегрегационной политикой и более жесткими нравами местного населения: «как бы плохо ни было здесь, там было еще хуже».

Мемориальные символы, в числе которых реальные и виртуальные городские маршруты (например, «Тропа черного наследия» в Бостоне⁵⁷), мемориальные комплексы, музеи, парки, произведения монументального искусства, не только формируют культурный ландшафт. Они также представляют собой осязаемую часть культурного наследия, но при этом являются объектами исторической политики и активизировавшихся под влиянием движения *Black Lives Matter* общественных дискуссий⁵⁸.

Видимость, осязаемость и эмблематичность присущи не только мемориальным объектам, но и комплексу визуальных символов, олицетворяющих «черное наследие». Сжатый кулак и раскрытые ладони, древнеегипетские символы⁵⁹ и знаки адинкра⁶⁰, контур африканского континента и силуэты женщин с прическами в стиле афро – все это иллюстрирует «черное наследие». Но самыми распространенными его визуальными символами стали сочетания черного, красного, зеленого и желтого (золотого) цветов. Каждый из указанных цветов «не существует сам по себе, он обретает смысл, “функционирует” в полную силу во всех аспектах – социальном, художественном, символическом – лишь в ассоциации либо в противопоставлении с одним или несколькими другими цветами»⁶¹.

Появление и популяризация триады «красный-черный-зеленый» связаны с именем Маркуса Гарви (1887–1940), который в 1920 г. создал «панафриканский флаг» (илл. 32), олицетворяющий единство чернокожих людей и их солидарность в борьбе за свободу. Согласно опубликованному Всемирной ассоциацией по улучшению положения негров⁶² в 1921 г. «Всеобщему катехизису негров...»⁶³, «красный – это цвет крови, которую люди должны пролить ради своего искупления и свободы; черный – цвет благородной и выдающейся расы, к которой мы принадлежим; зеленый – цвет пышной растительности нашей Родины»⁶⁴, т.е. Африки.

Красно-черно-зеленый триколор начал использоваться panaфриканскими организациями, оказав значительное влияние на разработку флагов молодых африканских государств в 1960-х годах. По мере его распространения несколько трансформировались и интерпретации цветов. В рамках массовой культуры (прежде всего африкано-американской) значения упрощались и обобщались: красный стал восприниматься как символ крови и прошлого, черный – идентичности и настоящего, зеленый – Африки и многообещающего будущего⁶⁵. К концу XX в. цветовая триада «черного наследия» под влиянием африканской вексиллографии и Месяца черной истории начала постепенно превращаться в тетраду: к красному, черному и зеленому все чаще добавлялся желтый, символизирующий справедливость и процветание.

«Флаг Гарви» как в своей изначальной версии, так и в дополненном желтым цветом варианте активно использовался и продолжает использоваться сторонниками черного национализма и афроцентризма разной степени радикальности по всему миру. Символика может быть направлена как на активизацию и радикализацию расового самосознания, так и, напротив, на его нейтрализацию. Примеров агрессивной манеры использования panaфриканского флага достаточно: от флагов «Новых черных пантер»⁶⁶ до эмблем отделений «Черной милиции»⁶⁷. Однако истории известны, пусть и немногочисленные, противоположные примеры⁶⁸.

В 1993 г. рэп-группа *Da Phlayva* из Чарльстона (Южная Каролина) выпустила альбом, на обложке которого был изображен флаг Конфедеративных Штатов Америки в красном, черном и зеленом цветах. Смешение символов должно было поспособствовать переосмыслению трудного прошлого и примирению. Идея музыкантов через некоторое время обрела иную форму и определенный коммерческий успех – два предпринимателя-африкано-американца запустили производство линии одежды в цветах «нового флага», ориентированной на «сынов и дочерей бывших рабов и бывших рабовладельцев»⁶⁹. Несмотря на подобные попытки более массового распространения, красно-черно-зеленый триколор пока не стал универсальным американским символом. Внутри африкано-американского сообщества он достаточно широко известен, что подтверждают собранные в ходе полевых исследований материалы, но и в этой среде не все считали и считают его приемлемым.

В эпоху расцвета Движения за гражданские права одни активисты видели необходимость в переосмыслении и распространении «пан-африканского флага», тогда как другие стремились «переизобрести» визуальные символы. В 1967 г. художники Мелвин Чарльз и Глисон Т. Джексон, осознав утрату африкано-американцами связи с Африкой, пришли к идее создания флага, прославляющего дух и достижения чернокожих, чья жизнь была и остается связанной с США (илл. 33). Их целью была разработка некоей вневременной многофункциональной эмблемы: «Мы с Глисоном хотели обобщить все то, что мы знали о прошлом, соединить это с нашими надеждами на будущее и все это отобразить на флаге...»⁷⁰

Цветовая палитра «Флага наследия черных американцев» (*Black American Heritage Flag*) во многом повторяет колористику и символику «флага Гарви». По замыслу разработчиков, черный был призван символизировать «гордость, цвет кожи и расу», красный – «кровь, пролитую чернокожими людьми за свободу, равенство, справедливость и человеческое достоинство во всем мире», и, наконец, золотой – «интеллект, процветание и мир»⁷¹. Однако цветовой символики авторам полотна было недостаточно. М. Чарльз, подробно описавший процесс создания «Флага наследия черных американцев» в своих воспоминаниях⁷², воссоздал внутренний диалог, в ходе которого сформулировал задачу для себя и своего напарника: «Это флаг, и посередине его мы должны поместить что-то такое, что вызывало бы гордость в сердцах всех негров»⁷³. После долгих дискуссий товарищи пришли к соглашению относительно мотива, который нужно изобразить в центре флага. Им должен был стать меч, символизирующий не только силу и власть⁷⁴, но и (в условиях шедшей в тот момент борьбы) «гнев и разочарование людей, так много лишенных в стране избытка»⁷⁵. По признаю М. Чарльза, прототип рисунка был выбран случайно: во время одного из посещений библиотеки, листая «кипы книг» о холодном оружии, художник наткнулся на изображение мавританского меча XVIII в.⁷⁶ Именно этот меч, обрамленный венком из листьев фигового дерева⁷⁷, украсил собой центральную часть знамени «боли, сохранившейся в памяти со времен унижительного рабства» и «гордости за историю чернокожих американцев»⁷⁸.

Разработав дизайн флага и запустив в производство несколько его экземпляров, художники занялись популяризацией своего творения. Путешествуя по стране, М. Чарльз и Г.Т. Джексон посещали африка-

но-американские церкви, школы и общественные организации и пытались убедить аудиторию использовать придуманный ими символ. Однако, вопреки их усилиям, долгие годы флаг оставался малоизвестным. Лишь на исходе 2010-х годов, уже после смерти художников, его создавших, знамя начало постепенно завоевывать популярность. Причиной тому стал растущий в условиях движения *Black Lives Matter* интерес к африкано-американской культуре в целом и отдельным периодам ее развития в частности. Увеличивающийся спрос на символическую атрибутику достаточно быстро породил предложение: дочь М. Чарльза Джой Чарльз Кей учредила компанию «Флаг наследия черных американцев», распространяющую информацию о полотне и выпускающую фирменные товары (помимо самого флага, в перечень продукции входят книги, одежда, шарфы для выпускников высших учебных заведений и т.д.). Популяризации созданного М. Чарльзом и Г.Т. Джексонном визуального символа способствуют и некоторые публичные появления знаменитостей, стремящихся продемонстрировать свою этнокультурную принадлежность. Так, в 2021 г. рэп-исполнительница Савити посетила ежегодный бал Института костюма (*Met Gala*) в платье, на фрагменте шлейфа которого был изображен красно-черно-золотой флаг. В 2022 г. ее примеру последовала победительница конкурса «Мисс США 2022» Кира Йеованг.

В качестве визуальных символов (как самостоятельных, так и дополняющих цветовой) могут выступать и образы людей. Условно их также можно разделить на абстрактные – рисованные и/или анимированные изображения чернокожих людей (как правило, силуэтов профиля женщины, олицетворяющей «Мать Африку») – и конкретные – портреты исторических личностей, выдающихся современников, чьи имена и биографии сами по себе являются достоянием черной культуры. Именно известные люди наиболее часто упоминались респондентами как первые приходящие в голову ассоциации, связанные с «черным наследием». В списке вдохновляющих героев и героинь – политические, общественные и религиозные деятели, художники, писатели, музыканты и т.д. Наиболее растиражированным в контексте репрезентаций «черного наследия» стало имя Мартина Лютера Кинга⁷⁹. Однако некоторые африкано-американцы видят в этом несправедливость. Одна из респонденток отметила: «Что бы могло символизировать черную культуру? “Мама” Гарриет Табман⁸⁰. Медгар Эверс⁸¹. Фанни Лу Хаммер⁸². Малкольм Икс⁸³. И все ждут, когда ус-

лышат это имя – доктор Мартин Лютер Кинг. Но это имя так часто произносят. И здесь во время Месяца черной истории это единственный человек, которого они знают. Это единственный человек, о котором они говорят. Поэтому я стараюсь не упоминать это имя так часто, потому что мы опускаем все остальные имена. Но что могло бы символизировать черную историю или черное наследие? О, Шака Зулу⁸⁴. Тома Санкара⁸⁵. Нельсон⁸⁶ и Винни Мандела⁸⁷... Патрис Лумумба⁸⁸... Фред Хэмптон⁸⁹ и Марк Кларк⁹⁰. Хьюи Ньютон⁹¹? Да. Да, доктор Кармайкл. Стокли Кармайкл⁹². Кваме Нкрума⁹³. Но... когда мы говорим “наследие черных”, то все имена, которые были названы, по сути, относятся к тем, кто был на переднем крае борьбы против колониализма, против угнетения, против расизма. Так это настоящее “черное наследие”? Потому что мы говорим об этом в контексте угнетения, а не в контексте нормальности». Перечень упомянутых лиц позволяет сделать вывод о том, что респондентка определяет границы «черного наследия» достаточно широко, включая в них героев-африканцев. Кроме того, она указывает на двойственность «черного наследия», сочетающего в себе дискурсы преодоления травматического прошлого и дискурсы прогрессивного развития.

Упомянутые респондентами личности выступают не только символами «черного наследия», но и примерами для подражания в самых разных ситуациях (*role models*). Например, один из респондентов сказал: «Я помню все это, особенно когда я увлекся исламом... И я был вдохновлен Малкольмом Икс. Его знания о планете, его познания в географии вдохновили меня настолько, что я достал свой учебник географии». Профессор-африкано-американец, отвечая на вопрос о том, как он предпочитает себя называть, говорит следующее: «Как и Поль Робсон⁹⁴, я определяю себя как африканец внутри американца. Или, на самом деле, африканец в Соединенных Штатах, потому что Америка состоит из нескольких континентов... Так что, думаю, более технически я бы сказал, что я африканец в Северной и Южной Америке». Образ и биография Поля Робсона воплощают историю успеха и в представлении еще одной респондентки: «Я хотела бы назвать несколько человек, если смогу. Один из них – Поль Робсон, потому что он олицетворяет превосходство черных. Он певец, актер, юрист, спортсмен. Я имею в виду человека, который просто делает все. Как удастся так преуспевать во многом и при этом оставаться честным человеком и активистом? Вы знаете, он один из лю-

дей в истории, знаменитых людей в истории. Но если бы я хотела присесть, поболтать с другим человеком, олицетворяющим черное наследие... Я бы сказала, Элейн Браун⁹⁵, которая является единственной женщиной, возглавлявшей партию “Черные пантеры”. Она моя подруга, и среди всех, кого я знаю лично, это человек, который больше всех был привержен борьбе в Африке. Я знаю, что она самая преданная своему делу на всех уровнях своей жизни. Она привержена этому».

Репрезентация, интерпретация и популяризация как «черного наследия» в целом, так и его символов в частности осуществляется в рамках коммемораций – мероприятий, направленных на укрепление и трансляцию памяти о прошлом. В числе наиболее распространенных и отмеченных респондентами коммеморативных практик следует упомянуть 19 июня (*Juneteenth*), Месяц черной истории (*Black History Month*) и фестиваль Кванзаа (*Kwanzaa*).

19 июня⁹⁶ – праздник федерального значения, посвященный окончанию эпохи рабства в США. Его история восходит к 19 июня 1865 г., когда генерал армии Союза Гордон Грейнджер прибыл в Галвестон (штат Техас) и сообщил местным жителям об отмене рабства и окончании Гражданской войны. Таким образом, Прокламация об освобождении, изданная Авраамом Линкольном еще в 1863 г. повсеместно вступила в силу. После оглашения радостной новости черные жители Техаса инициировали праздничные церковные службы, сопровождавшиеся песнопениями, танцами, выступлениями старейшин, шествиями и пиршествами⁹⁷. Спустя год мероприятие повторилось в Галвестоне. В 1867 г. оно впервые состоялось в другом тexasком городе – Остине⁹⁸. 1872 г. датируется первая попытка регламентации: четверо освобожденных рабов из Хьюстона – Джек Йейтс, Элиас Диббл, Ричард Брок и Ричард Аллен – запустили сбор средств и приобрели 10 акров земли для празднования 19 июня⁹⁹. Выкупленное место получило название «Парк освобождения». Так постепенно праздник становился традиционным.

В первой половине XX в. под влиянием Великой депрессии¹⁰⁰ и политики расовой сегрегации интерес к празднованию 19 июня пошел на спад. Вторая мировая война и ее окончание, вызвавшие рост патриотизма, способствовали консолидации американского общества вокруг Дня независимости США – 4 июля. Тем не менее традиция празднования 19 июня не была полностью утрачена. По словам Ан-

нет Гордон-Рид¹⁰¹, чье детство пришлось на начало 1960-х годов, в Техасе того времени отмечали и 19 июня и 4 июля, и если первый праздник был «исключительно для черных техасцев», то второй – «для всех американцев». «Насколько мне известно, белые не праздновали 19 июня в годы моего детства. Но все, кто жил в моем районе, отмечали 4 июля. Также я знаю о традиции черных праздновать 5 июля в знак протеста, направленного на то, чтобы напомнить людям, что идеалы, ассоциирующиеся с 4 июля, все еще не достигнуты. Я не могу точно сказать, как к 4 июля относились члены моей семьи и моей общины... Это был праздник, выходной день, чтобы побыть с родными и друзьями... С 19 июня все было иначе. Для моей прабабушки, бабушки и дедушки, а также других родственников их поколения это был праздник свободы людей, которых они знали лично»¹⁰², – вспоминала исследовательница.

Новый импульс распространению этой коммеморации придало Движение за гражданские права. В 1980 г. праздник получил официальный статус в штате Техас. 17 июня 2021 г. 19 июня был объявлен федеральным праздником. Рассуждая о процессах распространения традиции празднования и обретении ею нового статуса, А. Гордон-Рид пришла к выводу о том, что все вышеуказанное является еще одним примером «техасификации»¹⁰³ – экстраполяции происходящего в штате Техас на всю страну. Согласно мнению историка, «Техас в большей степени, чем любой другой штат в Союзе всегда воплощал в себе почти все основные аспекты истории Соединенных Штатов Америки» и нередко выступал своего рода предвестником изменений¹⁰⁴.

По свидетельствам опрошенных в 2021–2022 гг. африкано-американцев, 19 июня действительно имеет особое значение на юго-западе страны. Его распространение идет медленными темпами, но в целом вызывает положительные эмоции даже у тех, кто не имеет к нему прямого отношения. Одна из белых респонденток, говоря о придании 19 июня статуса национального праздника, заявила, что считает нужным поддерживать подобного рода инициативы, «чтобы добиться изменений, имеющих долгосрочный эффект».

В отличие от 19 июня, Месяцу черной истории – ежегодной праздничной коммеморации, посвященной культуре, истории и достижениям чернокожих людей, не нужно завоевывать популярность. Истоки праздника связаны с именем Картера Вудсона¹⁰⁵, иницииро-

вавшего в 1926 г. проведение Недели негритянской истории. С начала 1940-х годов первоначально недельная коммеморация постепенно становилась продолжительнее. С 1976 г. официально проводится в США в феврале. С 1987 г. Месяц черной истории отмечается в Великобритании, с 1990 г. – в Германии, с 1995 г. – в Канаде, с 2014 г. – в Ирландии.

В ходе Месяца черной истории принято обращаться к воспоминаниям о прошлом африкано-американцев, на публичном уровне организовывать тематические мероприятия: лекции, кинопоказы, концерты, выставки и т.д. Данная коммеморация упоминается большинством респондентов и ассоциируется с положительными или нейтральными эмоциями.

Наиболее идеологизированной из трех рассматриваемых коммемораций является праздник-фестиваль Кванзаа¹⁰⁶. Мероприятие впервые было проведено в канун 1967 г. активистом Движения за гражданские права Моланой Каренгой¹⁰⁷, чтобы побудить африкано-американцев, обычно отмечавших Рождество и День благодарения, начать почитать свои корни, обычаи и традиции предков. В его представлении Кванзаа, чье название происходит от словосочетания *Matunda ya Kwanza*¹⁰⁸ (в буквальном переводе с языка суахили – «Праздник первого плода»), должна была стать аналогом праздников плодородия, распространенных среди народов Африки. Только слово «плоды» воспринималось метафорически, как обозначение имеющего непреходящее значение наследия – совокупности достижений всех людей африканского происхождения.

М. Каренга утверждал, что традиция празднования Кванзаа восходит к Древнему Египту и Нубийскому царству и распространена среди африканских народов ашанти (Гана), йоруба (Нигерия), зулу (ЮАР). Убедительных доказательств его словам нет, но не существует и опровержений, поскольку праздники плодородия весьма распространены на континенте¹⁰⁹. Чтобы подчеркнуть новизну и оригинальность фестиваля, а также для того, чтобы обозначить разницу между африканской Кванзой и ее американской «реинкарнацией», М. Каренга добавил еще одну букву «а» в окончании названия – *Kwanzaa*.

С 1966 г. Кванзаа отмечается ежегодно с 26 декабря по 1 января. Празднуют ее в узком семейном кругу, а также с друзьями, коллегами, соседями. Программа праздника постоянно обновляется: более чем за полвека своего существования Кванзаа превратилась в фести-

валь со своей аудиторией. Его суть – единение всех членов семьи и общины (представителей африкано-американского сообщества друг с другом и с Африкой). Основная его цель – приобщение молодого поколения к африканскому и африкано-американскому историко-культурному наследию.

Подготовка к празднику начинается заранее, не позднее 20 декабря. Имитирующие традиционные африканские костюмы и украшения, а также декор для помещений елочные игрушки и сувениры приобретаются в магазинах и на рынках (таких как Гарлемский рынок Малкольм Шабазз в Нью-Йорке) или изготавливаются собственными руками.

Эмблема Кванзаа – праздничный стол, накрытый красно-черно-зеленым флагом и/или циновкой. На стол устанавливают семисвечник (суах. *Kinara*), символизирующий черный народ (центральная черная свеча), его трудное прошлое (три красные свечи) и многообещающее будущее (три зеленые свечи). Рядом с семисвечником располагают тарелку с фруктами, початки кукурузы, чашу, знаменующую единение, книги, картины, статуэтки.

Праздничные церемонии, организуемые как музеями и культурными центрами, так и отдельными семьями, проходят в соответствии с предложенным М. Каренгой ритуалом. Все дни праздничной недели четко регламентированы – посвящены определенному моральному принципу. Каждый из семи принципов (*Nguzo Saba*), как и все атрибуты праздника, имеет название на суахили.

Праздничная неделя начинается с церемонии открытия Кванзаа, во время которой принято зажигать центральную черную свечу в семисвечнике. Первый день посвящен фундаментальному принципу единства (*Umoja*), его нередко проводят с семьей. Участники торжества рассаживаются по кругу, угощаются вкусной едой, общаются, рассказывают истории о прошлом, читают стихи, поют песни.

27 декабря, в День самоопределения (*Kujichagulia*), зажигается первая красная свеча – рядом с черной – и начинают работать выставки, семинары и мастер-классы. Регулярно проводятся концерты и детские утренники.

Следующие три дня (28, 29, 30 декабря) посвящены соответственно коллективной работе и ответственности (*Ujima*), предпринимательской деятельности и коллективной экономике (*Ujamaa*), целеустремленности (*Nia*) – возможностям реализовать себя. Каждый день

появляется новая зажженная свеча, поочередно красная, зеленая, красная, и проводятся новые публичные мероприятия.

Кульминацией праздника является вечеринка Караму (*Karamu*) – «Праздник праздников», которая проводится 31 декабря в завершение Дня творчества (*Kuumba*). Его принято проводить шумно, нередко вне дома. Активисты африкано-американских общин устраивают торжества в культурных центрах, клубах, домах дружбы, школах, университетах, музеях (Национальном музее афроамериканской истории и культуры в Вашингтоне, Музее естественной истории в Нью-Йорке, Африкано-американском музее в Филадельфии и др.). Каждый может проявить свой талант. Для одних праздник – повод повеселиться, для других – вспомнить о прошлом в надежде на лучшее будущее. Участникам предоставляется возможность выйти за пределы повседневной реальности, включиться в игру, окунуться в атмосферу карнавала.

После бурного веселья наступает самый спокойный заключительный день фестиваля Кванзаа, в который чествуются принципы Веры (*Imani*). Первый день нового года посвящается погружению в собственные мысли, осознанию себя, своих корней, своего будущего. По мнению основателя праздника М. Каренги, каждый должен ответить на вопросы: «Кто я? Действительно ли я тот, кем себя считаю? Кем я должен быть?»¹¹⁰

Масштабы распространения праздника Кванзаа сложно оценить. Его организаторы настаивают на том, что мероприятие привлекает миллионы участников и приобретает глобальный характер, выходя за пределы США. В условиях реализуемой американскими государственными институтами и общественными организациями программы поддержки культурного разнообразия информация о мероприятии распространяется достаточно широко: политики¹¹¹ и знаменитости публикуют поздравления, компания *Google* в дни фестиваля размещает на стартовой странице тематические дудлы¹¹², СМИ и медиаплатформы напоминают о «шансе собраться вместе»¹¹³ и т.д. Однако результаты полевых исследований Д.М. Бондаренко и Г.В. Александрова показали, что лишь трое из 24 опрошенных африкано-американцев лично празднуют Кванзаа. Еще двое респондентов сообщают о родственниках, отмечающих праздник, остальные либо признают значимость мероприятия, но не участвуют в нем, либо вообще не упоминают о фестивале.

Рассмотренные символы-ассоциации комплементарны – они взаимодополняют друг друга и вместе, в зависимости от обстоятельств их использования, способны образовывать либо «триумфальный» (прогрессивный), либо «трагический» нарратив «черного наследия».

Многие из упомянутых символов и коммемораций, например древнеегипетские иероглифы, «панафриканский флаг» и фестиваль Кванзаа, популяризировались в рамках афроцентризма¹¹⁴. Его американская версия, названная «афроцентричностью» или «теорией афроцентричности», была разработана африкано-американцем, профессором Университета Темпл (Филадельфия) Молефи Кете Асанте (урожденным Артуром Ли Смитом-младшим). По его словам, «в западном мире люди африканского происхождения всегда находились на обочине, и не только физически (речь о рабстве в Америке), но и культурно, интеллектуально. Их система ценностей и традиций была уничтожена из-за психологического сдвига. Так что во многом афроцентричность есть реакция на этот сдвиг, в том числе психологический – потерю способности к самоопределению у африканского народа»¹¹⁵. Состояниям маргинальности и колониальности, которые в случае с африкано-американцами были вызваны посттравматическим синдромом раба, противопоставляется состояние афроцентричности, для достижения которого, по мнению М.К. Асанте и его единомышленников, необходимо справиться с культурной дезориентацией, обратиться к африканским корням, разработать «собственные научные и моральные критерии для установления подлинной сущности общественных процессов»¹¹⁶.

Афроцентристы внесли свой вклад в концептуализацию и визуализацию «черного наследия», приняв непосредственное участие в трансформации системы образования (в частности, в институционализации *Black Studies*¹¹⁷) и разработке инициатив в сфере культуры. Но, несмотря на впечатляющую риторику и эмоциональность аргументации, им не удалось привить новый паттерн идентичности и идею трансконтинентальной общности подавляющему большинству черного населения США (хотя среди узкого круга академической элиты идеи М.К. Асанте имели определенный успех). Пропагандируемое афроцентристами «черное единство» по-прежнему остается идеалом, однако оно все чаще проявляется в ситуации участившихся случаев насилия и произвола в

отношении черных американцев¹¹⁸ и следующей за ними активизации движения *Black Lives Matter*.

Влияние идей афроцентризма распространилось не только на область символики, но и на сам способ осмысления «черного наследия». М.К. Асанте и сторонники его теоретических построений не видят проблемы в установлении границ «черного наследия». В их представлениях африканцем может считаться любой представитель негроидной расы, ощущающий прочную духовную связь с континентом предков. Они убеждены, что, несмотря на множество различий между африканцами, проживающими в различных частях света, существует нечто общее, способное их объединить. Прежде всего, это историко-социальный опыт, как отрицательный – связанный с угнетением (в рамках систем рабства и колониализма) и расовую дискриминацию, так и положительный – аккумулирующий все достижения представителей расы. Два респондента-африкано-американца вполне в духе афроцентричных традиций говорили о границах «черного наследия». Первый утверждал, что для него «...концепция черного наследия означает историю и культуру черного мира, африканского мира, Африки и диаспоры». Второй, отвечая на вопрос о значении «черного наследия», сказал следующее: «Когда я преподаю студентам, я начинаю с регионов Африки. И это те общества, которые стали африкано-американцами... Еще до того, как люди начали платить деньги и сдавать ДНК-тест для проведения генеалогического анализа, антропологические данные и исторические свидетельства показывали, что люди, ставшие африкано-американцами, в основном прибыли из Сенегала, Гамбии в Западной Африке, Сьерра-Леоне, вплоть до Анголы. Так что это часть нашей истории. И потом, это выживание в условиях рабства и сегрегации. Это часть всего происходящего. И поэтому, когда я думаю о черной истории, я подчеркиваю африканское происхождение. Я подчеркиваю, как эти различные африканские культуры взаимодействуют с коренными жителями и становятся чем-то другим. Существует это смешение, смешение культур, которое является черной культурой, африкано-американской культурой». Оба этих респондента – профессора, представители академической среды, а озвученные ими мнения едва ли можно назвать популярными в африкано-американском сообществе.

Как показал анализ научной литературы, современных СМИ и результатов полевого исследования, не все африкано-американцы гото-

вы согласиться с афроцентристами. Многие не чувствуют общности с африканцами и представителями диаспоры или выступают за конкретизацию категорий. Так, Джесси Джексон, чьи слова приведены на страницах *The New York Times*, выражал свое возмущение размытостью понятия: «Черный – это цвет. Мы построили страну посредством африканской работоторговли. Африкано-американец признает это. Любой термин, который акцентирует внимание на цвете, а не на следии, отделяет нас от нашего наследия»¹¹⁹.

Большинство респондентов относятся к проблеме принадлежности «черного наследия» нейтрально. Африкано-американское наследие представляется им частью общемирового «черного наследия»: «...черный [неамериканец] или черный американец... мы все по сути [едины]... символично, что одна и та же лодка забрала всех нас и просто высадила у разных дверей».

Возможно, вопрос границ исследуемого явления на глобальном уровне на данный момент не стоит особенно остро. Однако он имеет существенное значение на уровне национальном. В США, «стране множественной памяти и разноголосых традиций»¹²⁰, наследия существуют во взаимодействии друг с другом и в динамике. В условиях, когда «памятники ниспровергаются, а нарратив, их воздвигший, сохраняется»¹²¹, проблема концептуализации «черного наследия» и вопрос о его интегрированности в американское национальное наследие приобретают все большую актуальность. Нарратив, символы и коммеморации «черного наследия» нередко инкапсулируются в африкано-американском сообществе, что обусловлено не принципиальной позицией его представителей, а сложными социальными процессами, касающимися в том числе и белого населения страны.

Несмотря на достижение значительного прогресса, проблема расизма и совокупность вызываемых ею противоречий и конфликтов сохраняются. В то же время культурно-историческая память, помноженная на этику политкорректности, зачастую не позволяет представителям других этнокультурных групп разделить причастность к «черному наследию» или присоединиться к его чествованию. В одной из бесед чернокожая студентка, рассуждая о причинах, по которым белые не участвуют в проводимых африкано-американцами коммеморациях, говорит: «Они не уверены, что им можно» (*They're not sure they are allowed to*). Подобные тенденции инкапсуляции на-

следий противоречат созданию гармоничного национального нарратива, усиливая фрагментацию общества.

---

¹ *Apaydin V.* Introduction: Why Cultural Memory and Heritage? // *Critical Perspectives on Cultural Memory and Heritage: Construction, Transformation and Destruction* / Ed. by V. Apaydin. London: UCL Press, 2020. P. 2.

² *Ashworth G.J., Graham B., Tunbridge J.E.* Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies. London: Pluto Press, 2007.

³ *Littler J., Naidoo R.* (eds.). *The Politics of Heritage: The Legacies of Race*. London: Routledge, 2004.

⁴ *Graham B.* Heritage as Knowledge: Capital or Culture? // *Urban Studies*. 2002. Vol. 39, Iss. 5–6. Pp. 1003–1017.

⁵ *Никонова А.А.* Культурное наследие и формирование идентичности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2009, № 2. С. 203.

⁶ *Ассман А.* Европейская мечта. Переизобретение нации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 268.

⁷ *Apaydin V.* Op. cit. P. 3.

⁸ Вопрос о том, как называть американцев – потомков порабощенных африканцев, вывезенных в период с середины XVI в. до начала XIX в., всегда был одним из самых обсуждаемых как в зарубежной, так и в российской историографии и СМИ. На протяжении веков их официальные названия менялись: *Colored people* («цветные»), *Negros* («негры»), *Blacks* («черные»), *Afro-Americans* («афроамериканцы»), *African Americans* («африкано-американцы»). Неоднозначность наименований отразилась и в официальных документах. Согласно рекомендации Административно-бюджетного управления (*Office of Management and Budget [OMB]*), в документах Бюро переписи населения США с 1997 г. используются категории *Black* («черный») или *African American* («африкано-американец»). Автор этой главы вслед за Д.М. Бондаренко, соглашаясь с приведенной им аргументацией (*Бондаренко Д.М.* Оттенки черного. Культурно-антропологические аспекты взаимовосприятия и взаимоотношений африкано-американцев и мигрантов из стран субсахарской Африки в США. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2016. С. 12–13), использует термин «африкано-американцы» применительно к черным американцам.

⁹ «Черный – это красиво» (*Black is Beautiful*) – движение, появившееся в США в начале 1960-х годов. Оно было нацелено на то, чтобы убедить африкано-американцев, что они обладают природной красотой, и попытаться остановить распространявшиеся среди них практики отбеливания кожи и выпрямления волос. В 1962 г. группа художников, дизайнеров, музыкантов и писателей (*The African Jazz-Art Society & Studios*), вдохновленная борьбой за равные гражданские права белых и черных, решила привить чернокожему сообществу моду на естественные (неотбеленный) цвет кожи и (невыпрямленные) волосы. Среди ее участников были фотограф и музыкальный историк (специалист в области джазового искусства) Кваме Брэйтуэйт, основатель «Первого африканского националистического движения» (*The African Nationalist Pioneer Movement*) Карлос Кук, модели Джимми Абу Уильямс и Блэк Роуз Нелмс, певица и актриса Эбби Линкольн и ее супруг музыкант Макс Роуч.

---

¹⁰ «Черная сила», «Власть черным» (*Black Power*) – понятие, объединяющее политический лозунг и идеологию, нацеленную на самоопределение черных американцев. В 1966 г. лозунг «Власть черным!» впервые был публично произнесен активистом Стокли Карлмайклом (взявшим «африканское» имя Кваме Туре, 1941–1998). В дальнейшем он активно использовался другими активистами, например, членами партии «Черные пантеры».

¹¹ Крупнейшее информационное агентство «Ассошиэтед Пресс» и газета «Нью-Йорк Таймс» постепенно отказались от его использования в 1970-х годах, к середине 1980-х годов оно ушло из обихода Верховного суда США. До начала 1990 г. категория «черный» занимала прочные позиции: в период с 1970 по 1989 г. 91,5% объединений черных американцев предпочитали использовать именно это слово, а согласно опросам, проводившимся центром изучения общественного мнения при Университете Коннектикута, не менее 99% из них в те же годы идентифицировали себя как «черные» (*Blacks*).

¹² В 1988 г. политик и правозащитник Джесси Джексон (р. 1941) инициировал общественную кампанию за право черных американцев именоваться «африкано-американцами» (*African Americans*) по аналогии с названиями других этнокультурных групп в США – «ирландо-американцы» (*Irish Americans*), «итало-американцы» (*Italian Americans*) и т.д. Подробнее см.: Хохолькова Н.Е. «Линия цвета»: к вопросу об эволюции этнонимов чернокожего населения США // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 37–44.

¹³ *Black Lives Matter* (буквальный перевод – «Жизни черных имеют значение») – международное общественное движение, возникшее в США в 2014 г. и направленное на противодействие насилию и расовой дискриминации в отношении черных. Его история началась с появления и распространения в социальных сетях в 2013 г. одноименного хэштега, призванного выразить возмущение африкано-американцев оправданием патрульного Джорджа Циммермана, застрелившего семнадцатилетнего африкано-американца Трэйвона Мартина. Активисты движения организуют акции протеста и демонстрации, оказывают правовую поддержку лицам, терпящим расовую дискриминацию. В 2020 г., после убийства африкано-американца, Джорджа Флойда поднялась новая более масштабная волна движения.

¹⁴ Adams C. Not all black people are African American. Here's the difference. June 18, 2020. <https://www.cbsnews.com/news/not-all-black-people-are-african-american-what-is-the-difference/> (дата обращения 14.09.2021).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Бондаренко Д.М. Указ. соч.

¹⁷ Adichie C.N. Americanah. New York: Knopf, 2013.

¹⁸ Zeleza P.T. African Diasporas: Toward a Global History // African Studies Review. 2010. Vol. 53, Iss. 1. P. 10.

¹⁹ Ряд историков рассматривает африкано-американское сообщество как «историческую» или «старую» африканскую диаспору. Согласно мнению Тойина Фалолы, введшего это деление в научный оборот, «старая африканская диаспора» сформировалась в ходе трансатлантической работорговли, а «новая» – в результате добровольных индивидуальных миграций, совершенных африканцами во второй половине

XX – начале XXI в. (*Falola T. The African Diaspora: Slavery, Modernity, and Globalization. New York: University of Rochester Press, 2013*).

²⁰ *Gates Jr. H.L. Who Was the First African American? The Root. October 22, 2012. <https://www.theroot.com/who-was-the-first-african-american-1790893808> (дата обращения 21.02.2022).*

²¹ В 2019 г. к 400-летней годовщине события *The New York Times* открыло «Проект 1619» (*The 1619 Project*). <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/1619-america-slavery.html> (дата обращения 30.08.2023).

²² Подробнее об этом проекте см. в гл. 1, 3 (*прим. отв. ред.*).

²³ Королевство Ндонго – доколониальное государственное образование, созданное народом мбунду; располагалось на территории современной Анголы.

²⁴ *Grizzard F.E., Grizzard, Jr. F.E., Boyd Smith D. Jamestown Colony: A Political, Social, and Cultural History. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2007. P. 198.*

²⁵ *The 1619 Project.*

²⁶ *Kendi I.X., Blain K.N. (eds.). Four Hundred Souls: A Community History of African America, 1619–2019. New York: One World, 2021. P. 4.*

²⁷ *Immigration and America's Black Population. Population Bulletin. 2007. Vol. 62. No. 4. P. 3.*

²⁸ *Population of the United States in 1860: Introduction. <https://www2.census.gov/library/publications/decennial/1860/population/1860a-02.pdf> (дата обращения 21.02.2022).*

²⁹ *Бондаренко Д.М. Указ. соч. С. 9.*

³⁰ Там же.

³¹ «Новая африканская диаспора» состоит из множества этнических и национальных сообществ и включает в себя чернокожих американцев, не позиционирующих себя как африкано-американцев.

³² *Refugee Act of 1980. National Archives Foundation. <https://www.archivesfoundation.org/documents/refugee-act-1980/> (дата обращения 21.02.2022).*

³³ *Immigration Act of 1990. Congress.gov. <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/senate-bill/358> (дата обращения 21.12.2021).*

³⁴ Согласно данным *Pew Research Center*, численность африканских иммигрантов, проживающих в США, в 2015 г. составила 2,1 млн чел. См.: *Anderson M. African immigrant population in U.S. steadily climbs. 2017. <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/02/14/african-immigrant-population-in-u-s-steadily-climbs/> (дата обращения 21.02.2022).*

³⁵ *Race – The Black Alone Population in the United States. http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-06.pdf&gws_rd=cr&ei=eQ-PWNfiFOvA6ASV5b6wDQ (дата обращения 21.02.2022).*

³⁶ *Anderson M. A Rising Share of the U.S. Black Population is Foreign Born. 2015. <http://www.pewsocialtrends.org/2015/04/09/a-rising-share-of-the-u-s-black-population-is-foreign-born/> (дата обращения 14.12.2021).*

³⁷ *Tamir C. The Growing Diversity of Black America. March 25, 2021. <https://pewresearch.org/social-trends/2021/03/25/the-growing-diversity-of-black-america/> (дата обращения 21.10.2021).*

³⁸ *Эриксен Т.Х. Что такое антропология? Учебное пособие. М.: Высшая школа экономики (государственный университет), 2014. С. 213.*

---

³⁹ «Посттравматический синдром раба» (*Post Traumatic Slave Syndrome*) – термин, введенный в начале 2000-х годов американским психологом Джой Диграй для описания транспоколенческой травмы, ведущей к психологическим и поведенческим расстройством, распространенным среди современных африкано-американцев (*DeGruy J. Post Traumatic Slave Syndrome: America's Legacy of Enduring Injury and Healing*. Portland: Joy DeGruy Publications Inc., 2005). Однако исследования феномена транспоколенческой психологической травмы, нанесенной африкано-американцам системой рабства, начали проводиться задолго до появления работ Дж. Диграй (в частности, см.: *Kardiner A., Ovesey L. The Mark of Oppression: Explorations in the Personality of the American Negro*. Norton: World Pub., 1951).

⁴⁰ Понятие «фактор Обамы» широко использовалось и используется в публицистике для описания влияния, оказанного избранием Барака Обамы на пост президента на политику, экономику, общество и культуру США.

⁴¹ *Du Bois W.E.B. The Souls of Black Folk*. New York: Oxford University Press, 2007. P. 17.

⁴² *Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. New York: Oxford University Press, 1995. P. 24.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ Тем не менее результаты социологического исследования, проведенного Исследовательским Центром Пью (*Pew Research Center*) в 2022 г., показали, что большинство черных американцев (76%) считает расу ключевым компонентом своей идентичности. Подробнее см.: *Cox K., Tamir C. Race Is Central to Identity for Black Americans and Affects How They Connect With Each Other*. April 14, 2022. <https://pew-research.org/race-ethnicity/2022/04/14/race-is-central-to-identity-for-black-americans-and-affects-how-they-connect-with-each-other/> (дата обращения 21.05.2023).

⁴⁵ *Баллер Э.А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969.

⁴⁶ Черные пантеры – партия за самооборону / Партия «Черные пантеры» (*Black Panther Party for Self-Defense, Black Panther Party*) – леворадикальная организация, основанная Бобби Силом и Хьюи Ньютоном в 1966 г. в Окленде (Калифорния), выступавшая за вооруженные способы борьбы в защиту гражданских прав черных. Первоначально основной деятельностью региональных отделений «Черных пантер» было патрулирование улиц с целью предотвращения полицейского произвола в отношении африкано-американцев. Позднее у партии появились социальные программы – «программы выживания», предполагавшие обеспечение малоимущих продовольствием, а также политические требования, включавшие амнистию и выплату африкано-американцам денежных компенсаций за годы эксплуатации. Организация приобрела скандальную известность из-за внутренних разногласий и конфликтов, а также из-за серии вооруженных столкновений с полицией, закончившихся преследованием активистов со стороны ФБР. К началу 1980-х годов партия начала распадаться и фактически прекратила свою деятельность. Отношение африкано-американцев к «Черным пантерам» неоднозначно: в то время как у одних они вызывают уважение, у других – скорее замешательство и неодобрение.

⁴⁷ Следует отметить, что в исследованиях приняли участие не только африкано-американцы, но и представители других этнокультурных сообществ США. Приведенное выше утверждение справедливо для всех участников опроса: вне зависимо-

---

сти от расы и этнического происхождения большинство респондентов связывает понятие «черное наследие» именно с культурой.

⁴⁸ *Нора П.* Проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж.* Франция-память. М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

⁴⁹ *Репина Л.П.* Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2008. С. 11.

⁵⁰ «Подземная железная дорога» – сеть секретных маршрутов и убежищ, созданных в середине XIX в. для организации побегов рабов из рабовладельческих штатов Юга на Север.

⁵¹ Гарлемский ренессанс – период расцвета африкано-американской культуры, обусловленный интеллектуальным, общественным и эстетическим движением, развернувшимся в США в 1918–1937 гг. и связанным с именами выдающихся писателей, поэтов, художников, музыкантов. Среди них были Лэнгстон Хьюз, Алан Локк, Клод Маккей, Джесси Редмон Фосет, Зора Нил Херстон, Поль Робсон, Аарон Дуглас, Дюк Эллингтон и другие.

⁵² Артур Роберт Эш (1943–1993) – первый черный теннисист, попавший в сборную США; победитель трех турниров «Большого шлема».

⁵³ Подробнее см.: *Бондаренко Д.М.* Память о Гражданской войне, борьба с расизмом и американская нация: конец 2010-х – начало 2020-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2023. № 1. С. 138–164. Также см. гл. 1 и 2 (*прим. отв. ред.*).

⁵⁴ «Великая миграция» («Великая миграция на Север», «Черная миграция») – массовое переселение африкано-американцев с Юга на Север и Запад США. В период с 1916 г. по 1970 г. переехало около 6 млн человек. Подробнее см.: *Tolnay S.E.* The African American “Great Migration” and Beyond // *Annual Review of Sociology.* 2003. Vol. 29. P. 209–232; *Sharkey P.* Geographic Migration of Black and White Families over Four Generations // *Demography.* 2015. Vol. 52, Iss. 1. Pp. 209–231.

⁵⁵ *Нора П.* Указ. соч. С. 17.

⁵⁶ Там же. С. 26.

⁵⁷ О ней подробно см. в гл. 1 (*прим. отв. ред.*).

⁵⁸ Подробнее см. гл. 3 (*прим. отв. ред.*).

⁵⁹ Например, одна из респонденток заявила, что черную культуру мог бы символизировать жук скарабей. Согласно древнеегипетской мифологии, скарабей олицетворяет собой восходящее Солнце и является символом возрождения.

⁶⁰ Адинкра – западноафриканская система символического письма.

⁶¹ *Пастуро М.* Зеленый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 8.

⁶² Всемирная ассоциация по улучшению положения негров (*The Universal Negro Improvement Association, UNIA*) – организация, основанная в 1914 г. М. Гарви, деятельность которой была направлена на формирование единой независимой самодостаточной чернокожей нации и воспитание расовой гордости.

⁶³ *McGuire G.A.* (comp.). *Universal Negro Catechism: A Course of Instruction in Religious and Historical Knowledge Pertaining to the Race* / compiled by George Alexander McGuire; issued authority of the High Executive Council, Universal Negro Improvement Association. 1921. P. 32. <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=emu.010000685445&view=1up&seq=1> (дата обращения 08.08.2023).

---

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Такие трактовки приняты и в цветовой символике фестиваля Кванзаа (см. далее).

⁶⁶ Новая партия «Черные пантеры» (*New Black Panther Party, NBPP*) – организация черно-националистического толка, основанная Аароном Майколсом в 1989 г. в г. Далласе (штат Техас). Несмотря на то, что, согласно заявлениям одного из создателей «старых Черных пантер» Бобби Сила, она не является преемницей существовавшей в 1960–1980-х годах партии, на ее эмблеме изображена примерно такая же черная пантера на фоне зеленого африканского континента, помещенного на красно-желтый фон.

⁶⁷ «Черная милиция» – военизированная организация, созданная Джоном Фитцджеральдом Джонсоном в 2017 г. В эмблематике ее отделений используются как «панафриканский флаг», так и древнеегипетские символы (например, символ жизни анкх).

⁶⁸ *Eriksen T.H., Jenkins R.* (eds.). *Flag, Nation and Symbolism in Europe and America*. London – New York: Routledge, 2007. P. 47.

⁶⁹ *Leib J.L., Webster G.R.* *The Confederate Flag Debate in the American South: Theoretical and Conceptual Perspectives // Race, Representation, and Community in the New Century* / Ed. by A. Willingham. New York: Brennan Center for Justice at NYU School of Law, 2002. P. 229.

⁷⁰ *Charles M.* *The Rallying Point*. Los Angeles: Bryant and Dillon, 1994. P. 16.

⁷¹ The Original Black American Heritage Flag. <https://originalblackamericanheritageflag.com> (дата обращения 21.02.2022).

⁷² *Charles M.* Op. cit.

⁷³ Ibid. P. 11.

⁷⁴ Ibid. P. 16.

⁷⁵ Ibid. P. 12.

⁷⁶ Ibid. P. 17.

⁷⁷ Фиговое дерево, или инжир, является священным в некоторых культурах Африканского континента (например, в египетской [как древней, так и современной] и кенийской). Его плоды символизируют изобилие и плодородие.

⁷⁸ The Original Black American Heritage Flag.

⁷⁹ Мартин Лютер Кинг (1929–1968) – лидер Движения за гражданские права, баптистский проповедник, правозащитник, лауреат Нобелевской премии мира.

⁸⁰ Гарриет Табмен (ок. 1822–1913) – американская аболиционистка, совершившая побег из рабства, участвовавшая в создании «Подземной железной дороги» и поспособствовавшая спасению нескольких десятков поработанных африкано-американцев.

⁸¹ Медгар Эверс (1925–1963) – активист движения в защиту гражданских прав, секретарь отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (*National Association for the Advancement of Colored People, NAACP*) в штате Миссисипи.

⁸² Фанни Лу Хамер (1917–1977) – одна из лидеров Движения за гражданские права, соосновательница Демократической партии свободы Миссисипи (*Mississippi Freedom Democratic Party, MFDP*).

---

⁸³ Малкольм Икс (1925–1965) – борец за права африкано-американцев, один из участников движения «Нация ислама» (*Nation of Islam*).

⁸⁴ Шака (Чака, 1787–1828) – основатель и правитель державы народа зулу на юге Африки, сопротивлявшийся вторжению европейцев на ее территорию.

⁸⁵ Тома Санкара (1949–1987) – революционер, президент Буркина-Фасо (1983–1987).

⁸⁶ Нельсон Мандела (1918–2013) – борец против политики апартеида, президент ЮАР (1994–1999); лауреат Нобелевской премии мира (1993).

⁸⁷ Винни Мандела (1936–2018) – южноафриканский политик и общественный деятель; супруга Н. Манделы (1958–1996).

⁸⁸ Патрис Лумумба (1925–1961) – первый премьер-министр Республики Конго (ныне – Демократическая Республика Конго).

⁸⁹ Фредерик Хэмpton (1948–1969) – активист, заместитель председателя партии «Черные пантеры».

⁹⁰ Марк Кларк (1947–1969) – активист, член партии «Черные пантеры».

⁹¹ Хьюи Ньютон (1942–1989) – один из основателей и руководителей партии «Черные пантеры».

⁹² Стокли Кармайл (Кваме Туре, 1941–1998) – активист Движения за гражданские права, один из главных идеологов черного национализма.

⁹³ Кваме Нкрума (1909–1972) – первый премьер-министр (1957–1960) и первый президент независимой Ганы (1960–1966), политолог, философ, panaфриканист, автор концепции коншиенсизма.

⁹⁴ Поль Лерой Бестилл Робсон (1898–1976) – певец, актер, писатель, культуролог, правозащитник.

⁹⁵ Элейн Браун (р. 1943) – активистка, писательница, певица.

⁹⁶ Праздник также называют «Национальным днем независимости», «Днем освобождения», «Днем независимости чернокожих».

⁹⁷ *Abernethy F.E.* (ed.). *Juneteenth Texas: Essays on African-American Folklore*. Denton: University of North Texas Press, 1996.

⁹⁸ *Smith J.C., Wynn L.T.* *Freedom Facts and Firsts: 400 Years of the African American Civil Rights Experience*. Canton: Visible Ink Press, 2009. P. 26.

⁹⁹ *Graham P.T.* *Houston Freedmen's Town*. Morrisville: Lulu Press, 2017. P. 38.

¹⁰⁰ Великая депрессия – мировой экономической кризис, начавшийся в 1929 г. в США и продолжавшийся на протяжении десяти лет.

¹⁰¹ Аннет Гордон-Рид (р. 19 ноября 1958 г.) – американский историк и юрист, профессор Гарвардского университета, лауреат Национальной книжной премии (2008 г.) и Пулитцеровской премии (2009 г.). В 1964 г. она стала первым черным ребенком, зачисленным в «белую» школу в Конро (Техас). В 2021 г. опубликовала книгу «О 19 июня», в которой история праздника рассматривается сквозь призму личных воспоминаний и впечатлений автора (*Gordon-Reed A.* *On Juneteenth*. New York: Liveright Publishing, 2021. https://books.google.ru/books?id=FwwDEAAAQBAJ&pg=PT94&dq=Juneteenth+1872+houston&hl=en&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&ved=2ahUKEwip6Mmb2fKAAXUaXvEDHVw8DuoQ6AF6BAGLEAI#v=onepage&q=Juneteenth%201872%20houston&f=false [дата обращения 21.05.2023]).

¹⁰² *Gordon-Reed A.* *Op. cit.*

---

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ Картер Годвин Вудсон (1875–1950) – историк, один из пионеров изучения африкано-американской истории, писатель, журналист.

¹⁰⁶ Подробнее см: *Хохолькова Н.Е.* Кванза – panaфриканский Новый год // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 12. С. 55–58.

¹⁰⁷ Молана Ндабезитха Каренга (урожденный Рональд Мак-Кинли Эверетт; р. 1941) – историк, политолог, лингвист, общественный деятель, профессор, руководитель кафедры исследований африканской культуры (*Africana Studies*) Калифорнийского университета в Лонг-Бич; теоретик афроцентризма, один из основателей радикальной «Организации Ю-Эс» (*The Organization Us*), деятельность которой нацелена на консолидацию и поддержание культурного единства чернокожих американцев.

¹⁰⁸ Самый распространенный африканский язык – суахили – был избран для наименования ключевых элементов фестиваля Кванзаа, чтобы подчеркнуть африканское происхождение праздника и его panaфриканский характер.

¹⁰⁹ При этом исследования Д.М. Бондаренко и В.В. Усачевой 2013–2015 гг. показали, что переехавшие в Америку уроженцы Африки считают Кванзу искусственным праздником, не имеющим корней на их родном континенте (*Бондаренко Д.М.* Оттенки черного... С. 52, прим. 9) (*прим. отв. ред.*).

¹¹⁰ *Karenga M.* Kwanzaa: Origin, Concepts, Practice. Inglewood: Kawaida Publications, 1977. Pp. 44–45.

¹¹¹ С ежегодными официальными обращениями по случаю наступления Кванзаа, размещенными на сайте Белого дома, выступала чета Обама. Традиция ежегодных обращений не прервалась вместе с уходом Б. Обамы с поста президента. Однако обращение Дональда Трампа 26 декабря 2017 г., состоявшее всего из трех предложений, позволило журналистам говорить о закате эры африкано-американских ценностей. В последние годы президент Джо Байден и вице-президент Камала Харрис предпочитают публиковать поздравления в социальных сетях.

¹¹² Дудлы – тематические изображения, анимация и игры, выполненные на основе логотипа *Google* и появляющиеся на его главной странице. Подробнее см.: *Песков Д.А.* Африка южнее Сахары глазами *Google*. Этнокультурные аспекты брендизации государств // *Антропология Африки: новые объекты исследования* / Отв. ред. О.И. Кавыкин. М.: Институт Африки РАН, 2018. С. 179.

¹¹³ *Pitofsky M.* “A chance to come together”: What is Kwanzaa, and when is the holiday celebrated? What to know // *USA Today*. Dec. 27, 2022. <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2022/12/24/when-is-kwanzaa-what-is-holiday/10932756002/> (дата обращения 21.05.2023).

¹¹⁴ Афроцентризм – парадигма, объединяющая внутри себя целый комплекс концепций и теорий, в основе которых лежит утверждение о центральном положении Африки и людей африканского происхождения в их собственной истории и культуре. Подобно другим деколониальным и постколониальным течениям она формировалась спорадически на всем протяжении XX в.

¹¹⁵ *Ковда Е., Асанте М.К.* Африканская диаспора уникальна, потому что это не национальный союз. Интервью с М.К. Асанте // *The Prime Russia Magazine*. 2015, № 1(28). http://primerussia.ru/interview_posts/493 (дата обращения 06.03.2022).

---

¹¹⁶ *Asante M.K.* The Afrocentric Idea. Philadelphia: Temple University Press, 1987.

¹¹⁷ *Black Studies* (букв. «черные исследования») – область междисциплинарных исследований, а также комплекс академических дисциплин, ориентированные на изучение истории и культуры людей африканского происхождения.

¹¹⁸ *Бондаренко Д.М.* Оттенки черного... С. 100–101.

¹¹⁹ Цит. по: *Eligon J.* A Debate Over Identity and Race Asks, Are African-Americans “Black” or “black”? June 26, 2020 <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/black-african-american-style-debate.html> (дата обращения 21.02.2022).

¹²⁰ *Нора П.* Указ. соч.

¹²¹ *Blight D.W.* Europe in 1989, America in 2020, and the Death of the Lost Cause // *The New Yorker*. 01.07.2020. <https://newyorker.com/culture/cultural-comment/europe-in-1989-america-in-2020-and-the-death-of-the-lost-cause> (дата обращения 21.02.2022).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представления о «черном наследии» (*Black heritage*) во многом определяют характерные черты современного американского общества, место в нем американцев африканского происхождения, их борьбу за свои права. Представляя собой совокупность материальных, культурных и исторических объектов, символов, нарративов, созданных поколениями людей африканского происхождения в прошлом, представляющих ценность в настоящем и сохраняемых для будущего, «черное наследие» влияет на представления всех американцев об истории своей страны.

Социальные и в особенности политические противоречия современного американского общества, их обострение на наших глазах вызваны во многом и конфликтом памяти в нем, противостоянием конфликтующих и подчас взаимоисключающих версий истории. Разные и даже противостоящие друг другу описания собственного прошлого присутствовали в американском обществе на протяжении десятилетий, заставляя исследователей писать об уникальности параллельного существования взаимоисключающих исторических нарративов. До недавнего времени историческая память США удивительным образом сочетала два разных образа ключевого события в истории страны, закрепив компромисс «двух Америк», и это оставалось важным доводом в пользу того, что свобода слова позволяет обществу обойтись без единого взгляда на историю¹. Но в последние десятилетия именно различное понимание «черного наследия» стало значимой и во многом определяющей составляющей этого конфликта.

Процесс концептуализации «черного наследия», необходимость его интеграции в американское национальное наследие приобретают все большую актуальность. События последних лет показали, что американцы глубоко разделены в оценках своего прошлого, достижений страны и представлений о том, как она должна развиваться дальше.

Функционирование воспоминаний в обществе, взаимодействие, иногда столкновение разных представлений о прошлом – крайне сложный и многообразный, многоуровневый процесс. Устремления участников этого процесса зачастую оказываются разнонаправленными, а в основе их действий могут лежать не только идеи сплочен-

ния нации или восстановления справедливости, но и гораздо более приземленные задачи укрепления конкретного социально-политического порядка или, напротив, его подрыва. Основу американской политической культуры, включающую набор представлений о прошлом страны, объединяющих преставлений, составляет «американизм»². С точки зрения данного исследования, американизм – это форма осмысления прошлого, комплекс образов, идей, идеологем и идеалов, своего рода идеология, в согласии с которой развивается американская политическая и общественная жизнь. Одной из функций американизма как идеологического фундамента американской политики изначально было в том числе оправдание расового неравенства. Более того, образы, призванные показать и объяснить, какой должна быть американская нация и почему, изначально подразумевали существование расовой иерархии. Это и стало в итоге ключевой причиной кризиса американизма, наблюдаемого и сегодня.

В современных Соединенных Штатах несоответствие между реальным местом черных американцев в прошлом и настоящем, с одной стороны, их или незаметной, во всяком случае до недавнего времени, или малой ролью в историческом нарративе – с другой, стало очевидным. Недопредставленность африкано-американцев в историческом нарративе выражалась во всем – от учебников и курсов истории до установленных памятников и мемориалов, от общенациональных коммеморативных практик до национальных праздников. И только в последние десятилетия события, связанные с историей африкано-американцев, стали включаться в общенациональные политические традиции (например, День Свободы – *Juneteenth*, День Мартина Лютера Кинга и др.).

Ключевым местом, точкой сборки американской нации стала Гражданская война, которая определила национальную идентичность и в то же время в определенной мере явилась проявлением первого кризиса идентичности. Спор между южанами и северянами о том, кто из них подлинный американец, в начале нынешнего века как будто возродился. За каждой из точек зрения стоят две радикально противостоящие друг другу версии американской истории. Д.М. Бондаренко классифицирует нынешнюю ситуацию в американском обществе как социокультурный кризис, когда болезненно актуализировалась коллективная культурная память об одном из ключевых событий в истории страны, с которым принято связывать рождение американской

нации, – о Гражданской войне 1861–1865 гг., иначе называемой Войной Севера и Юга. С точки зрения «черного наследия» культурная память о Войне Севера и Юга включает в себе существенное противоречие: черные американцы в устоявшихся еще в XIX в. нарративах Гражданской войны не являлись ее субъектом, исторический опыт черных американцев не воспринимался как часть общей национальной истории.

Власти Соединенных Штатов предпринимают попытки скорректировать исторический нарратив, но, по сути, на данный момент только усиливают и подкрепляют противостояние, актуализируя фундаментальный конфликт памяти. Ситуация усугубляется общемировой тенденцией в отношении исторической памяти – усиления региональных, локальных исторических нарративов, которые способны стать основой политической идентичности. Все более интенсивно происходит поляризация американской политики с включением в нее не только ранее маргинальных крайне правых и радикальных левых течений, но и, возможно, образование новой элиты, представленной разнообразными меньшинствами, которая тоже не удовлетворена существовавшими ранее историческими нарративами о прошлом США.

Попытки вписать «черную историю» в общую картину американской истории пока не увенчались масштабным успехом, и «черное наследие» вписывается в общую картину как дополнение к существующему нарративу. Неясно, насколько это удовлетворяет самих черных американцев и способствует развитию их самосознания. Складывается впечатление, что разным группам американского общества нужны новые образы истории, и они должны отвечать совершенно разным, возможно, взаимоисключающим потребностям этих групп. Приверженность определенной трактовке национальной истории становится сегодня в США одним из маркеров политической идентичности. Политика памяти как поле борьбы идентичностей носит откровенно политический характер, где каждой из политических сил нужна своя версия истории, а «черное наследие» используется в политической борьбе и теми, и другими, что опять ставит вопрос о субъектности черного населения США. Можно сказать, что проблема «черного наследия» прямо или косвенно стала ключевой для современных войн памяти в стране.

Все более резкой критике сегодня подвергаются сами устои американского общества, а расизм все чаще трактуется как доминанта

американской истории, на протяжении которой провозглашенные при создании государства идеалы демократии не только уживаются с рабством, но и прикрывают его, а «священные» ранее имена отцов-основателей десакрализируются и обесцениваются фактом их участия в рабовладении. Как известный экономист и ученый Джеффри Сакс охарактеризовал американскую демократию на Афинском демократическом форуме 2022: «Когда я смотрю на собственную страну, Соединенные Штаты, то вижу полудемократическое иерархическое расистское общество, утверждающее господство белых, цель которого заключается в сохранении привилегий элит. По этому принципу оно и создавалось в 1787 году³. Это была рабовладельческая страна, признающая геноцид целью своей деятельности и истребляющая коренные народы ради продвижения культуры белых. Поразительно, но с тех пор мы мало изменились, несмотря на возросшее разнообразие»⁴.

Подобная точка зрения утверждает, что «структурный расизм» – расистские практики, интегрированные в политическую, экономическую и правовую систему США, – представляет собой не случайный дефект, не временное отступление от основополагающих принципов и ценностей, а фундаментальное имманентное свойство самого американского общества, закономерно проявляющееся на всем протяжении его истории. В борьбе с ним далеко не последнюю роль играют попытки пересмотра отношения к истории страны. Нынешний американский вариант «войны памятников» – почти идеальная иллюстрация борьбы с преобладающими в обществе системами доминирования и дискриминации.

Современное американское общество активно меняется, соответственно, меняются его потребности, поэтому исторический нарратив будет неизбежно корректироваться. Американское общество в целом находится в поисках идентичности, переживая ее кризис. Наследие и культурно-историческая память вместе и по отдельности выполняют одну и ту же функцию – способствуют формированию коллективной идентичности. Власти США, политики, активисты пытаются тем или иным образом трансформировать культурно-историческую память, в которой происходит постоянный отбор событий, в результате чего некоторые из них подвергаются забвению, в то время как другие сохраняются, обрастают новыми смыслами и превращаются в символы групповой идентичности. Процесс подобной трансформации крайне рискованный, потому что постоянные сомнения в трактовках цен-

тральных событий прошлого, выдвижение становящихся широко распространенными альтернативных версий может привести к утрате культурно-исторической памятью способности выполнять ее важнейшую функцию решения насущных, современных мировоззренческих проблем.

---

¹ Колоницкий Б.И. Преодоление Гражданской войны: случай Америки // Звезда. 2007, № 1. С. 123–143.

² См., например: Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс-Академия, 1993. Подробнее см. гл. 1.

³ 17 сентября 1787 года на Конституционном Конвенте в Филадельфии была принята Конституция США (*прим. отв. ред.*).

⁴ Jeffrey Sachs comments at the 2022 Athens Democracy Forum session on “A Decade of Democracy: China and Russia.” September 29, 2022. Athens, Greece. https://youtube.com/watch?v=VP_SpW-DyQg (дата обращения 09.09.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акопов С.В., Розанова М.С.* Идентичности в эпоху глобальных миграций. СПб.: ДЕАН, 2010.
- Александров Г.В.* Законодательное регулирование *Critical Race Theory* и политика памяти в США // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2022. № 5. С. 141–158.
- Алентьева Т.В.* Сецессия глазами южан // Проблемы преподавания и изучения истории зарубежных стран. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Селиванов. Курск: Изд-во КГУ, 2004.
- Алентьева Т.В.* Причины Гражданской войны (1861–1865) в новейшей американской историографии // Новая и новейшая история. 2007, № 5. С. 66–79.
- Алентьева Т.В.* Усиление антирабовладельческой республиканской риторики накануне Гражданской войны (1856–1861) // Известия Смоленского государственного университета. 2008, № 4. С. 164–174.
- Алентьева Т.В.* Парадоксы коллективной памяти в эпоху Второй американской революции // Коллективная память: власть прошлого в социокультурной жизни Америки / Отв. ред. И.В. Морозова, В.И. Журавлева, Х.Б. Фернандес. М.: РГГУ, 2021. С. 140–148.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
- Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., Новое литературное обозрение, 2014.
- Ассман А.* Европейская мечта. Переизобретение нации. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Ахметшин Р.И.* Радикальные течения в движении афроамериканцев за гражданские права и свободы во второй половине XX в. Автореф. дис. ... к.и.н. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017.
- Баллер Э.А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969.
- Бачелет М.* Системный расизм – наследие непризнанных преступлений прошлого // Новости ООН. 12.07.2021. <https://news.un.org/ru/story/2021/07/1406222> (дата обращения 30.11.2021).
- Бачелет М.* Убийства полицейскими чернокожих – следствие системного расизма // Новости ООН. 28.06.2021. <https://news.un.org/ru/story/2021/06/1405462> (дата обращения 30.11.2021).
- Белов С.И.* Объединяющий нарратив истории Гражданской войны в США как элемент политики памяти // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018, № 11. С. 46–59.
- Бидни Д.* Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры / Отв. ред. Л.А. Мостова. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 385–420.
- Бондаренко Д.М.* Оттенки черного. Культурно-антропологические аспекты взаимовосприятия и взаимоотношений африкано-американцев и мигрантов из стран субсахарской Африки в США. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2016.

- Бондаренко Д.М.* Конфликт исторических дискурсов Севера и Юга США и музейно-мемориальная репрезентация рабства и Гражданской войны 1861–1865 годов // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, Д.Н. Маслюженко. Москва: б.и., 2020. С. 478–488.
- Бондаренко Д.М.* Постколониальный дискурс и репрезентации рабства и Гражданской войны 1861–1865 гг. на Севере и Юге США. Доклад на VII Международных Зверевских чтениях по американистике «Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: *pro et contra*». Москва, 13–15 мая 2021 г.
- Бондаренко Д.М.* Репрезентации рабства и Гражданской войны 1861–1865 гг. на Севере и Юге США: расхождение исторических дискурсов // Диалог со временем. 2021, № 75. С. 143–157.
- Бондаренко Д.М.* Борьба с расизмом и память о Гражданской войне и об отмене рабства в США в конце 2010-х – начале 2020-х гг. // Современный расизм: идеология и практика. Сборник статей / отв. ред.: В.А. Шнирельман. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2022. С. 273–309.
- Бондаренко Д.М.* Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2022.
- Бондаренко Д.М.* Память о Гражданской войне, борьба с расизмом и американская нация: конец 2010-х – начало 2020-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2023. № 1. С. 138–164.
- Воронович А., Ефременко Д.* Политика памяти по-киевски. Стратегии формирования украинской идентичности в контексте евроинтеграционных процессов // Россия в глобальной политике. 2017, № 5. <https://globalaffairs.ru/articles/politika-pamyati-ro-kievski/?ysclid=lmtdb2kc5593933639> (дата обращения 30.09.2023).
- Востриков П.В.* Социокультурное развитие колониальной Виргинии (1680–1776 гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2018.
- Жданов А.И.* Факторы возникновения и развития движения BLM в США на примере протестов 2020 г. // История и современность. 2022, № 4. С. 22–35.
- Желско-Браун И.В.* «Проект 1619» как альтернатива «американскому проекту» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, Ч. 1. С. 80–111.
- Иванов Р.Ф.* Гражданская война 1861–1865 гг. // Черные американцы в истории США. Т. 1. 1526–1917 / Отв. ред. Р.Ф. Иванов. М.: Мысль, 1986. С. 110–116.
- Иванченко О.В.* Школьный учебник как путь к стабильной нации: источники формирования исторической памяти об арабской работорговле 19 века в современной Танзании // Молодежь в социально-политической и культурной жизни Африки / Отв. ред. Н.Л. Крылова, Н.В. Гришина, Н.А. Ксенофонтова. М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 90–102.
- Ильф И., Петров Е.* Одноэтажная Америка. М.: Издательство АСТ, 2022.
- Кирчанов М.В.* Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 12. С. 63–75.
- Ковда Е., Асанте М.К.* Африканская диаспора уникальна, потому что это не национальный союз. Интервью с М.К. Асанте // The Prime Russia Magazine. 2015, № 1(28). http://primerussia.ru/interview_posts/493 (дата обращения 06.03.2022).

- Колоницкий Б.И.* Преодоление Гражданской войны: случай Америки // Звезда. 2007, № 1. С. 123–143.
- Костикова А.А., Сегал А.П., Смагар А.В.* Академическая институционализация «новых левых» как фактор формирования коллективных идентичностей в США // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 3. С. 39–90.
- Куприянов А.* Второй разгром Конфедерации. Как южане проигрывают битву за свою историю // Lenta.ru. 03.07.2015. <http://lenta.ru/articles/2015/07/01/battleflag/> (дата обращения 02.02.2023).
- Курилла И.И.* «Они сражались за рабство». Зачем Россия помогла США победить в Гражданской войне // Lenta.ru. 09.09.2017. https://lenta.ru/articles/2017/09/09/civil_war/ (дата обращения 01.10.2023).
- Курилла И.И.* Политика памяти: вариант США // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2020, № 6. С. 29–34.
- Курилла И.И.* Переосмысление Гражданской войны в современном американском обществе // Американский ежегодник 2021 / Отв. ред. В.В. Согрин. М.: Весь мир, 2021. С. 337–350.
- Курилла И.И.* Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022.
- Курилла И.И.* Лекция: Историческая разметка пространства и времени // «Битва за прошлое. Как политика меняет историю». Цикл лекций. Музей истории Гулага. 04.03.2023. https://youtube.com/live/06zlxmjlQs?si=gsSRGMPK_y8HCKQX (дата обращения 07.11.2023).
- Латыпова Н.С.* Гражданская война (1861–1865 гг.) и ее влияние на формирование государственно-правовой системы США. М.: Наука, 2019.
- Латыпова Н.С.* Дискуссия о причинах Гражданской войны в США (1861–1865): периодизация историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 8–20.
- Летняков Д.Э.* Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму // Политика и Общество. 2022, № 1. С. 45–53.
- Майлз Р., Браун М.* Расизм. М.: РОССПЭН, 2008.
- Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007.
- Миллер А.* Политика памяти в России. Роль негосударственных агентов. <https://aio-xxi.ru/onasgovorjat/2227-2017-02-01-07-20-10> (дата обращения 30.09.2023).
- Никонова А.А.* Культурное наследие и формирование идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2009, № 2. С. 203–209.
- Ноженко М.В.* Национальные государства в Европе. СПб.: Норма, 2007. С. 148–151.
- Нора П.* Проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., де Пуимеж Ж.* Франция-память. М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
- Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения 30.09.2023).
- Пастуро М.* Зеленый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Песков Д.А.* Африка южнее Сахары глазами Google. Этнокультурные аспекты брендинга государств // Антропология Африки: новые объекты исследования / Отв. ред. О.И. Кавыкин. М.: Институт Африки РАН, 2018. С. 178–198.

- Прокопенков Г.Ю.* «Рыцари Золотого круга»: конспирология как механизм конструирования исторической памяти о Юге США // Вестник РГГУ. Серия Политология, история, международные отношения. 2016, № 2. С. 120–133.
- Прокопенков Г.Ю.* «Старый Юг» в исторической памяти американцев (1870-е – 1910-е гг.). Дис. ... к.и.н. М.: РГГУ, 2017.
- Ренан Э.* Что такое нация? // *Ренан Э.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 6. Киев: Издательство Б.К. Фукса, 1902. С. 87–101.
- Репина Л.П.* Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2008. С. 7–16.
- Репина Л.П.* Историческая память и нарративы национальной идентичности. «Практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. М.: Аквилон, 2020.
- Репина Л.П.* Символы прошлого и «встреча культур» в парадигме истории памяти // Антропология и этнология: современный взгляд / Отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 361–373.
- Сабанчиев Р.Ю.* Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке 2018, № 1. С. 33–38.
- Сидоров А.В.* Официальная политика памяти в США и Европейском союзе: сравнительный терминологический анализ // Образование и право. 2022, № 3. С. 374–380.
- Смагар А.В.* Нарратив об отцах-основателях в национальной памяти США // *Alma mater.* Вестник высшей школы. 2022, № 10. С. 110–114.
- Согрин В.В.* Исторический опыт США. М.: Наука, 2010.
- Согрин В.В.* Социальные конфликты в США. Участники и этапы // Новая и новейшая история. 2019. Т. 63, № 4. С. 5–26.
- Супоницкая И.М.* Север и Юг США: среда и общество // Цивилизации. Вып. 4 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 1997. С. 79–94.
- Супоницкая И.М.* Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Супоницкая И.М.* Закончилась ли Гражданская война в США? // Коллективная память: власть прошлого в социокультурной жизни Америки / Отв. ред. И.В. Морозова, В.И. Журавлева, Х.Б. Фернандес. М.: РГГУ, 2021. С. 183–193.
- Тишков В.А.* Избранные труды в пяти томах. Т. 2. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2021.
- Тищенко П.Д.* Эпистемическая несправедливость как системная коммуникативная дисфункция // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 42–47.
- Травкина Н.М.* Ожившая история США: гражданская война памятников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 2. С. 12–29.
- Троицкая Л.М.* Американские музейные экспозиции и выставки по истории США как механизм формирования коллективной памяти о прошлом // Коллективная память: власть прошлого в социокультурной жизни Америки. М.: РГГУ, 2021. С. 149–159.
- Филиппова Е.И.* Территории идентичности в современной Франции. М.: Росинформагротех, 2010.
- Филиппова Е.И.* История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора) // Этнографическое обозрение. 2011, № 4. С. 75–84.

- Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс-Академия, 1993.
- Хохолькова Н.Е.* Кванза – панафриканский Новый год // *Азия и Африка сегодня.* 2013. № 12. С. 55–58.
- Хохолькова Н.Е.* «Линия цвета»: к вопросу об эволюции этнонимов чернокожего населения США // *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки.* 2016. № 2. С. 37–44.
- Хохолькова Н.Е.* Афроцентризм в США: теория и практика социокультурных трансформаций. М.: Институт Африки РАН, 2019.
- Хсю Ф.* Базовые американские ценности и американский характер // *Личность, культура, этнос: Современная психологическая антропология / Отв. ред. А.А. Белик.* М.: Смысл, 2001. С. 204–228.
- Шаскольский А.И.* Негритянские гетто – «внутренняя колония» Америки? // *Советская этнография.* 1976, № 4. С. 71–77.
- Шихов В.А.* Проблема рабства как важнейшая причина Гражданской войны в США в отечественной и американской историографии // *Вопросы всеобщей истории.* 2013, № 15. С. 149–156.
- Шубин В.Г.* Южная Африка: деколонизация особого типа? // *Африка: постколониальный дискурс / Отв. ред. Т.М. Гавристова, Н.Е. Хохолькова.* М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 169–180.
- Щербачев Н.Г.* Негры, афроамериканцы, советские, русские: черная Америка через призму журнала «Америка» // *Под небом Африки моей: История, культура, языки народов Африки.* Вып. 6. М.: Ключ-С, 2012. С. 25–34.
- Эриксен Т.Х.* Что такое антропология? Учебное пособие. М.: Высшая школа экономики (государственный университет), 2014.
- Abernethy F.E.* (ed.). *Juneteenth Texas: Essays on African-American Folklore.* Denton: University of North Texas Press, 1996.
- Acevedo N.* Threats over Black Lives Matter Mural Prompt Lockdown at Campus in North Carolina // *NBC News.* October 11, 2020. <https://www.nbcnews.com/news/us-news/threats-over-black-lives-matter-mural-prompts-lockdown-campus-north-n1242830> (дата обращения 08.11.2023).
- Adams C.* Not all black people are African American. Here's the difference. June 18, 2020. <https://cbsnews.com/news/not-all-black-people-are-african-american-what-is-the-difference/> (дата обращения 14.09.2021).
- Adichie C.N.* *Americanah.* New York: Knopf, 2013.
- Aiken P.* Abraham Lincoln statue vandalized in Chicago // *Fox News.* November 26, 2022. <https://foxnews.com/us/abraham-lincoln-statue-vandalized-chicago> (дата обращения 01.10.2023).
- Akbar N.* *Chains and Images of Psychological Slavery.* Jersey City: New Mind Productions, 1984.
- Alderman D.H., Modlin Jr. E.A.* *The Historical Geography of Racialized Landscapes // North American Odyssey: Historical Geographies for the Twenty-First Century / Ed. C.E. Colten, G.L. Buckley.* Lanham: Rowman & Littlefield, 2014. Pp. 279–281.
- Aminzade R.* *Race, Nation, and Citizenship in Postcolonial Africa: The Case of Tanzania.* New York: Cambridge University Press, 2013.
- Amsden D.* Building the First Slavery Museum in America // *The New York Times Magazine.* February 26, 2015. <https://www.nytimes.com/2015/03/01/magazine/building-the-first-slave-museum-in-america.html> (дата обращения 28.11.2021).

- Anderson M.* A Rising Share of the U.S. Black Population is Foreign Born. 2015. <http://www.pewsocialtrends.org/2015/04/09/a-rising-share-of-the-u-s-black-population-is-foreign-born/> (дата обращения 14.12.2021).
- Anderson M.* African immigrant population in U.S. steadily climbs. 2017. <https://pewresearch.org/fact-tank/2017/02/14/african-immigrant-population-in-u-s-steadily-climbs/> (дата обращения 21.02.2022).
- Apaydin V.* Introduction: Why Cultural Memory and Heritage? // *Critical Perspectives on Cultural Memory and Heritage: Construction, Transformation and Destruction* / Ed. by V. Apaydin. London: UCL Press, 2020. Pp. 1–10.
- Appadurai A.* *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization.* Minneapolis – London: University of Minnesota Press, 1996.
- Araujo A.L.* (ed.). *Politics of Memory: Making Slavery Visible in the Public Space.* New York – London: Routledge, 2012.
- Araujo A.L.* Slavery in the Colonial North and the Philipsburg Manor // *A Historian's Views.* April 26, 2015. <https://historianviews.com/?p=106> (дата обращения 28.11.2021).
- Asante M.K.* *The Afrocentric Idea.* Philadelphia: Temple University Press, 1987.
- Asante M.K.* *Radical Insurgencies.* New York: Universal Write Publications LLC, 2020.
- Ashworth G.J., Graham B., Tunbridge J.E.* *Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies.* London: Pluto Press, 2007.
- Ater R.* *Remaking Race and History: The Sculpture of Meta Warrick Fuller.* Berkeley: University of California Press. 2011.
- Ater R.* The Challenge of Memorializing Slavery in North Carolina: The Unsung Founders Memorial and the North Carolina Freedom Monument Project // *Politics of Memory: Making Slavery Visible in the Public Space* / Ed. A.L. Araujo. New York – London: Routledge, 2012. Pp. 141–158.
- Atuire C.A.* Black Lives Matter and the Removal of Racist Statues: Perspectives of an African // 21: *Inquiries into Art, History, and the Visual.* 2020. Vol. 1, № 2. Pp. 449–467.
- Ayers E.L.* *Memory and the South // Southern Cultures.* 1995. Vol. 2, Iss. 1. Pp. 5–8.
- Ayers E.L.* *What Caused the Civil War? Reflections on the South and Southern History.* New York – London: W.W. Norton & Company, 2005.
- Bader V.* Citizenship and Exclusion: Radical Democracy, Community, and Justice. Or, What is Wrong with Communitarianism? // *Political Theory.* 1995. Vol. 23, Iss. 2. Pp. 211–246.
- Badger E.* Of Course the Civil War was about Slavery // *Pacific Standard.* May 2, 2018. <https://psmag.com/education/of-course-the-civil-war-was-about-slavery-26265> (дата обращения 18.12.2020).
- Baldwin J.* White Man's Guilt // *Baldwin J. Collected Essays.* New York: Literary Classics, 1998. Pp. 722–723.
- Barnhart T.A.* *Albert Taylor Bledsoe: Defender of the Old South and Architect of the Lost Cause.* Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2011.
- Baruch M.C., Beckman E.J.* *Civil War Union Monuments.* Washington: Daughters of Union Veterans of the Civil War, 1978.
- Beauchamp Z.* Did critical race theory really swing the Virginia election? // *Vox.* November 4, 2021. <https://www.vox.com/policy-and-politics/2021/11/4/22761168/virginia-governor-glenn-youngkin-critical-race-theory> (дата обращения 10.08.2023).

- Beck U.* The Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity, 2006.
- Beliso-De Jesús A., Pierre J.* (eds.). Special Section: Anthropology of White Supremacy // *American Anthropologist*. 2020. Vol. 122, Iss. 1. Pp. 65–162.
- Bell D.* Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54, Iss. 1. Pp. 63–81.
- Bender T.* A Nation among Nations: America's Place in World History. New York: Hill & Wang, 2006.
- Benjamin A., Block Jr. R., Clemons J., Laird C., Wamble J.* Set in Stone? Predicting Confederate Monument Removal // *Political Science and Politics*. 2020. Vol. 53, Iss. 2. Pp. 237–242.
- Benson R.* Lay This Laurel: An Album on the Saint-Gaudens Memorial on Boston Common, Honoring Black and White Men Together, who Served the Union Cause with Robert Gould Shaw and Died with Him July 18, 1863. New York: Eakins Press, 1973.
- Berliner D.C.* The Abuses of Memory: Reflections on the Memory Boom in Anthropology // *Anthropological Quarterly*. 2005. Vol. 78, Iss. 1. Pp. 197–211.
- Bidney D.* Theoretical Anthropology. New York: Transaction Publishers, 1968.
- Bielinski S.* An American Loyalist: The Ordeal of Frederick Philipse III. Staatsburg: State of New York, New York State Parks & Recreation, Taconic State Park & Recreation Commission, 1976.
- Black E.* Trumpism as a “Lethal Lost Cause” // *MinnPost*. August 2, 2021. <https://minnpost.com/eric-black-ink/2021/08/trumpism-as-a-lethal-lost-cause/> (дата обращения 12.11.2021).
- Blakely A.* Remembering Slavery in the United States // *Facing up to the Past: Perspectives on the Commemoration of Slavery from Africa, the Americas and Europe* / Ed. G. Oostindie. Kingston: Ian Randle, 2001. Pp. 102–108.
- Bledsoe A.T.* An Essay on Liberty and Slavery. Philadelphia: Lippincott & Co, 1856.
- Blevins E.E.* Forever in Mourning: Union and Confederate Monuments, 1860–1920 // *Nineteenth Century*. 2019. Vol. 39, Iss. 2. Pp. 19–27.
- Blight D.* A Slave No More: Two Men Who Escaped to Freedom. New York: Mariner Books, 2007.
- Blight D.W.* Europe in 1989, America in 2020, and the Death of the Lost Cause // *The New Yorker*. 01.07.2020. <https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/europe-in-1989-america-in-2020-and-the-death-of-the-lost-cause> (дата обращения 21.02. 2022).
- Blight D.W.* Race and Reunion: The Civil War in American Memory. Cambridge; London: Harvard University Press, 2001.
- Bloome D.* Racial Inequality Trends and the Intergenerational Persistence of Income and Family Structure // *American Sociological Review*. 2014. Vol. 79, Iss. 6. Pp. 1196–1225.
- Bond L., Craps S., Vermeulen P.* (eds.). Memory Unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies. New York: Berghahn, 2017.
- Bondarenko D.M.* To Cultural Anthropology of the USA: Postcolonial Discourse and Representations of the Civil War, Slavery, and Its Abolition in the US North and South. Paper at “Truth and Responsibility”. American Anthropological Association 2021 Annual Meeting. Baltimore & online, November 16–19, 2021.
- Bondarenko D.M.* Cultural Anthropology in the USA. Representations of the Civil War and the Abolition of Slavery in the North and the South // *Anthropos*. 2022. Vol. 117, Iss. 2. Pp. 411–422.

- Bonekemper, III E.* The Myth of the Lost Cause. New York: Regnery Publishing, 2015.
- Bonilla-Silva E.* Racism without Racists. Color-Blind Racism and the Persistence of Racial Inequality in America. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018.
- Boritt G.S.* “And the War Came”? Abraham Lincoln and the Question of Individual Responsibility // Why the Civil War Came / Ed. G.S. Boritt. New York: Oxford University Press, 1996. Pp. 3–30.
- Boritt G.S.* (ed.). Why the Civil War Came. New York: Oxford University Press, 1996.
- Boyarin J.* Space, Time, and the Politics of Memory // Remapping Memory / Ed. J. Boyarin. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.
- Braunstein R.* The “Right” History: Religion, Race, and Nostalgic Stories of Christian America // Religions. 2021. Vol. 12, № 2 (95). Pp. 1–21.
- Breitman G.* (ed.). Malcolm X Speaks: Selected Speeches and Statements. New York: Grove Press, 1994.
- Brenan M.* Extreme Pride in Being American Remains Near Record Low // Gallup. June 29, 2023. https://news.gallup.com/poll/507980/extreme-pride-american-remains-near-record-low.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (дата обращения 15.08.2023).
- Bright C.F., Carter P.* Social Representational Communities and the Imagined Antebellum South // Sociological Spectrum. 2018. Vol. 38, Iss. 1. Pp. 24–38.
- Broadwater R.P.* Did Lincoln and the Republican Party Create the Civil War?: An Argument. Jefferson: McFarland & Company, Inc., 2008.
- Brophy A.L.* University, Court, and Slave: Pro-Slavery Thought in Southern Colleges and Courts and the Coming of Civil War. New York: Oxford University Press, 2016.
- Brophy M.* On Slavers and Settlers: A History of the Philipse Family, 1662–1785. 2019. <https://columbiaandslavery.columbia.edu/content/slavers-and-settlers-history-philipse-family-1662-1785> (дата обращения 23.11.2021).
- Brundage W.F.* (ed.). Where These Memories Grow: History, Memory, and Southern Identity. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000.
- Brundage W.F.* The Southern Past: A Clash of Race and Memory. Cambridge – London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005.
- Brundage W.F.* History and Memory in the American South // History, Memory and Public Life: The Past in the Present / Ed. A. Maerker, S. Sleight, A. Sutcliffe. London: Routledge: 2018. Pp. 1–23.
- Buckley G.* American Patriots: The Story of Blacks in the Military from the Revolution to Desert Storm. New York: Random House, 2001.
- Buell S.* Massachusetts Is Finally Removing Its Confederate Monument // Boston News. October 2, 2017. <https://bostonmagazine.com/news/2017/10/02/massachusetts-removing-confederate-monument/> (дата обращения 01.10.2023).
- Burchard P.* One Gallant Rush: Robert Gould Shaw and his Brave Black Regiment. New York: St. Martin’s Press, 1965.
- Butcher J.* The New York Times Begins Correcting the Historical Record on “1619 Project” // The Heritage Foundation. March 16, 2020. <https://www.heritage.org/american-founders/commentary/the-new-york-times-begins-correcting-the-historical-record-1619> (дата обращения 07.11.2023).
- Butler J.* Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London: Verso, 2004.

- Buttigieg J.A.* Dizionario gramsciano / Gramsci dictionary: subaltern / Subalterns // International Gramsci Journal. 2018. Vol. 3, Iss. 1. Pp. 8–17.
- Calb D., Tak H.* (eds.). Critical Junction: Anthropology and History beyond the Cultural Turn. New York – Oxford: Berghahn, 2005.
- Calore P.* The Causes of the Civil War: The Political, Cultural, Economic, and Territorial Disputes between North and South. Jefferson: McFarland & Co., 2008.
- Carlson M.* Peter Norman: Unlikely Australian Participant in Black Athletes’ Olympic Civil Rights Protest // The Guardian. October 5, 2006. <https://www.theguardian.com/news/2006/oct/05/guardianobituaries.australia> (дата обращения 10.09.2023).
- Carmichael S., Hamilton C.V.* Black Power: The Politics of Liberation. New York: Random House, 1967.
- Carneiro R.L.* The Muse of History and the Science of Culture. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2000.
- Carr M.K.* “Lost Cause” Memories and Cultural Amnesias: Mayor Mitch Landrieu’s Tragicomic Speech on Confederate Monument Removals // Social Science Quarterly. 2021. Vol. 102, Iss. 3. Pp. 1032–1043.
- Carter P.L.* Where are the Enslaved?: TripAdvisor and the Narrative Landscapes of Southern Plantation Museums // Journal of Heritage Tourism. 2016. Vol. 11, Iss. 3. Pp. 235–249.
- Carter S.* The Cult of the Confederacy in 21st Century America. 2021. https://researchgate.net/publication/350055134_The_Cult_of_the_Confederacy_in_21st_Century_America (дата обращения 28.10.2021).
- Chappell B.* Statue of Lincoln with Formerly Enslaved Man at His Feet is Removed in Boston. 2020. <https://npr.org/2020/12/29/951206414/statue-of-lincoln-with-freed-slave-at-his-feet-is-removed-in-boston> (дата обращения 31.12.2020).
- Charles M.* The Rallying Point. Los Angeles: Bryant and Dillon, 1994.
- Checker M., Fishman M.* (eds.) Local Actions. Cultural Activism, Power and Public Life in America. New York: Columbia University Press, 2004.
- Chowdhry G., Nair S.* (eds.). Power, Postcolonialism and International Relations. London: Routledge, 2002.
- Chu Y.W.* Postcolonial Discourse in the Age of Globalization // Globalization: Critical Issues / Ed. A. Chun. New York – Oxford: Berghahn, 2004. Pp. 37–48.
- Cohen R., Vertovec S.* Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context and Practice. New York: Oxford University Press. 2003.
- Cole T.* Black Body: Rereading James Baldwin’s “Stranger in the Village” // The New Yorker. August 19, 2014. <https://www.newyorker.com/books/page-turner/black-body-re-reading-james-baldwins-stranger-village> (дата обращения 11.11.2022).
- Cooling B.F.* Jubal Early: Robert E. Lee’s “Bad Old Man”. Lanham – London: Rowman & Littlefield, 2014.
- Copland J.R.* How to Regulate Critical Race Theory in Schools: A Primer and Model Legislation // The Manhattan Institute. August 26, 2021. <https://manhattan.institute/article/how-to-regulate-critical-race-theory-in-schools-a-primer-and-model-legislation> (дата обращения 10.08.2023).
- Cox C.* Undying Glory: The Story of the Massachusetts 54th Regiment. New York: Scholastic, 1991.
- Cox K., Tamir C.* Race Is Central to Identity for Black Americans and Affects How They Connect With Each Other. April 14, 2022. <https://www.pewresearch.org/race-ethni->

- city/2022/04/14/race-is-central-to-identity-for-black-americans-and-affects-how-they-connect-with-each-other/ (дата обращения 21.05.2023).
- Cox K.L.* Five Myths about the Lost Cause // The Washington Post. January 14, 2021. https://washingtonpost.com/outlook/five-myths/five-myths-about-the-lost-cause/2021/01/14/78853464-55f9-11eb-a08b-f1381ef3d207_story.html (дата обращения 12.11.2021).
- Cox K.L.* What Trump Shares With the “Lost Cause” of the Confederacy // The New York Times. January 8, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/01/08/opinion/trump-confederacy-lost-cause.html> (дата обращения 12.11.2021).
- Crenshaw K., Gotanda N., Peller G., Thomas K.* (eds). *Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement*. New York: The New Press, 1995.
- Dann L.* *People Not Property: Stories of Slavery in the Colonial North*. New York: Historic Hudson Valley, 2019. <https://peoplenotproperty.hudsonvalley.org/> (дата обращения 28.11.2021).
- De Genova N.* The Stakes of an Anthropology of the United States // The New Centennial Review. 2007. Vol. 7, Iss. 2. Pp. 249–253.
- DeCosta-Klipa N.* Marty Walsh Supports Calls to Remove – or Change – Boston Statue of Abraham Lincoln Standing over a Slave // Boston.com. June 13, 2020. <https://boston.com/news/untagged/2020/06/13/abraham-lincoln-statue-marty-walsh/> (дата обращения 29.11.2023).
- DeGruy J.* *Post Traumatic Slave Syndrome: America’s Legacy of Enduring Injury and Healing*. Portland: Joy DeGruy Publications Inc., 2005.
- Delgado R., Stefancic J.* *Critical Race Theory: An Introduction*. New York: New York University Press, 2017.
- Deming M.E., Boone K.* Symbolic Conversations in Public Landscapes of the American South: Revisiting the Confederate Legacy // *Landschaftskonflikte* / Hrsg. K. Berr, C. Jenal. Wiesbaden: Springer VS, 2019. Pp. 535–555.
- Deto R.* Men, One Dressed in Confederate Flag Garb, Apparently Paintballed Black Lives Matter Mural in Pittsburgh // Pittsburgh Citypaper. September 22, 2020, <https://pgh-citypaper.com/news/men-one-dressed-in-confederate-flag-garb-apparently-paintballed-black-lives-matter-mural-in-pittsburgh-18043843> (дата обращения 08.11.2023).
- Domby A.H.* *The False Cause: Fraud, Fabrication, and White Supremacy in Confederate Memory*. Charlottesville: University of Virginia Press, 2020.
- Drew J.* Duke University Removes Robert E. Lee Statue from Chapel // Winston-Salem Journal. August 19, 2017. http://wwwjournalnow.com/news/state_region/duke-university-removes-robert-e-lee-statue-from-chapel/article_049f02c2-f68a-5016-bc94-9b88c71b0d32html (дата обращения 01.10.2023).
- Du Bois W.E.B.* *Black Reconstruction in America, 1860–1880*. Cleveland: Meridian Books, 1962.
- Du Bois W.E.B.* *The Souls of Black Folk*. New York: Oxford University Press, 2007.
- Duncan R.* *Where Death and Glory Meet: Colonel Robert Gould Shaw and the 54th Massachusetts Infantry*. Athens – London: The University of Georgia Press, 1999.
- Egerton D.* *Thunder at the Gates: The Black Civil War Regiments that Redeemed America*. New York: Basic Books, 2016.
- Eligon J.* A Debate Over Identity and Race Asks, Are African-Americans “Black” or “black”? June 26, 2020. <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/black-african-american-style-debate.html> (дата обращения 21.02.2022).

- Elton C.* How Has Boston Gotten Away with Being Segregated for So Long // Boston Magazine, December 8, 2020. <https://www.bostonmagazine.com/news/2020/12/08/boston-segregation/> (дата обращения 10.08.2023).
- Emerson B.A.C.* Historic Southern Monuments: Representative Memorials of the Heroic Dead of the Southern Confederacy. New York – Washington: Neale, 1911.
- Emilio L.F.* A Brave Black Regiment. The History of the Fifty-Fourth Regiment of Massachusetts Volunteer Infantry, 1863–1865. Boston: The Boston Book Company, 1891.
- Eriksen T.H., Jenkins R.* (eds.). Flag, Nation and Symbolism in Europe and America. London – New York: Routledge, 2007.
- Erll A.* Travelling Memory // Parallax 2011. Vol. 17, Iss. 4. Pp. 4–18.
- Erll A.* Transcultural Memory // Critical Encyclopedia of Testimony and Memory. 2015. <http://memories-testimony.com/en/notice/transcultural-memory/> (дата обращения 30.09.2023).
- Erll A., Rigney A.* Introduction: Cultural Memory and Its Dynamics // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory / Ed. A. Erll, A. Rigney. Berlin: de Gruyter, 2009. Pp. 1–11.
- Eyerman R.* Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Eyerman R.* Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Cultural Trauma and Collective Identity / Ed. by J.C. Alexander. Berkeley: University of California Press, 2012. Pp. 60–111.
- Faden R.* Museum and the Story of Slavery: The Challenge of Language // Politics of Memory: Making Slavery Visible in the Public Space / Ed. A.L. Araujo. New York – London: Routledge, 2012. Pp. 252–266.
- Falola T.* The African Diaspora: Slavery, Modernity, and Globalization. New York: University of Rochester Press, 2013.
- Faust D.G.* The Creation of Confederate Nationalism: Ideology and Identity in the Civil War South. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1988.
- Fennell C.C.* Early African America: Archaeological Studies of Significance and Diversity // Journal of Archaeological Research. 2011. Vol. 19, Iss. 1. Pp. 14–27.
- Fine E.* The Absent Memory: The Act of Writing in Post-Holocaust French Literature // Writing and the Holocaust / Ed. B. Lang. New York: Holmes and Meier, 1988. Pp. 41–57.
- Flint M.A.* Ruptures and Reproductions: A Walking Encounter With a Campus Tour and a Confederate Monument // Cultural Studies ↔ Critical Methodologies. 2019. Vol. 19, Iss. 2. Pp. 91–104.
- Foner E.* The Fiery Trial: Abraham Lincoln and American Slavery. New York: W.W. Norton & Company, 2010.
- Foran C.* GOP Sen. Tom Cotton pitches bill to prohibit use of federal funds to teach 1619 Project // CNN. July 24, 2020. <https://edition.cnn.com/2020/07/24/politics/tom-cotton-1619-project-bill/index.html> (дата обращения 10.08.2023).
- Formisano R.* Boston Against Busing: Race, Class and Ethnicity in the 1960s and 1970s. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012.
- Fortin J.* Critical Race Theory: A Brief History // The New York Times. November 8, 2021. <https://www.nytimes.com/article/what-is-critical-race-theory.html> (дата обращения 12.01.2022).

- Foster G.M.* Ghosts of the Confederacy: Defeat, the Lost Cause, and the Emergence of the New South, 1865 to 1913. New York: Oxford University Press, 1987.
- Frank J.A.* With Ballot and Bayonet: the Political Socialization of American Civil War Soldiers. Athens: University of Georgia Press, 1998.
- Fricker M.* Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. New York: Oxford University Press, 2007.
- Fricker M.* Epistemic Justice as a Condition of Political Freedom? // *Synthese*. 2013. Vol. 190, № 7. Pp. 1317–1332.
- Friedersdorf C.* 1776 Honors America's Diversity in a Way 1619 Does Not Academic Historians, Conservatives, and Trotskyist Socialists Rightly Reject The New York Times' Reframing of the Past. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/inclusive-case-1776-not-1619/604435/> (дата обращения 07.11.2023).
- Frohne A.* The African Burial Ground in New York City: Memory, Spirituality, and Space. Syracuse: Syracuse University Press, 2015.
- Fryer P.* Staying Power: The History of Black People in Britain. London: Pluto Press, 1984.
- Galaty M.L.* Memory and Nation Building: From Ancient Times to the Islamic State. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018.
- Gallagher G.M., Nolan A.T.* (eds.). The Myth of the Lost Cause and Civil War History. Bloomington: Indiana University Press 2000.
- Gallagher G.W.* Jubal A. Early, the Lost Cause, and Civil War History: A Persistent Legacy. Milwaukee: Marquette University Press, 1995.
- Gallas K.L., Perry J.D.* (eds.). Interpreting Slavery at Museums and Historic Sites. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015.
- Garnier T.* South Carolina Judge Dismisses Case to Keep Confederate Flag in Courtroom // Fox News. August 24, 2017. <http://foxnews.com/us/2017/08/24/south-carolina-judge-dismisses-case-to-keep-confederate-flag-in-courtroom> (дата обращения 15.08.2023).
- Gates Jr. H.L.* Who Was the First African American? The Root. October 22, 2012. <https://www.theroot.com/who-was-the-first-african-american-1790893808> (дата обращения 21.02.2022).
- Gates Jr. H.L.* The "Lost Cause" That Built Jim Crow // The New York Times. November 8, 2019. <https://www.nytimes.com/2019/11/08/opinion/sunday/jim-crow-laws.html> (дата обращения 28.11.2021).
- Giliberti M.* Rethinking the Memorial in a Black Belt Landscape: Planning, Memory and Identity of African Americans in Alabama // *Urbani izziv*. 2013. Vol. 24, Iss. 1. Pp. 144–159.
- Gillam J.C., Lamb G.M., Costa J.W.* Field Slave Quarters Discovered at Historic Brattonsville // *Legacy*. 2020. Vol. 24, Iss. 1. Pp. 23–25.
- Gillborn D., Dixon A.D., Ladson-Billings G., Parker L., Rollock N., Warmington P.* (eds.). Critical Race Theory in Education. Vol. 1–4. London: Routledge, 2018.
- Gillman S., Weinbaum A.E.* Next to the Color Line: Gender, Sexuality, and W.E.B. Du Bois. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007.
- Gledhill J.* Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics. London – Chicago: Pluto Press, 1994.
- Gleich P., von.* Fugitivity against the Border: Afro-Pessimism, Fugitivity, and the Border to Social Death // *Critical Epistemologies of Global Politics* / Ed. M. Woons, S. Weier. Bristol: E-International Relations Publishing, 2017. Pp. 203–215.

- Gordon-Reed A.* On Juneteenth. New York: Liveright Publishing, 2021. https://books.google.ru/books?id=FwwDEAAAQBAJ&pg=PT94&dq=Juneteenth+1872+houston&hl=en&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&ved=2ahUKEwip6Mmb2fKAAxUaXvEDHVw8DuoQ6AF6BAgLEAI#v=onepage&q=Juneteenth%201872%20houston&f=false (дата обращения 21.05.2023).
- Graham B.* Heritage as Knowledge: Capital or Culture? // *Urban Studies*. 2002. Vol. 39, Iss. 5–6. Pp. 1003–1017.
- Graham C.A.* Lost Cause Myth // *The Inclusive Historian’s Handbook*. May 13, 2020. <https://inclusivehistorian.com/lost-cause-myth/> (дата обращения 28.11.2021).
- Graham D.A.* The New Lost Cause // *The Atlantic*. October 19, 2021. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/10/donald-trumps-new-lost-cause-centers-january-6/620407/> (дата обращения 10.08.2023).
- Graham P.T.* *Houston Freedmen’s Town*. Morrisville: Lulu Press, 2017.
- Grassilli M., Kaur Kahlon R.* Introduction – Global Black Lives Matter: Representations of resistance, memory and politics // *Darkmatter*. 2022, Iss. 16. Pp. 1–14. https://sussex.figshare.com/articles/journal_contribution/Introduction_-_Global_Black_Lives_Matter_Representations_of_resistance_memory_and_politics/23490116 (дата обращения 11.08.2023).
- Greenthal K.* *Augustus Saint-Gaudens, Master Sculptor*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1985.
- Greenwood M.* Trump Defends “Beautiful” Confederate Statues // *The Hill*. August 17, 2017. <http://thehill.com/homenews/administration/346929-trump-revives-defense-of-confederate-monuments> (дата обращения 12.07.2023).
- Griswold M.* *The Manor: Three Centuries at a Slave Plantation on Long Island*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013.
- Grizzard F.E., Grizzard, Jr. F.E., Boyd Smith D.* *Jamestown Colony: A Political, Social, and Cultural History*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2007.
- Guelzo A.C., Hankins J.* A Monument to Our Shared Purpose // *The Wall Street Journal*. June 29, 2020. <https://www.wsj.com/articles/a-monument-to-our-shared-purpose-11593472426> (дата обращения 15.07.2023).
- Guerra C.* Boston Art Commission Votes Unanimously to Remove Emancipation Memorial. 2020. <https://www.wbur.org/artery/2020/07/02/boston-emancipation-memorial-park-square-to-be-removed> (дата обращения 10.11.2020).
- Halbwachs M.* *Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
- Hannah-Jones N.* Our democracy’s founding ideals were false when they were written. Black Americans have fought to make them true // *The New York Times Magazine*. August 14, 2019. <https://nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/black-history-american-democracy.html> (дата обращения 15.08.2023).
- Harris C.I.* *Whiteness as Property // Critical Race Theory: The Key Writings That Formed the Movement* / Ed. K. Crenshaw, N. Gotanda, G. Peller, K. Thomas. New York: The New Press, 1995. Pp. 276–291.
- Harrison F.V.* *Racial Profiling, Security, and Human Rights* // *At Close Range: The Curious Case of Trayvon Martin* / Ed. K. Russell-Brown. Gainesville: University of Florida, 2013. Pp. 101–109.

- Hartig H.* Majority of Americans say U.S. is one of the greatest countries in the world // Pew Research Center. August 29, 2023. <https://pewresearch.org/short-reads/2023/08/29/majority-of-americans-say-us-is-one-of-the-greatest-countries-in-the-world/> (дата обращения 15.08.2023).
- Helmore E.* Alabama City Told to Keep Confederate Street Name or Face \$25,000 Fine // The Guardian. November 25, 2021. <https://www.theguardian.com/us-news/2021/nov/25/alabama-city-confederate-street-name-fine> (дата обращения 26.11.2021).
- Himid L.* What are monuments for? Art of the black diaspora possible landmarks on the urban map. Keynote for CAAR conference Bremen 2009. <https://caar-web.org/index-3/> (дата обращения 13.02.2023).
- Hinks P., Kantrowitz S.* (eds.). *All Men Free and Brethren: Essays on the History of African American Freemasonry*. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
- Hirsh M.* *Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory*. Cambridge: Harvard University Press, 1997.
- Hirsh M.* *Surviving Images: Holocaust Photography in Personal and the Work of Postmemory* // *Yale Journal of Criticism*. 2001. Vol. 12, № 1. Pp. 5–27.
- Hirsch M.* *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York: Columbia University Press, 2012.
- Hobbs T.D.* New Oklahoma Law Sparks Debate Over Teaching About Tulsa Massacre // The Wall Street Journal. May 29, 2021. <https://wsj.com/articles/new-law-threatens-lessons-about-tulsa-race-massacre-11622293201> (дата обращения 10.08.2023).
- Hodgkin K., Radstone S.* *Patterning the National Past // Memory, History, Nation: Contested Pasts* / Eds. K. Hodgkin, S. Radstone. New Brunswick: Transaction, 2006. Pp. 169–174.
- Holmes O.W.* The Professor's Story: Chapter I: The Brahmin Caste of New England // *The Atlantic Monthly*. 1860. Vol. 5, Iss. 27. Pp. 13–19.
- Hoopes J.W.* The Confederate Memoir of William M. Abernathy. Pt. 1 // *Confederate Veteran Magazine*. 2003. Vol. 2. Pp. 11–23.
- Hoopes J.W.* The Confederate Memoir of William M. Abernathy. Pt. 2. // *Confederate Veteran Magazine*. 2003. Vol. 3. Pp. 10–19.
- Horowitz J.M., Brown A., Cox K.* *Race in America 2019* // Pew Research Center. 2019. <https://pewsocialtrends.org/2019/04/09/race-in-america-2019/> (дата обращения 11.04.2019).
- Horton J.O., Horton L.E.* (eds.). *Slavery and Public History: The Tough Stuff of American Memory*. New York: The New Press. 2006.
- Horton J.O., Kardux J.C.* Slavery and the Contest for National Heritage in the United States and the Netherlands // *American Studies International*. 2004. No. 42. Pp. 51–74.
- Huyssen A.* *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. New York – London: Routledge, 1995.
- Hyatt S.* Black Lives Matter and the Public Rediscovery of Structural Racism // *Anthropology News*. 2021. Vol. 62, Iss. 6. <https://anthropology-news.org/articles/black-lives-matter-and-the-public-rediscovery-of-structural-racism/> (дата обращения 07.12.2021).
- Iceland J., Wilkes R.* Does Socioeconomic Status Matter? Race, Class, and Residential Segregation // *Social Problems*. 2006. Vol. 53, Iss. 2. Pp. 248–273.
- Idowu W.O.O.* *Citizenship, Alienation and Conflict in Nigeria* // *Africa Development*. 1999. Vol. 24, Iss. 1–2. Pp. 31–55.

- Jackson A.* Durham, North Carolina: Seven Arrested in Toppling of Confederate Statue // CNN. August 17, 2017. <http://editioncnn.com/2017/08/14/us/confederate-statue-pulled-down-north-carolina-trnd/indexhtml> (дата обращения 05.06.2023).
- Jackson S.J.* (Re)Imagining Intersectional Democracy from Black Feminism to Hashtag Activism // *Women's Studies in Communication*. 2016. Vol. 39, № 4. Pp. 375–379.
- Jacobs E.* Joe Biden “Absolutely” Believes Systemic Racism Exists in Law Enforcement // *New York Post*. June 10, 2020. <https://nypost.com/2020/06/10/joe-biden-absolutely-believes-systemic-racism-exists-in-policing/> (дата обращения 10.08.2023).
- Janney C.E.* The next Lost Cause? // *The Washington Post*. July 31, 2020. <https://washingtonpost.com/outlook/2020/07/31/lost-cause-donald-trump/> (дата обращения 12.11.2021).
- Jay B.* The Representation of Slavery at Historic House Museums: 1853–2000. Ph.D. diss. Boston: Boston College, 2009.
- Jerry A.R.* The First Time I Heard the Word: The “N-word” as a Present and Persistent Racial Epithet // *Transforming Anthropology*. 2018. Vol. 26, Iss. 1. Pp. 36–49.
- Johnson E.C.* Representations of Southern Tourism Imaginaries and Negotiations of Difficult History in Plantation Site Interpretation. MA Thesis. Atlanta: Georgia State University, 2022.
- Johnson K.D.* No Holier Spot of Ground: Confederate Monuments & Cemeteries of South Carolina. Charleston: The History Press, 2009.
- Johnson M.P.* (ed.). Abraham Lincoln, Slavery, and the Civil War: Selected Writing and Speeches. Second Edition. Boston: Bedford, 2010.
- Jones S.* How to Manufacture a Moral Panic // *New York Magazine*. July 11, 2021. <https://nymag.com/intelligencer/2021/07/christopher-rufo-and-the-critical-race-theory-moral-panic.html> (дата обращения 10.08.2023).
- Judi T.* A la Recherche du Temps Perdu // *The New York Review of Books*. 1998. Vol. 45, Iss. 19. <https://nybooks.com/articles/1998/12/03/a-la-recherche-du-temps-perdu/> (дата обращения 30.09.2023).
- Kaltmeier O., Lindner U., Mailaparambil B.* Reflecting on Concepts of Coloniality / Post-coloniality in Latin American, South Asian and African Historiography // *Comparativ: Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*. 2011. Bd. 21, Ht. 1. S. 16–20.
- Kammen M.* Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture. New York: Alfred A. Knopf, 1991.
- Kardiner A., Ovesey L.* The Mark of Oppression: Explorations in the Personality of the American Negro. Norton: World Pub., 1951.
- Karenga M.* Kwanzaa: Origin, Concepts, Practice. Inglewood: Kawaida Publications, 1977.
- Kelly D.J., Quinn P.C., Slater A.M., Lee K., Gibson A., Smith M., Ge L., Pascalis O.* Three-month-olds, but not newborns, prefer own-race faces // *Developmental Science*. 2005. Vol. 8, Iss. 6. Pp. F31–F36.
- Kendi I.X., Blain K.N.* (eds.). Four Hundred Souls: A Community History of African America, 1619–2019. New York: One World, 2021.
- Kendrick P., Kendrick S.* Sarah's Long Walk: The Free Blacks of Boston and how Their Struggle for Equality Changed America. Boston: Beacon Press, 2004.
- Kerr J.N.* God-Given Work: The Life and Times of Sculptor Meta Vaux Warrick Fuller, 1877–1968. Ph.D. Diss. Amherst: University of Massachusetts, 1987.

- Kluckhohn C.* Mirror for Man: The Relation of Anthropology to Modern Life. New York – Toronto: Whittlesey House, 1949.
- Knight S.* Britain’s Idyllic Country Houses Reveal a Darker History // *The New Yorker*. August 16, 2021. <https://www.newyorker.com/magazine/2021/08/23/britains-idyllic-country-houses-reveal-a-darker-history> (дата обращения 28.11.2021).
- Krause E.L.* The Turn toward Memory: From History’s “Little People” to Anthropology’s “Others”. Paper presented at the session Anthropology’s Histories: An Archaeology of Knowledge Presidential Session, 32nd Annual Social Science History Association, Chicago, November 16, 2007. https://works.bepress.com/elizabeth_krause/12/download/ (дата обращения 15.05.2022).
- Kurtz S.* Stealth CRT in Biden’s Budget // *National Review*. October 24, 2022. <https://nationalreview.com/corner/stealth-crt-in-bidens-budget/> (дата обращения 10.08.2023).
- Kymlicka W.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. New York: Oxford University Press, 1995.
- LaCapra D.* Understanding Others: Peoples, Animals, Pasts. Ithaca – London: Cornell University Press, 2018.
- Lai T.-H.* Political Vandalism as Counter-speech: A Defense of Defacing and Destroying Tainted Monuments // *European Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 28, Iss. 3. Pp. 602–616.
- Landrieu M.* “We Can’t Walk Away From This Truth” // *The Atlantic*. May 23, 2017. <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/05/we-cant-walk-away-from-this-truth/527721/> (дата обращения 26.11.2021).
- Landrieu M.* Full Speech: Mitch Landrieu Addresses Removal of Confederate Statues // *The Washington Post*. May 31, 2017. <https://www.youtube.com/watch?v=csMbjG0-6Ak> (дата обращения 26.11.2021).
- Landrieu M.* How I Learned About the “Cult of the Lost Cause” // *Smithsonian Magazine*. March 12, 2018. <https://www.smithsonianmag.com/history/how-i-learned-about-cult-lost-cause-180968426/> (дата обращения 26.11.2021).
- Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York: Columbia University Press, 2004.
- Lawler A.* Pulling down statues? It’s a tradition that dates back to U.S. independence // *National Geographic*. July 1, 2020. <https://www.nationalgeographic.com/history/2020/07/pulling-down-statues-tradition-dates-back-united-states-independence/> (дата обращения 25.02.2021).
- Lawrence-Sanders A.* Beyond Monuments: African Americans Contesting Civil War Memory. 2017. <http://www.aaihs.org/beyond-monuments-african-americans-contesting-civil-war-memory/> (дата обращения 21.12.2017).
- Lee J.E.* Sifting Through the Debris Once More: Lessons from the United States’ Civil War // *Anthropology across Borders and Limits: 1st Independent Research Network Papers (Proceedings from the 3rd – 5th Russian-American Research Nexus Forums)* / Ed. R.N. Ignatiev, V.V. Fediushin. Lac-Beaufort: Meabooks, 2023. Pp. 139–142.
- Leib J.I., Webster G.R.* The Confederate Flag Debate in the American South: Theoretical and Conceptual Perspectives // *Race, Representation, and Community in the New Century* / Ed. by A. Willingham. New York: Brennan Center for Justice at NYU School of Law, 2002. Pp. 221–242.

- Leib J., Webster G.* Rebel with(out) a Cause? The Contested Meanings of the Confederate Battle Flag in the American South // *Flag, Nation and Symbolism in Europe and America* / Ed. by T.H. Eriksen, R. Jenkins. London – New York: Routledge, 2007. Pp. 31–52.
- Lemhouse Z.A., Mester J.C.* History of the Brick House. Brick House Historical Marker Dedication. September 10, 2022 at Historic Brattonsville. York: Culture & Heritage Museums of York County, 2022.
- Levine B.* Confederate Emancipation: Southern Plans to Free and Arm Slaves during the Civil War. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Lichter D.T., Parisi D., Taquino M.C.* The Geography of Exclusion: Race, Segregation, and Concentrated Poverty // *Social Problems*. 2012. Vol. 59, Iss. 3. Pp. 364–388.
- Link W.A.* Roots of Secession: Slavery and Politics in Antebellum Virginia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
- Lippi-Green R.* English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. New York: Routledge, 2012.
- Little J., Naidoo R.* (eds.). The Politics of Heritage: The Legacies of Race. London: Routledge, 2004.
- Loewen J.W., Sebesta E.H.* (eds.). The Confederate and Neo-Confederate Reader: The “Great Truth” about the “Lost Cause”. Jackson: University Press of Mississippi, 2010.
- Luckerson V.* The Defacement and Destruction of Black Lives Matter Murals // *The New Yorker*. November 19, 2020. <https://www.newyorker.com/news/us-journal/the-defacement-and-destruction-of-black-lives-matter-murals> (дата обращения 20.05.2021).
- Magness P.W.* Fact Checking the 1619 Project and Its Critics. <https://www.aier.org/article/fact-checking-the-1619-project-and-its-critics/> (дата обращения 22.11.2023).
- Mamvura Z., Pfukwa C., Mutasa D.E.* Scale, Street Renaming and the Continued Visibility of Colonial Street Names in Harare // *Nomina Africana*. 2020. Vol. 34, Iss. 1. Pp. 21–32.
- Marcelo P.* Boston Black Soldiers Monument Faces Scrutiny amid Racial Reckoning. 2020. <https://www.wbur.org/news/2020/07/27/robert-gould-shaw-massachusetts-54th-regiment-restoration-controversy> (дата обращения 09.11.2020).
- Marks J.* Fort Mill’s Confederate Monuments Point to Conflict, Heritage. The Debate Goes on. 2020. <https://www.heraldonline.com/news/local/article245974750.html> (дата обращения 10.11.2020).
- Marks J., Derickson C., Dys A.* “History Has a Place”: Who should Decide if Confederate Monuments Stand in Fort Mill? 2020. <https://www.heraldonline.com/news/politics-government/article243598962.html> (дата обращения 10.11.2020).
- Marschall S.* Targeting Statues: Monument “Vandalism” as an Expression of Sociopolitical Protest in South Africa // *African Studies Review*. 2017. Vol. 60, Iss. 3. Pp. 203–219.
- Masur L.P.* The U.S. Civil War: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2020.
- Mathias C.* Over 100 Confederate Symbols Removed Or Renamed Since George Floyd Killing // *Huffpost*. October 14, 2020. https://www.huffpost.com/entry/100-confederate-symbols-removed-since-george-floyd_n_5f86255cc5b681f7da1c9d04 (дата обращения 07.11.2023).
- McChesney L.S.* (ed.). Mobilizing Museum Anthropology: Responses to Public Discourse around Heritage, Monuments, Education, and Racism // *Museum Anthropology*. 2018. Vol. 41, Iss. 2. Special Issue. Pp. 113–141.

- McGuire G.A.* (comp.). *Universal Negro Catechism: A Course of Instruction in Religious and Historical Knowledge Pertaining to the Race / compiled by George Alexander McGuire*; issued authority of the High Executive Council, Universal Negro Improvement Association. 1921. <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=emu.010000685445&view=1up&seq=1> (дата обращения 08.08.2023).
- McPherson J.M.* *Battle Cry of Freedom: The Civil War Era*. New York: Oxford University Press, 1988.
- McPherson J.M.* *What They Fought For, 1861–1865*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1994.
- McPherson J.M.* *For Cause and Comrades: Why Men Fought in the Civil War*. New York: Oxford University Press, 1997.
- McPherson J.M.* *What Caused the Civil War? // North and South: The Official Magazine of the Civil War Society*. 2000. Vol. 4, Iss. 1. Pp. 12–22.
- McPherson J.M.* *This Mighty Scourge: Perspectives on the Civil War*. New York: Oxford University Press, 2007.
- McPherson J.M.* *The Struggle for Equality: Abolitionists and the Negro in the Civil War and Reconstruction*. Princeton: Princeton University Press, 2014.
- McPherson J.M.* *The War That Forged a Nation: Why the Civil War Still Matters*. New York: Oxford University Press, 2017.
- Megill A.* *History, Memory, Identity // History of the Human Sciences*. 1998. Vol. 11, Iss. 3. Pp. 37–62.
- Meyer S.G.* *As Long as They Don't Move Next Door: Segregation and Racial Conflict in American Neighborhoods*. Lanham: Rowland and Littlefield, 2000.
- Miller J.R.* *Christopher Columbus Statue Erected in 1886 Removed from St. Louis Park // The New York Post*. June 17, 2020. <https://nypost.com/2020/06/17/christopher-columbus-statue-erected-in-1886-removed-from-st-louis-park/> (дата обращения 07.11.2023).
- Miller M.* *Norton puts Emancipation statue in Lincoln Park under scrutiny for removal*. 2020. <https://wtop.com/dc/2020/06/norton-puts-emancipation-statue-in-lincoln-park-under-scrutiny-for-removal/> (дата обращения 10.11.2020).
- Mitcham Jr. S.W.* *It Wasn't About Slavery: Exposing the Great Lie of the Civil War*. Washington: Regnery History, 2020.
- Moody J., Small S.* *Slavery and Public History at the Big House: Remembering and Forgetting at American Plantation Museums and British Country Houses // Journal of Global Slavery*. 2019. Vol. 4, Iss. 1. Pp. 36–48.
- Moody T.* *Anti-CRT bills defy conservative values. Let curriculum choices be local // The Courier*. January 20, 2022. <https://www.courier-journal.com/story/opinion/2022/01/20/opinion-curriculum-choices-should-local-even-crt-no-laws-needed/6511365001/> (дата обращения 10.08.2023).
- Moore M.* *The Ethics of Nationalism*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Moses Y.T.* *Anthropological Perspectives on Race, Nation, Economics, and White Supremacy // Economic Anthropology*. 2023. Vol. 10, Iss. 1. Pp. 132–134.
- Mullen R.W.* *Blacks in America's Wars: The Shift in Attitudes from the Revolutionary War to Vietnam*. New York: Pathfinder, 1973.
- Murray F.H.M.* *Emancipation and the Freed in American Sculpture: A Study in Interpretation*. Washington: The Author, 1916.

- Natanson H.* Loudoun school board cuts short public comment during unruly meeting; one arrested // The Washington Post. June 22, 2021. https://www.washingtonpost.com/local/education/loudoun-school-board-closes-meeting/2021/06/22/30493128-d3ad-11eb-9f29-e9e6c9e843c6_story.html (дата обращения 10.08.2023).
- Natanson H.* White teacher taught White students about White privilege. It cost him his job // The Washington Post. December 6, 2021. <https://washingtonpost.com/education/2021/12/06/tennessee-teacher-fired-critical-race-theory/> (дата обращения 10.08.2023).
- Neff J.R.* Honoring the Civil War Dead: Commemoration and the Problem of Reconciliation. Lawrence: University Press of Kansas, 2005.
- Nelson S.A.* Don't Take Down Confederate Statues. Here's Why // NBC News, June 1, 2017. <https://nbcnews.com/think/news/opinion-why-i-feel-confederate-monuments-should-stay-ncna767221> (дата обращения 12.08.2020).
- Newell M.E.* Brethren by Nature: New England Indians, Colonists and the Origins of American Slavery. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
- Newton R.* Hallowed Haunts: The National African American Museum as Sacred Space // Religions. 2020. Vol. 11, № 666. Pp. 1–16.
- O'Connell H.A., Forrest D.L.* Confederate Monument Inscriptions: Different Times, Different Places, Different Messages // Du Bois Review: Social Science Research on Race. 2020. Vol. 17, Iss. 1. Pp. 81–103.
- O'Malley G.E.* Beyond the Middle Passage: Slave Migration from the Caribbean to North America, 1619–1807 // The William and Mary Quarterly. 2009. Vol. 66, Iss. 1. Pp. 125–172.
- Obeng-Odoom F.* Property, Institutions, and Social Stratification in Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
- Ojukwu C., Oni E.O.* Multiculturalism, Racism and the Dilemma of the African-American in the Twenty-First Century // Affrika: Journal of Politics, Economics and Society. 2017. Vol. 7, Iss. 1. Pp. 111–126.
- Omoigui N.* Barracks: The History behind Those Names. <http://www.dawodu.com/barack4.htm> (дата обращения 15.01.2021).
- Omokha R.* “I See My Work as Talking Back”: How Critical Race Theory Mastermind Kimberlé Crenshaw Is Weathering the Culture Wars // Vanity Fair. July 29, 2021. <https://www.vanityfair.com/news/2021/07/how-critical-race-theory-mastermind-kimberle-crenshaw-is-weathering-the-culture-wars> (дата обращения 10.08.2023).
- Ore E.* The Lost Cause, Trump Time, and the Necessity of Impatience // Rhetoric Society Quarterly. 2021. Vol. 51, Iss. 3. Pp. 237–239.
- Osborne C.* Jubal: The Life and Times of General Jubal A. Early, CSA, Defender of the Lost Cause. Chapel Hill: Algonquin Books of Chapel Hill, 1992.
- Osterweis R.G.* The Myth of the Lost Cause, 1865–1900. Hamden: Archon Books, 1973.
- Outlaw L.T.* Racial and Ethnic Complexities in American Life: Implications for African Americans // Multiculturalism from the Margins: Non-Dominant Voices on Difference and Diversity / Ed. D.A. Harris. Westport – London: Bergin & Garvey, 1995. Pp. 39–54.
- Owley J., Phelps J.* Understanding the Complicated Landscape of Civil War Monuments // Indiana Law Journal. 2018. Vol. 93, Iss. 5. Pp. 15–33.
- Painter N.I.* Creating Black Americans: African-American History and Its Meanings, 1619 to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Papaycik M., Saunders F.* Florida's governor signs controversial bill banning critical race theory in schools // WPTV.com. April 22, 2022. <https://www.wptv.com/news/educati>

- on/floridas-governor-to-sign-critical-race-theory-education-bill-into-law (дата обращения 10.08.2023).
- Paradis M.* The Lost Cause's Long Legacy // *The Atlantic*. June 26, 2020. <https://theatlantic.com/ideas/archive/2020/06/the-lost-causes-long-legacy/613288/> (дата обращения 26.11.2021).
- Parsons T.* Full Citizenship for the Negro American? A Sociological Problem // *Daedalus*. 1965. Vol. 94, Iss. 4. Pp. 1009–1054.
- Peró D.* Engaging Power. Recent Approaches to the Study of Political Practices // *Social Anthropology*. 2005. Vol. 13, Iss. 3. Pp. 331–338.
- Perry I.* More Beautiful and More Terrible: The Embrace and Transcendence of Racial Inequality in the United States. New York: New York University Press, 2011.
- Persaud R.B.* Colonial Violence: Race and Gender on the Sugar Plantations of British Guiana // *Race and Racism in International Relations: Confronting the Global Colour Line* / Eds. A. Anievas, N. Manchanda, R. Shilliam. London: Routledge, 2015. Pp. 117–138.
- Persaud R.B., Walker R.B.J.* Apertura: Race in International Relations // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2001. Vol. 26, № 4. Pp. 373–376.
- Pettus L.* The White Homestead: The Story of a House, the People who Lived in It, and the Land around It. s.l.: s.n.
- Pippenger N.* Opposition to the Lost Cause Is Still Political // *Democracy: A Journal of Ideas*. May 30, 2017. <https://democracyjournal.org/arguments/opposition-to-the-lost-cause-is-still-political/> (дата обращения 26.11.2021).
- Pitofsky M.* “A chance to come together”: What is Kwanzaa, and when is the holiday celebrated? What to know // *USA Today*. Dec. 27, 2022. <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2022/12/24/when-is-kwanzaa-what-is-holiday/10932756002/> (дата обращения 21.05.2023).
- Pogrebin R.* Roosevelt Statue to Be Removed From Museum of Natural History // *The New York Times*. June 21, 2020, updated January 19, 2022. <https://www.nytimes.com/article/what-is-critical-race-theory.html> (дата обращения 23.01.2022).
- Pollard E.A.* The Lost Cause: A New Southern History of War of the Confederates. New York: E.B. Treat & Co, 1866.
- Pollard E.A.* The Lost Cause Regained. New York: G.W. Carleton & Co; London: S. Low, Son & Co, 1868.
- Porter A.E.* “She Goes into Character as the Lady of the House”: Tour Guides, Performance, and the Southern Plantation // *Journal of Heritage Tourism*. 2016. Vol. 11, Iss. 3. Pp. 250–261.
- Powell C.* Hope & Glory: Essays on the Legacy of the Fifty-Fourth Massachusetts Regiment. Amherst: University of Massachusetts Press, 2001.
- Power L., Savillo R.* Fox News' obsession with critical race theory, by the numbers. *Media Matters*, June 15, 2021. <https://www.mediamatters.org/fox-news/fox-news-obsession-critical-race-theory-numbers> (дата обращения 10.08.2023).
- Preyer G., Bös M.* Introduction: Borderlines in Time of Globalization // *ProtoSociology*. 2001. Vol. 15. Pp. 4–13.
- Prince K.S.* Stories of the South: Race and the Reconstruction of Southern Identity, 1865–1915. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2014.
- Rabaka R.* Against Epistemic Apartheid: W.E.B. Du Bois and the Disciplinary Decadence of Sociology. Lanham: Lexington Books, 2010. Pp. 175–222.

- Reynolds D.S.* Abe: Abraham Lincoln in His Times. New York: Penguin Press, 2020.
- Rickabaugh G.* Town of Fort Mill on Confederate Park: We Cannot Legally Rename Park or Remove Statues. 2020. <https://www.fortmillsun.com/2020/06/21/town-of-fort-mill-on-confederate-park-we-cannot-legally-rename-park-or-remove-statues/> (дата обращения 10.11.2020).
- Roosevelt F.D.* Address Accepting the Presidential Nomination at the Democratic National Convention in Chicago, 1932 // The American Presidency Project. <https://presidency.ucsb.edu/documents/address-accepting-the-presidential-nomination-the-democratic-national-convention-chicago-1> (дата обращения 10.08.2023).
- Roque R., Traube E.G.* Crossing Histories and Ethnographies // Crossing Histories and Ethnographies: Following Colonial Historicities in Timor-Leste / Ed. R. Roque, E.G. Traube. New York: Berghahn, 2019. Pp. 1–46.
- Rose J.* Interpreting Difficult History at Museums and Historic Sites. Lanham: Rowman & Littlefield, 2016.
- Ross S.L., Turner M.A.* Housing Discrimination in Metropolitan America: Explaining Changes between 1989 and 2000 // Social Problems. 2005. Vol. 52. Pp. 152–180.
- Rufo C.* Racism in the Cradle // Christopher Rufo. March 2, 2021. <https://christopherrufo.com/racism-in-the-cradle/> (дата обращения 10.08.2023).
- Sanchez A.* The Colour of Anthropology // Reading Against Racism: A Berghahn Collection. 2021. Pp. 4–5. https://berghahnonline.com/reading-against-racism/Berghahn_RAR_00b-The_Colour_of_Anthropology.pdf (дата обращения 03.11.2021).
- Sandbrook D.* Mad As Hell: The Crisis of the 1970s and the Rise of the Populist Right. New York: Alfred A. Knopf, 2011.
- Sassen S.* Incompleteness and the Possibility of Making: Towards Denationalized Citizenship? // Cultural Dynamics. 2009. Vol. 21, Iss. 3. Pp. 227–254.
- Savage K.* Standing Soldiers, Kneeling Slaves: Race, War, and Monument in Nineteenth-Century America. Princeton – Oxford: Princeton University Press, 2018.
- Schacter R.* Afterword. A Public Crisis / A Crisis of Publicness Political: Graffiti in the Post-coronavirus Age // Political Graffiti in Critical Times: The Aesthetics of Street Politics / Ed. by R. Campos, A. Pavoni, Y. Zaimakis. London: Berghahn Books, 2021. Pp. 324–332.
- Schneider G., Vozella L.* Va. Gov. Youngkin stirred the GOP base on critical race theory – but not the General Assembly // The Washington Post. February 26, 2022. <https://washingtonpost.com/dc-md-va/2022/02/26/virginia-youngkin-critical-race-theory-general-assembly/> (дата обращения 10.08.2023).
- Schwartz S.* Who’s Really Driving Critical Race Theory Legislation? An Investigation. Education Weekly, July 19, 2021. <https://www.edweek.org/policy-politics/whos-really-driving-critical-race-theory-legislation-an-investigation/2021/07> (дата обращения 10.08.2023).
- Scoggins M.C.* A Brief History of Historic Brattonsville. Second Revised Edition. Rock Hill: York County Culture and Heritage Commission, 2014.
- Scott M.* Museums Matter in the Current Climate of Anti-Black Racism. 2019. <http://www.anthropology-news.org/index.php/2019/03/20/museums-matter-in-the-current-climate-of-anti-black-racism/> (дата обращения 02.04.2019).
- Severi M.* Biden Administration Appoints Critical Race Theory Activist to Education Department // Yahoo News. October 5, 2021. <https://news.yahoo.com/biden-administration-appoints-critical-race-202400364.html> (дата обращения 10.08.2023).

- Sharkey P.* Geographic Migration of Black and White Families over Four Generations // Demography. 2015. Vol. 52, Iss. 1. Pp. 209–231.
- Shea A.* 16 Statues and Memorials Were Damaged During Sunday’s Protests, Including One Dedicated to African American Soldiers. 2020. <https://wbur.org/artery/2020/06/03/16-statues-memorials-damaged> (дата обращения 10.11.2020).
- Shear M.D.* Trump Issues Executive Order Targeting Vandalism Against Monuments // The New York Times. Published June 26, 2020 – Updated August 9, 2020. <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/politics/trump-monuments-executive-order.html> (дата обращения 01.11.2023).
- Shepard R.A.* Now or Never! Fifty-Fourth Massachusetts Infantry’s War to End Slavery. Honesdale: Calkins Creek, 2017.
- Shilliam R.* Race and Racism in International Relations: Retrieving a Scholarly Inheritance // International Politics Reviews. 2020, № 8. Pp. 52–195.
- Sidbury J.* Becoming African in America: Race and Nation in the Early Black Atlantic. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Siegel B.* Speaker Pelosi wants Confederate statues in Capitol removed // ABC News. June 11, 2020. https://www.abcnews.go.com/Politics/speaker-pelosi-confederate-statues-congress/story?id=71181219&cid=social_twitter_abcn (дата обращения 15.08.2021).
- Simon J.* Statues, Politics and the Past // History Today. 2019. Vol. 69, № 9. <https://historytoday.com/archive/behind-times/statues-politics-and-past> (дата обращения 12.08.2021).
- Sinha M.* The Slave’s Cause: A History of Abolition. New Haven: Yale University Press, 2017.
- Sires J.P.* Black Lives Matter and Museums in 2020: A Personal and Professional Perspective // American Anthropologist. 2021. Vol. 123, Iss. 4. Pp. 957–959.
- Smith C.* Performance, Affect, and Anti-Black Violence: A Transnational Perspective on #BlackLivesMatter // Cultural Anthropology. Hot Spots, Fieldsights. June 29, 2015. <https://culanth.org/fieldsights/performance-affect-and-anti-black-violence-a-transnational-perspective-on-black-lives-matter> (дата обращения 01.10.2023).
- Smith C.* Why Confederate Lies Live On // The Atlantic. May 10, 2021. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2021/06/confederate-lost-cause-myth/618711/> (дата обращения 12.11.2021).
- Smith J.* Trump’s Lost Cause // Rolling Stone. December 31, 2020. <https://www.rollingstone.com/politics/political-commentary/trump-new-lost-cause-1108692/> (дата обращения 12.11.2021).
- Smith J.C., Wynn L.T.* Freedom Facts and Firsts: 400 Years of the African American Civil Rights Experience. Canton: Visible Ink Press, 2009.
- Smith S.* Black Confederates: Truth and Legend. 2015. <https://www.battlefields.org/learn/articles/black-confederates-truth-and-legend> (дата обращения 03.12.2021).
- Snyder A.* Cuomo, de Blasio don’t want to see Christopher Columbus statue removed or NYC’s Columbus Circle renamed // CNN. June 12, 2020. <https://edition.cnn.com/2020/06/12/us/nyc-columbus-statue-trnd/index.html> (дата обращения 07.11.2023).
- Snyder T.* The War on History Is a War on Democracy // The New York Times. June 29, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/06/29/magazine/memory-laws.html> (дата обращения 10.08.2023).

- Spearman M.M.* South Carolina Social Studies College- and Career-Ready Standards. 2019. <https://static1.squarespace.com/static/5c1d35191137a65972107b0f/t/608b25615f1f6a1670a5731f/1619731813360/2019-SCSSCCRStandards-Final+with+appendices.pdf> (дата обращения 13.12.2022).
- Stampp K.* (ed.). *The Causes of the Civil War: Revised Edition.* New York: Simon & Schuster, 1992.
- Stanford K.L.* *Beyond the Boundaries: Reverend Jesse Jackson in International Affairs.* Albany: State University of New York Press, 1997.
- Stanton Z.* How Trumpism Is Becoming America’s New “Lost Cause” // *Politico Magazine.* January 21, 2021. <https://politico.com/news/magazine/2021/01/21/trump-civil-war-reconstruction-biden-lost-cause-461161> (дата обращения 12.11.2021).
- Stauffer J.* In the Shadow of a Dream: White Abolitionists and Race // *Collective Degradation: Slavery and the Construction of Race. Proceedings of the Fifth Annual Gilder Lehrman Center International Conference.* New Haven: Yale University, 2003. Pp. 1–44.
- Steecker M.* Ithaca Journal Repaints Black Lives Matter Mural Mere Hours after It was Vandalized // *Ithaca Journal.* October 5, 2020. <https://www.ithacajournal.com/story/news/local/2020/10/05/ithaca-repaint-black-lives-matter-mural-vandalized/3621794001/> (дата обращения 08.11.2023).
- Stuart G.* *Segregation in the Boston Metropolitan Area at the End of the 20th Century.* Cambridge, MA: The Civil Rights Project, Harvard University, 2020.
- Sutherland J.* *African Americans at War: An Encyclopedia.* Vols. 1–2. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004.
- Sykes C.* Scenes from the Culture War // *The Bulwark.* May 24, 2021. <https://plus.thebulwark.com/p/scenes-from-the-culture-war> (дата обращения 10.08.2023).
- Tagliacozzo E., Willford A.* *History and Anthropology: Strange Bedfellows // Clio/Anthropos: Exploring the Boundaries between History and Anthropology /* Ed. A. Willford, E. Tagliacozzo. Stanford: Stanford University Press, 2009. Pp. 1–26.
- Talbert R.D., Christie-Mizell C.A.* *Public Confederate Monuments and Racial Identity among White Americans // Identities in Action: Developments in Identity Theory /* Ed. P.S. Brenner, J.E. Stets, R.T. Serpe. Cham: Springer, 2021. Pp. 111–129.
- Tamir C.* The Growing Diversity of Black America. March 25, 2021. <https://www.pewresearch.org/social-trends/2021/03/25/the-growing-diversity-of-black-america/> (дата обращения 21.10.2021).
- Tavernise S.* Virginia Removes Robert E. Lee Statue from State Capital // *The New York Times.* September 28, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/09/08/us/robert-e-lee-statue-virginia.html> (дата обращения 16.07.2023).
- Taylor S.* University of Alabama Removes Confederate Monument. 2020. <https://tuscaloosanews.com/story/news/local/2020/06/09/university-of-alabama-removes-confederate-monument/112823838/> (дата обращения 10.11.2020).
- Thomas C.* The New York Times attempts to rewrite history: “1619 Project” reframes impact of slavery to fit paper’s biases // *The Washington Times.* August 21, 2019. <https://www.washingtontimes.com/news/2019/aug/21/you-didnt-build-ii/> (дата обращения 21.05.2023).
- Tolnay S.E.* The African American “Great Migration” and Beyond // *Annual Review of Sociology.* 2003. Vol. 29. Pp. 209–232.

- Tomsky T.* From Sarajevo to 9/11: Travelling Memory and the Trauma Economy // *Parallax* 2011. Vol. 17, № 4. Pp. 49–60.
- Toobin J.* Rights and Wrongs // *The New Yorker*. May 27, 2013. Pp. 36–43.
- Truscott, IV L.K.* Trump’s Big Lie is the New Lost Cause – and It May Poison the Country for Decades // *Salon*. October 23, 2021. <https://salon.com/2021/10/23/big-lie-is-the-new-lost-cause--and-it-may-poison-the-country-for-decades/> (дата обращения 12.11.2021).
- Tyrrell I.* American Exceptionalism in an Age of International History // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96, No. 4. Pp. 1031–1055.
- Wegner R.* Tire Tracks Deface Black Lives Matter Mural in East Nashville // *The Tennessean*. October 19, 2020. <https://tennessean.com/story/news/local/2020/10/19/black-lives-matter-mural-east-nashville-defaced-tire-tracks/3708720001/> (дата обращения 08.11.2023).
- White, III F.* The Sculptor Who Would Have Gone into Space // *Ebony*. 1984. Vol. 39, Iss. 4. Pp. 54–58.
- Whiteley P.M.* Why Anthropology Needs More History // *Journal of Anthropological Research*. 2004. Vol. 60, Iss. 4. Pp. 487–514
- Whittington K.* Banning “critical race theory” would be bad for conservatives, too // *The Washington Post*. June 30, 2021. <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/06/30/racism-academic-discussions-pennsylvania-law/> (дата обращения 10.08.2023).
- Widener Jr. R.W.* Confederate Monuments: Enduring Symbols of the South and the War Between the States. Washington: Andromeda, 1982.
- Wilentz S.* A Matter of Facts. The New York Times’ 1619 Project launched with the best of intentions, but has been undermined by some of its claims. <https://theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/1619-project-new-york-times-wilentz/605152/> (дата обращения 07.11.2023).
- Wilentz S.* American Slavery and “the Relentless Unforeseen”. <https://www.nybooks.com/online/2019/11/19/american-slavery-and-the-relentless-unforeseen/> (дата обращения 07.11.2023).
- Wilkinson B., Finn D.* *Uncommon Clay: The Life and Works of Augustus Saint-Gaudens*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1985.
- Williams D.* Lost Cause Religion // *New Georgia Encyclopedia*. 2017. <https://georgiaencyclopedia.org/articles/arts-culture/lost-cause-religion/> (дата обращения 26.11.2021).
- Williams, R., Nesiba R., McConnell D.E.* The Changing Face of Inequality in Home Mortgage Lending // *Social Problems*. 2005. Vol. 52. Pp. 181–208.
- Wilson C.R.* *Baptized in Blood: The Religion of the Lost Cause, 1865–1920*. Athens: University of Georgia Press, 1980.
- Wilson-Fall W.* Black Diversities. 2021. <https://blackintheafricandiaspora.blog/2021/02/02/black-diversities/> (дата обращения 09.07.2021).
- Winberry J.* “Lest We Forget”: The Confederate Monument and the Southern Townscape // *Southeastern Geographer*. 2015. Vol. 55, No. 1. Pp. 19–31.
- Woodworth S.E.* *This Great Struggle: America’s Civil War*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2011.
- Wright J.D., Cheung I., Esses V.M.* Is Support for Confederate Symbols Motivated by Southern Pride or Racism? Further Distinctions Between “Traditionalists” and “Supremacists”. 2020. <https://psyarxiv.com/pnkmy/> (дата обращения 26.02.2021).
- Yelvington K.A.* History, Memory and Identity: A Programmatic Prolegomenon // *Critique of Anthropology*. 2002. Vol. 22, Iss. 3. Pp. 227–256.

- Yinger J.* Evidence on Discrimination in Consumer Markets // *Journal of Economic Perspectives*. 1998. No. 2. Pp. 23–40.
- Young J.E.* *The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning*. Ithaca: Cornell University Press, 1993.
- Zezeza P.T.* African Diasporas: Toward a Global History // *African Studies Review*. 2010. Vol. 53, Iss. 1. Pp. 1–19.
- Zelizer B.* Reading the Past Against the Grain: The Shape of Memory Studies // *Critical Studies in Mass Communication*. 1995. Vol. 2, Iss. 12. Pp. 214–239.
- Zinn H.* *A People's History of the United States: 1492 – Present*. London: Routledge, 2015.

ABSTRACTS

Black heritage is a notion actively propagated by both the state and public organizations in the United States of America in recent decades. It presupposes recognition of a fundamental contribution of natives of Africa and their descendants to the history of the country, its economy and culture. This volume is devoted to identifying factors that were and are crucial for the formation and transformation of the Black and White Americans' historical memory of the role of Africans and their descendants in US history. The contributors to the volume study the connection of historical memory with representations of Black heritage in the state and public discourses of the United States in the context of the aggravation of the racial problem and the emergence of new radical forms of combatting white racism in the country in the mid-2010s – early 2020s.

CHAPTER 1

Black History vs. American History: Black Heritage and Memory Conflict in Contemporary USA

Gleb V. Aleksandrov

This chapter examines the role Black heritage plays in collective historic memory of contemporary Americans and the difficulties resulting from differing perceptions of it by different groups within American society. The unifying historical narrative, translated primarily by the state, has barely changed in the US for more than a century. American society has changed dramatically during that time, and the discrepancy between the official image of the past and the demands of contemporary society has been becoming increasingly clear for a few decades at least. Black heritage was and still is one of the key points the dominant narrative fails to address.

This chapter examines the differences and interconnections between “regional memories” of the North and the South, as well as the recent developments in American collective memory and the ways they influence, more and more directly, contemporary American politics. The alternative perception of history emergent today is substantially different

from these earlier forms of collective memory not regulated by the state and often opposed to the dominant historical narrative. The primary difference lies in the different approaches to past mistakes and tragic parts of American history. The dominant narrative presents them as deviations from the core principles of an otherwise well-designed political and social system – regrettable, but not indicative of any fundamental flaws in the system itself. The emerging narrative sees these episodes as evidence of inherent shortcomings of the American state itself, which inevitably requires both acknowledging the mistakes of the past and implementing meaningful social and political changes today. Unlike previously existing alternative historical narratives, it is entirely incompatible with the “official” version of American history, which creates a memory conflict, which has been manifesting more and more frequently and openly in recent years. Since slavery, slave trade, and racial discrimination are probably the most obviously problematic part of the American past, Black history often becomes the focal point of this memory conflict. Persistent social tension caused by the still-existing racial prejudice and systemic racism, is inevitably connected to the growing need to re-examine and re-evaluate the past.

CHAPTER 2

Memory of the Civil War, Emancipation, and Struggle against Racism in the USA in the Late 2010s – Early 2020s

Dmitri M. Bondarenko

In this chapter, the author aims to show how the historical (aka cultural or social) memory of the Civil War (the War of the North and the South) of 1861–1865, and the corresponding abolition of slavery become a factor in the anti-racist movement that has swept the country again in recent years. Attention is drawn to transformations in the Civil War memory associated with changing perceptions of the history, essence, and sociocultural boundaries of the American nation. The essence of these changes is the affirmation of a view of the U.S. nation as the entity that includes both whites and blacks on an equal footing. It has also changed the perception of the Civil War as a key moment in the formation of the American nation: whereas previously the War of the North and the South

was seen as a war between Northern whites and Southern whites, it has increasingly emphasized the active role of black Americans. At the same time, the differences in the historical memory of the Civil War and the abolition of slavery that persist in the North and the South allow the author to argue that the sociocultural division of American society into Northerners and Southerners has not disappeared to this day. The chapter also highlights that not just racial dichotomies, but racial inequalities were embedded in the very foundation of the American nation at the time of its formation. This fact raises the question of whether so-called systemic (otherwise structural, institutional, or social) racism is in principle eradicable in the United States, despite the obvious change for the better in the Black community since the victory of the Civil Rights Movement of 1954–1968.

CHAPTER 3

“War with Monuments”: Black Heritage and Historical Politics in the USA

Veronica V. Usacheva

The chapter focuses on the impact of monuments and memorials on public consciousness in the context of memory politics in the United States and the role of Black heritage in it. Memorialization is an essential component of the process of national or communities’ identity formation, where the erection of monuments is one of the central means for politics of memory. A key point for the politics of memory in the United States is the Civil War. However, this cultural memory excludes the black people as an active hero of the Civil War narrative, they have no subjectivity in it. Perhaps particularly this contradiction underlies the relentless and intransigent struggle against monuments. The Black Lives Matter (BLM) movement, which spontaneously swept the United States after the death of African-American George Floyd at hands of a police officer, actualized a new front of struggle – against historical monuments. The protests in the USA, and later in Britain, Belgium, and elsewhere, have targeted a number of political figures of the past who were tainted by the slave trade or the violation of black rights. In some cases, it was the authorities themselves who decided to rewrite history and relegate controversial

heroes from the pedestal of honor. Vandalism and the destruction of monuments have become a worldwide phenomenon. As a rule, it is a reflection of the memory politics of society, which reacts in this way to the historical policy pursued by states and authorities.

CHAPTER 4
**Black Heritage in African Americans' Perception:
Sociocultural Contexts, Symbols,
and Commemorative Practices**

Nadezhda E. Khokholkova

This chapter focuses on Black heritage, which in a broad sense is a set of material, cultural and historical objects and symbols created by generations of people of African descent in the past, of value in the present, and preserved for the future. Depending on the context, this term can have both a universal meaning, combining within itself the global sociocultural experience of Africans of the continent and diasporas (old and new ones), and a local meaning, referring to traditions, practices and narratives of specific communities. The author makes an attempt to analyze the idea of Black heritage and its reflections in the consciousness of African Americans. The essence of the concept and related associations are studied primarily on the basis of evidence collected in the field. Particular emphasis is placed on visual symbols of Black heritage like “Garvey’s flag” and The Black American Heritage Flag, the “Icons” like Martin Luther King Jr., Paul Robeson, Malcolm X, and commemorations like Black History Month, Juneteenth, and Kwanzaa.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Глеб Владимирович – кандидат исторических наук, заместитель директора и старший научный сотрудник Международного центра антропологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Бондаренко Дмитрий Михайлович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора и главный научный сотрудник Института Африки Российской академии наук

Усачева Вероника Владимировна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук

Хохолькова Надежда Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук

Илл. 1. Бикон-Хилл сегодня – один из самых богатых и, пожалуй, самый тихий район исторического центра Бостона, на нескольких улочках которого сохранена неизменно привлекающая внимание туристов булыжная мостовая. *Фото Г.В. Александрова.*

Илл. 2. Бывшая церковь на Чарлз-Стрит, являвшаяся «сердцем» черного сообщества Бикон-Хилла в Бостоне (сегодня передана в частные руки, на первом этаже расположено небольшое кафе, остальное здание занято офисами). *Фото Г.В. Александрова.*

Илл. 3. Памятник abolitionисту Уэнделлу Филлипсу, «пророку свободы и защитнику рабов», – один из многих памятников белым abolitionистам в Бостоне (памятников черным деятелям этого движения намного меньше). *Фото Г.В. Александрова.*

Илл. 4. Памятник 54-му Массачусетскому пехотному полку после реставрации, 2021 г. *Фото Г.В. Александрова.*

Илл. 5. Странник Д. Трампа в здании Капитолия с боевым флагом Конфедеративных Штатов Америки в руке на фоне портретов исторических деятелей середины XIX в. – защитника рабства Дж.К. Кэлхуна и аболициониста Ч. Самнера. 6 января 2021 г. <https://businessinsider.com/photo-trump-supporter-riot-confederate-flag-us-capitol-2021-1> (дата обращения 12.12.2021). Фото С. Лоеба (S. Loeb).

Илл. 6. Выставка «Люди перемен. Власть. Триумф. Правда», посвященная «черному наследию», в г. Шарлотт, штат Северная Каролина, ноябрь 2022 г. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 7. Памятник «Освобождение рабов». Скульптор Т. Болл, 1879 г. Монумент стоял в центре Бостона до декабря 2020 г. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 8. Памятник «Освобождение рабов» в парке им. Гарриет Табман в Бостоне. Скульптор М.В.У. Фуллер, 1913 г.; отлит в бронзе в 1999 г. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 9. Памятник «защитникам суверенитета штата» в Парке Конфедерации в г. Форт-Милле, штат Южная Каролина. Скульптор, возможно, Л.Д. Чайлдс, 1891 г. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 10. Обелиск в память о «верных рабах» в Парке Конфедерации в г. Форт-Милле, штат Южная Каролина. Скульптор, возможно, Л.Д. Чайлдс, 1895 г. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 11. Мемориал в память о связанных с университетом людях, сражавшихся на стороне Конфедерации, в кампусе Университета Алабамы в г. Тускалуза, демонтированный в июне 2020 г. Фото Д.М. Бондаренко.

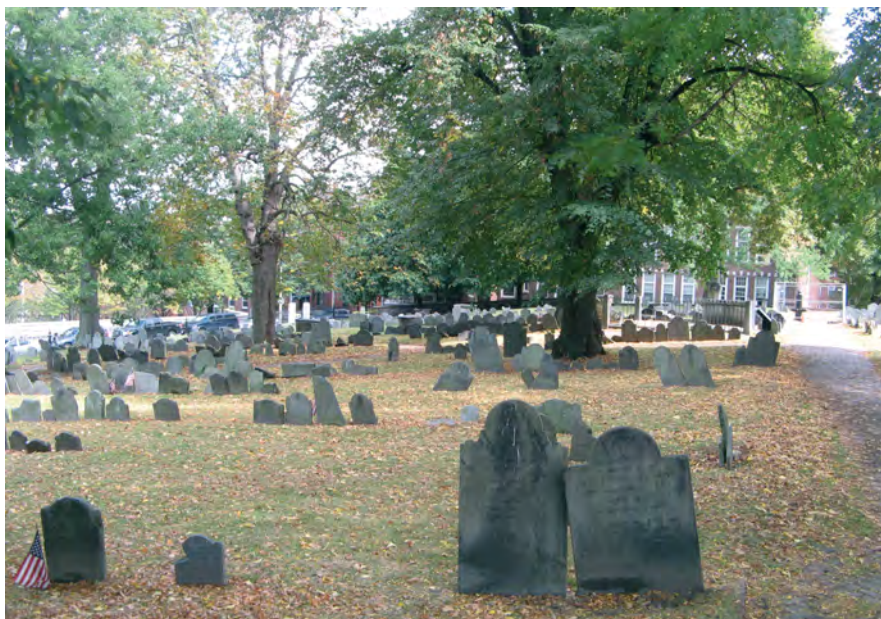
Илл. 12. «Мемориал африкано-американской истории Техаса». Скульптор Э. Дуайт, 2016 г. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 13. Национальный памятник «Африканское захоронение». Архитекторы Р. Леон, Н. Холлант-Денис, 2007 г. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 14. «Триумф человеческого духа». Скульптор Л. Пэйс, 2000 г. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 15. Африкано-американское кладбище Коппс-Хилл в Бостоне. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 16. Африкано-американское кладбище при пресвитерианской церкви Эллисон-Крик в графстве Йорк, штат Южная Каролина. Фото Д.М. Бондаренко.

*Илл. 17. Музей-усадьба «Исторический Брэттонсвилл» в графстве Йорк, штат Южная Каролина.
Фото Д.М. Бондаренко.*

*Илл. 18. Музей-усадьба Филипсбург в г. Слипи-Холлоу, графство Вестчестер, штат Нью-Йорк.
Фото Д.М. Бондаренко.*

Илл. 22. Проекция изображения убитого полицейским афроамериканца Джорджа Флойда на тогда еще не снесенном памятнике генералу армии Конфедерации Роберту Ли в г. Ричмонде, штат Виргиния. <https://urokiistorii.ru/articles/vojna-s-pamjatnikami> (дата обращения 01.10.2023).

Илл. 23. Памятник Розе Паркс в Капитолии, г. Вашингтон. Открыт в феврале 2013 г.; скульптор Ю. Дауб. Роза Паркс – афроамериканка, 1 декабря 1955 г. отказавшаяся уступить место в автобусе белым пассажирам в г. Монтгомери, штат Алабама. Ее поступок вызвал бурную реакцию общественности и привел к бойкоту автобусных линий города. Это событие стало символом начала Движения за гражданские права. Фото В.В. Усачевой.

Илл. 24. «Камень Надежды» – национальный мемориал Мартина Лютера Кинга-младшего в г. Вашингтоне, округ Колумбия. Открыт в августе 2011 г.; скульптор Лэй Исинь. Фото В.В. Усачевой.

Илл. 25. Памятник знаменитому рок-музыканту Чаку Берри в его родном городе Сент-Луисе (штат Миссури), установленный еще при его жизни. Фото В.В. Усачевой.

Илл. 27. Надпись в парке Киенер Плаза в центре Сент-Луиса, штат Миссури. 2015 г. Фото В.В. Усачевой.

Илл. 26. Мурал с портретами выдающихся музыкантов в кафе в Сент-Луисе, штат Миссури. Фото В.В. Усачевой.

Илл. 28. Смитсоновский национальный музей африкано-американских истории и культуры в г. Вашингтоне, округ Колумбия (слева – Монумент Дж. Вашингтону). Фото В.В. Усачевой.

Илл. 29. Монумент в память о девочках, погибших при взрыве бомбы в баптистской церкви 15 сентября 1963 г., в сквере Келли Инграм Парк в г. Бирмингеме, штат Алабама. https://heatheronhertravels.com/wp-content/uploads/2019/10/2-Kelly-Ingram-park-Birmingham-Alabama-Photo-Heatheronhertravels.com_.jpg (дата обращения 01.10.2023).

Илл. 30. Советский журнал «Огонек» в № 52 за 1968 г. писал: «На пьедестале почета победители Олимпиады в Мехико в беге на 200 м – американские негры Томми Смит (в центре) и Джон Карлос. Когда в их честь поднялся флаг США, спортсмены склонили головы и подняли вверх руку в черной перчатке. Их мужественный жест протеста против расизма в Соединенных Штатах встретил поддержку всего мира. Но руководители американских олимпийцев изгнали Смита и Карлоса из команды. У чиновников-расистов было провозглашенное Декларацией “право на свободу убеждений и на свободное выражение их”. А у победителей Олимпиады его не было». <https://dzen.ru/a/X392TtOfzljumAll> (дата обращения 01.10.2023).

Илл. 31. Памятник Т. Смит и Дж. Карлосу в кампусе их альма-матер – Государственного университета Сан-Хосе. Автор – Р. Гувейя (Риго 23), 2005 г. Фото Д.М. Бондаренко.

Илл. 32. «Панафриканский флаг», или «флаг Гарви». <https://www.gsa.gov/about-us/regions/region-8-rocky-mountain/region-8-newsroom/rocky-mountain-region-feature-stories-and-news-releases/a-historic-flag-raising-during-black-history-month-02152023> (дата обращения 01.09.2023).

Илл. 33. «Флаг наследия черных американцев». <https://originalblackamericanheritageflag.com> (дата обращения 01.09.2023).

Коллективная монография

**«ЧЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ»:
АФРИКАНЦЫ И ИХ ПОТОМКИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ США**

Утверждено к печати

Ученым советом Института Африки РАН

Редактор

Л.Ю. Тенякова

Компьютерная верстка

Г.М. Абишева

Подписано в печать 27.03.2024. Усл. печ. л. 16.
Формат 60x90/16. Тираж 500 экз. Заказ № 07741

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.
Тел.: (495) 859-48-62